

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 35 АВГУСТ 1985
ИЗ ИСТОРИИ КРЕМЛЯ
Юрий Жуков: ТРИ ДНЯ В ХЕЛЬСИНКИ
БЕРЕЖЛИВОСТЬ: РАЗНЫЕ АСПЕКТЫ

Сергей Смирнов — победитель в толкании ядра.

«Флорентийская чаша».

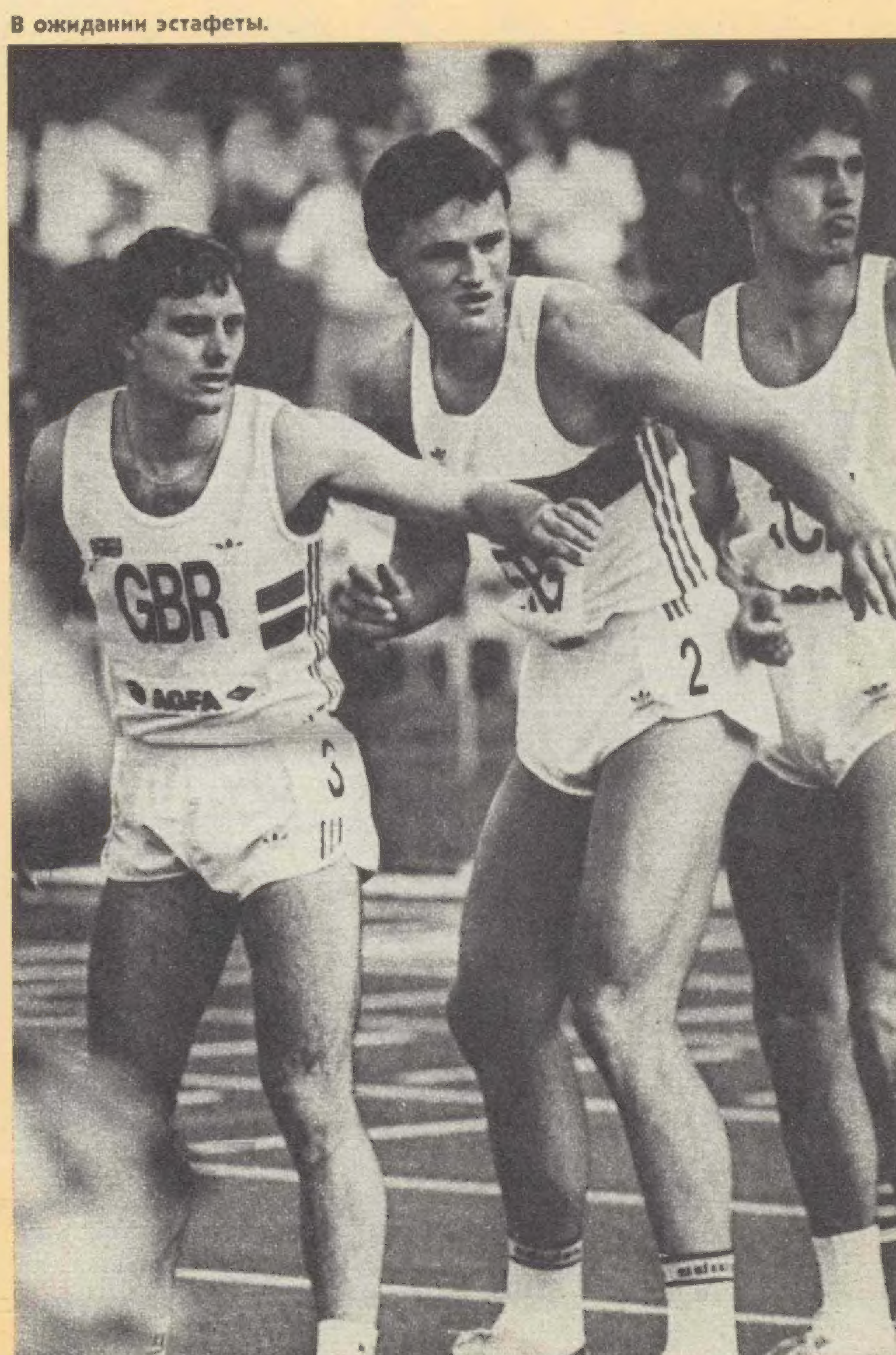
П О Б Е

Прыгунья в длину Галина Чистякова принесла своей команде 8 очков.

В ожидании эстафеты.

Марита Кох (ГДР) финиширует первой в беге на 200 метров.

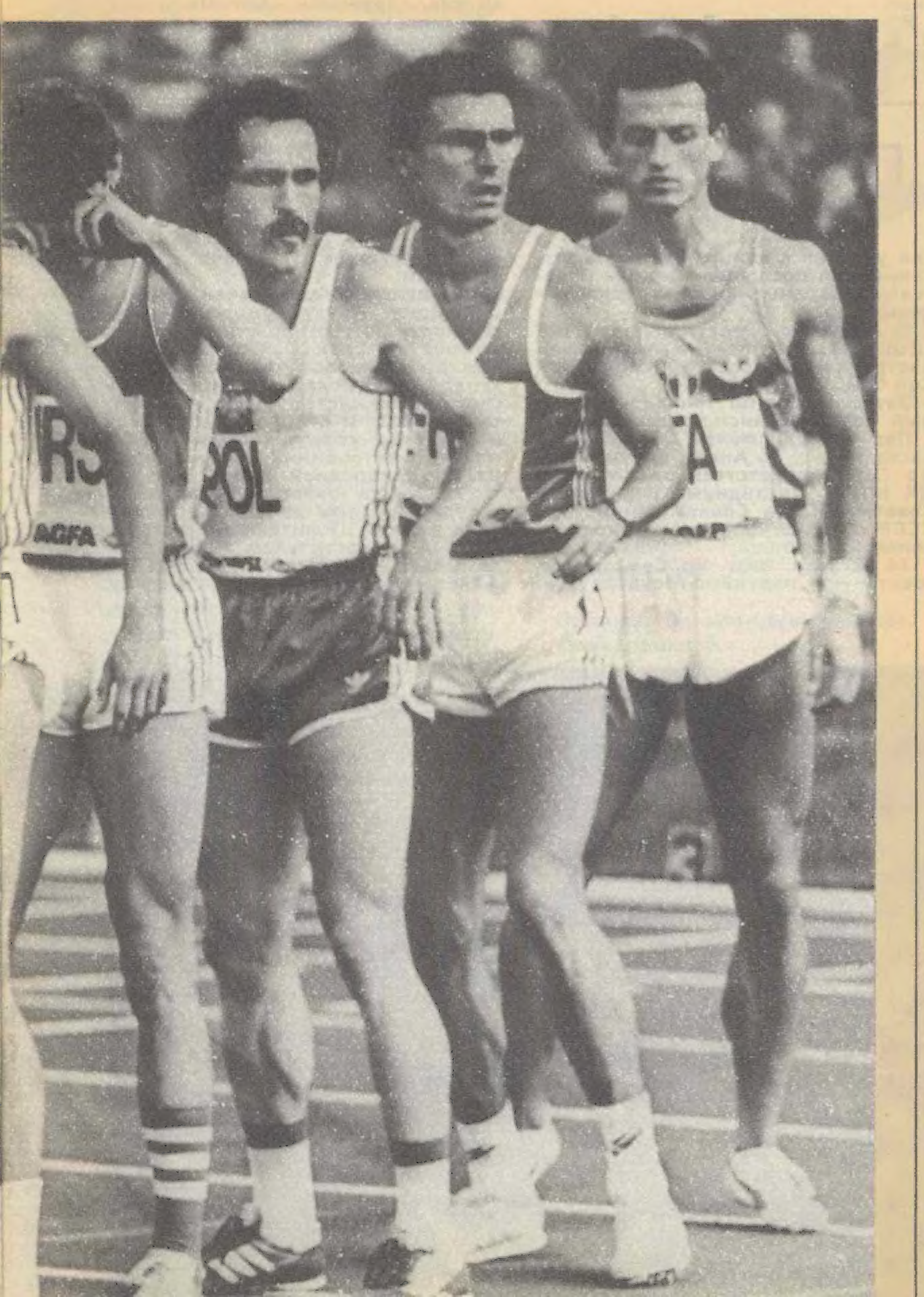
Стефка Костадинова (Болгария) лучше всех прыгнула в высоту.

Д А !

«Серебряная девушка».

См. стр. 32 и III обл.

Сергей Бубка взял 5.80.

М. С. Горбачев среди артековцев.

Фото В. Мусаэльяна и К. Дудченко (ТАСС)

МИР — ДЕТЯМ, МИР — ПЛАНЕТЕ

Всесоюзный пионерский лагерь «Артек» имени В. И. Ленина — в многоцветье праздничного убранства. 16 августа юные ленинцы Страны Советов и их сверстники из 60 государств открыли здесь международный театрализованный праздник «Дружат дети всей планеты!». Он посвящен XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве, 40-летию великой Победы и 60-летию «Артека».

В гости к артековцам приехал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

На главной площади его горячо приветствовали юные жители всесоюзной здравницы, где все создано для их увлекательного, хорошего отдыха и учебы. Трудно поверить, что пионерская республика, добрая слава о которой идет по всему миру, начиналась с нескольких брезентовых палаток.

К юбилею своего интернационального лагеря артековцы получили в подарок ленинский мемориал.

К памятнику В. И. Ленину М. С. Горбачев возложил цветы.

М. С. Горбачев спрашивал у ребят об их успехах в учебе, интересах, пожелал им хорошего отдыха.

На площадь стадиона вступили оркестры. Звучит торжественный марш, возвещающий об открытии международного детского праздника. Дети преподнесли М. С. Горбачеву цветы.

Ребята горячо и долго аплодировали. Они скандировали: «Спасибо родной Коммунистической партии за наше счастливое детство!», «Мир!», «Дружба!», «Артек!».

Несколько часов продолжался этот праздник, полный радости, счастья и ребячьих улыбок.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 35 (3032)

24—31 АВГУСТА

ТОРЖЕСТВА В ПХЕНЬЯНЕ

14 августа в Пхеньяне состоялось торжественное заседание, посвященное 40-летию освобождения Кореи.

Продолжительными аплодисментами встретили участники заседания Генерального секретаря ЦК ТПК, Президента КНДР Ким Ир Сена, члена Президиума Политбюро ЦК ТПК, секретаря ЦК ТПК Ким Чен Ира, других партийных и государственных руководителей республики, советскую партийно-государственную делегацию во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиевым, членов других советских делегаций, прибывших в Пхеньян для участия в юбилейных торжествах. Среди посланцев Страны Советов — ветераны боев за освобождение Кореи.

С докладом выступил член Политбюро ЦК ТПК, Премьер Административного совета КНДР Кан Сен Сан.

Затем выступил тепло встреченный собравшимися Г. А. Алиев.

Под аплодисменты участников заседания Г. А. Алиев вручил Ким Ир Сену приветственное послание ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР в адрес корейских руководителей.

14 августа Ким Ир Сен принял советскую партийно-государственную делегацию во главе с Г. А. Алиевым.

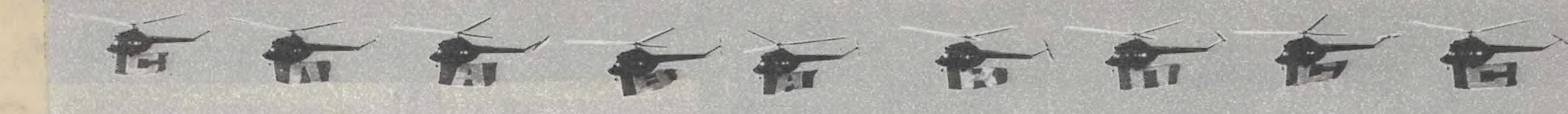
Состоялся обмен мнениями по широкому кругу вопросов советско-корейских отношений, а также по ряду актуальных международных проблем. Беседа, прошедшая в теплой, дружеской атмосфере, подтвердила единство взглядов Советского Союза и КНДР, их готовность к развитию сотрудничества как в плане двусторонних связей, так и на международной арене.

17 августа советская партийно-государственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиевым возвратилась на родину.

Во время переговоров.

Фото Э. Песова (ТАСС).

В НЕБЕ ТУШИНА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Задолго до открытия авиационно-спортивного праздника, посвященного 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, москвичи и гости столицы заполнили летное поле аэродрома в Тушине.

Тепло были встречены присутствующими находящиеся на центральной трибуне товарищи Г. А. Алиев, В. И. Воротников, В. В. Гришин, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, С. Л. Соколов, Б. Н. Ельцин, Л. Н. Зайков, М. В. Зимянин, В. П. Никонов. На празднике были также заместитель Председателя Совета Министров СССР Я. П. Рябов, руководители ряда министерств, ведомств, видные военачальники, представители партийных, советских и общественных организаций.

Праздник открыл председатель ЦК ДОСААФ СССР Герой Советского Союза адмирал флота Г. М. Егоров.

Вот на небольшой высоте к аэродрому подходит колонна вертолетов МИ-2 одного из старейших в стране — Егорьевского аэроклуба. Ведет колонну мастер спорта Геннадий Колесников. Головная машина несет алое полотнище с портретом В. И. Ленина. Следом летит вертолет с Государственным флагом СССР. И наконец проплывают вертолеты с транспарантами, на которых начертано: «Слава КПСС!»

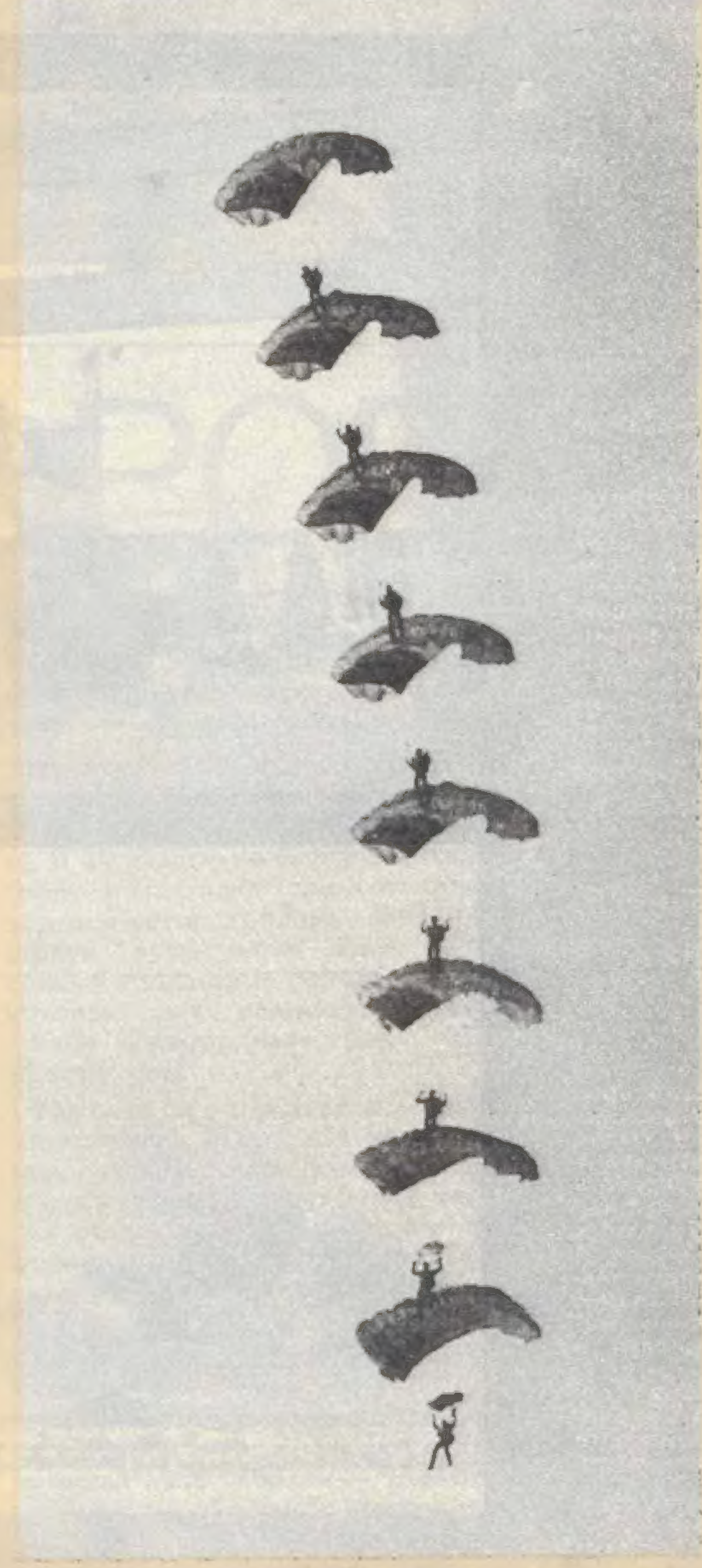
Колонна вертолетов покидает пределы аэродрома, и на поле накатывается гул большой группы спортивных самолетов ЯК-52, которые пилотируют спортсмены из аэроклубов разных городов страны. Их самолеты образуют дату — «40 лет».

Программу авиационно-спортивного праздника продолжает пятерка вертолетов Центрального аэроклуба СССР имени В. Чкалова, ведомая мастером спорта Евгением Орловым. И опять — групповой пилотаж, уже на реактивных Л-29, созданных в братской Чехословакии.

Выступления парашютистов открывает команда чемпионов мира. С высоты 2000 метров спортсмены один за другим приземляются в круге, расположенном в центре летного поля.

В небе — мастера высшего пилотажа. Ирина Адабаш выступает на ЯК-50, а Сергей Боряк знакомит зрителей с новинкой советского спортивного самолетостроения СУ-26.

В заключение — «десант мира», большая группа парашютистов салютует разноцветными ракетами гостям и участникам праздника.

«Этажерка» — групповой прыжок парашютистов.

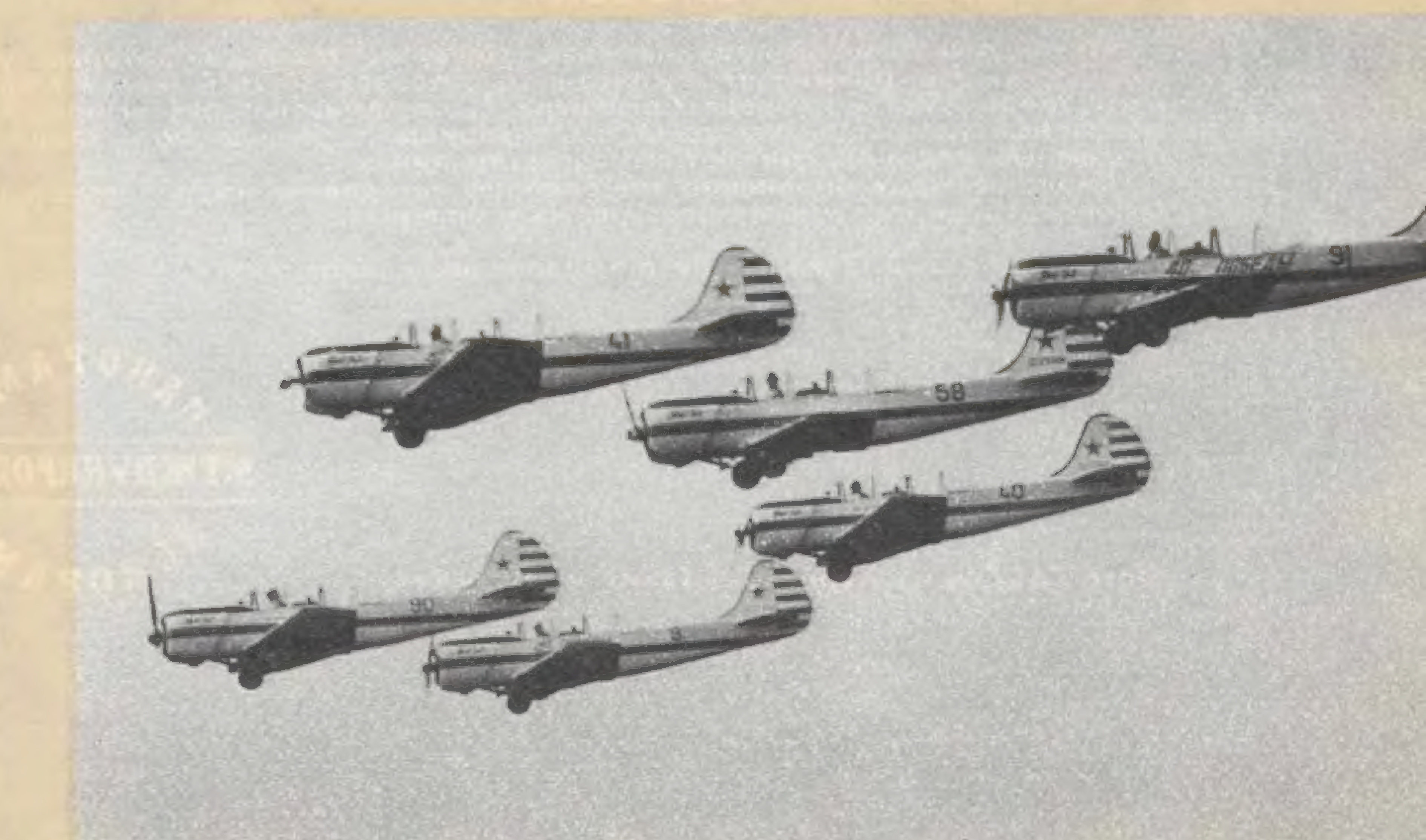

Многие тысячи москвичей стали гостями авиационно-спортивного праздника в Тушине.

Пилотаж на мотодельтапланах. Киевский аэроклуб.

В небе — самолеты ЯК-52.

1

ЮАР

УБИЙЦЫ ИЗ ПРЕТОРИИ

1500 человек вышли на состоявшуюся в южноафриканском городе Дурбан демонстрацию протеста против нового варварского преступления расистов Претории — убийства видного борца против апартеида адвоката Виктории Мсенге. Она была застрелена в пригороде Дурбана наемными убийцами вечером 1 августа. Расправа с активисткой антирасистского движения вызвала волну возмущения в Южной Африке и других странах.

Участники манифестации в Дурбане потребовали от властей прекратить террор. В ответ против демонстрантов были брошены усиленные наряды полиции. Как сообщает южноафриканская печать, свыше 30 человек арестовано. Всего же, даже по явно заниженным официальным данным, с момента введения в ЮАР чрезвычайного положения за решетку брошены уже 1406 противников режима апартеида.

На снимке: перекрестки негритянских гетто блокированы бронетранспортерами.

1

2

ЯПОНИЯ

ВОРОТА, ВЕДУЩИЕ В АД

Знаменитые ворота в городе Наха на японском острове Окинава, по мнению местных жителей, всегда приносили счастье тем, кто имел возможность под ними пройти. Они приносили удачу, любовь и веру в будущее. Однако так уж случилось в наши дни, что каждый, кто проходит под воротами, неминуемо попадает к воротам одной из многочисленных американских баз, плотной сетью окутавших Окинаву во всех направлениях. Здесь сконцентрировано около половины всех американских военных объектов на территории Японии. На Окинаве и шагу нельзя ступить, чтобы не натолкнуться на надпись «Проход строго запрещен. Объект армии США». На примере этого острова как в капле воды видны не только все отрицательные стороны американского военного присутствия на японской земле, но и те опасные роли «непотопляемого авианосца» и «ядерных заложников», которые уготовил Пентагон Стране восходящего солнца и ее жителям.

На снимке: знаменитые ворота в административном центре острова Окинава — городе Наха.

2

3

ЕГИПЕТ

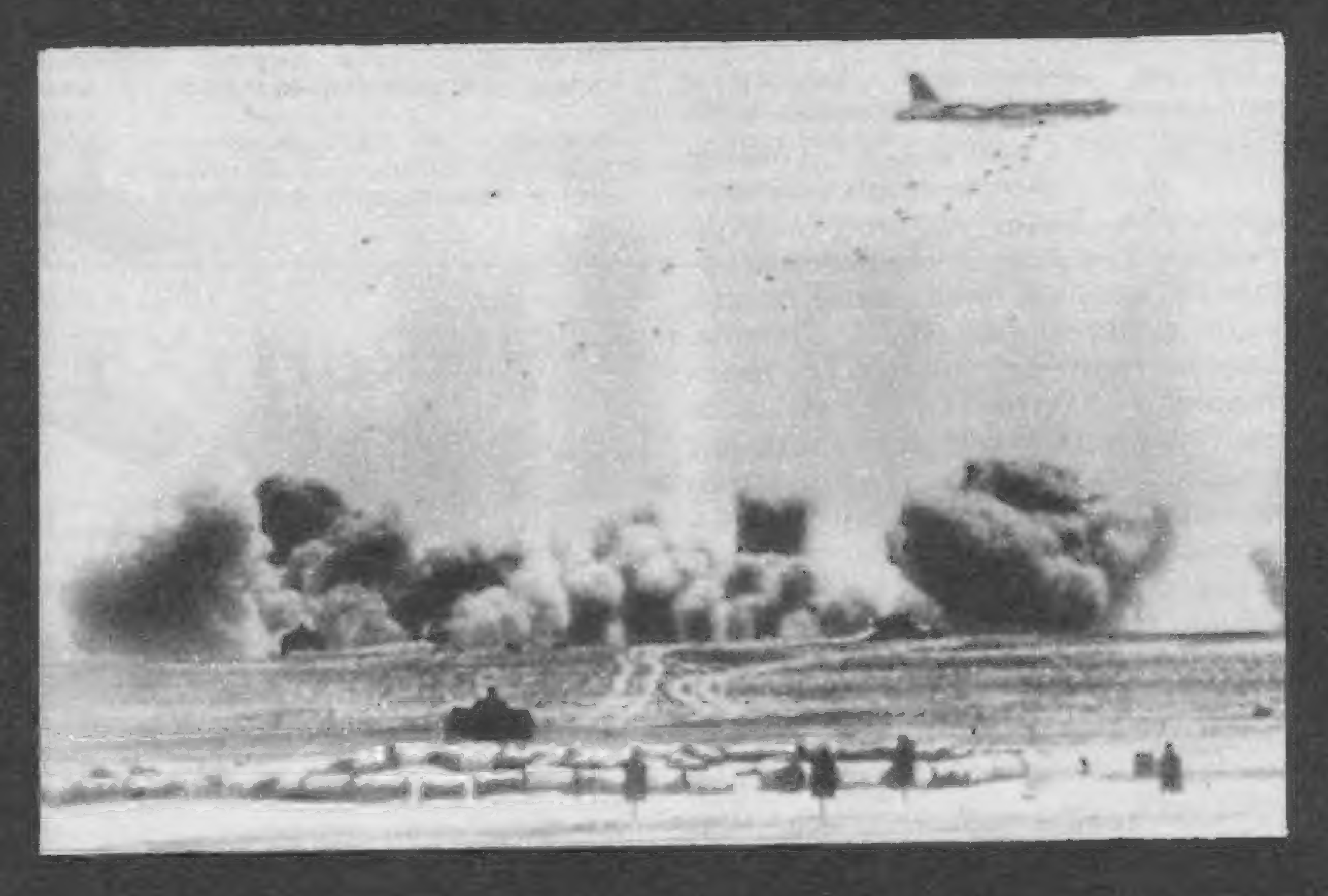
«БРАЙТ СТАР-85»

На территории АРЕ завершились американо-египетские маневры, проходившие под кодовым названием «Брайт стар-85». Наряду с подразделениями египетской армии в них принимали участие свыше 9 тысяч американских военнослужащих, костяк которых составил контингент «сил быстрого развертывания» США. Совместные учения, организованные Пентагоном в Египте, проходили одновременно с военными маневрами на территории Иордании, Сомали и Омана с участием американских войск.

В ходе этих крупномасштабных военных учений отрабатывалась высадка морского десанта с американских военных кораблей, включавших атомный авианосец «Нимиц». На завершающем этапе пятидневных маневров к северо-западу от Каира был выброшен воздушный десант и проведена бомбардировка учебных целей с воздуха (на снимке).

Завершившиеся маневры, как отмечает прогрессивная арабская печать, стали новым подтверждением стремления США продолжать политику военно-политического шантажа арабских государств с опорой на те режимы, которые находятся в политической и экономической зависимости от Вашингтона.

3

4

США

«АВТОБУСНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

«Автобусным человеком» называют Джонни Эдвардса, который уже пятнадцать лет проживает в списанном автобусе. И хотя жилье 65-летнего американца из города Спейгнера (штат Аризона) без всяких элементарных удобств и электричества, товарищи по несчастью — такие же бездомные, как и он, считают его «счастливчиком».

Около четырех миллионов американцев сегодня не имеют крыши над головой, среди них много престарелых и больных.

На снимке: Д. Эдвардс и его импровизированное жилье.

4

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

Фото ТАСС и из журналов «Тайм» и «Ньюсуик»

КУРС–РОДНЫЕ БЕРЕГА

...Радиограмма с борта ледокола «Владивосток»:

«Координаты 41 гр. 24 мин. южной широты, 174 гр. 49 мин. восточной долготы, ветер северо-западный 20 метров в секунду, море 5 баллов, температура плюс 13 град., видимость 6 миль, курс 15 град., скорость 15 узлов, за сутки пройдено 314 миль. Принимаем лоцмана. Капитан Антохин».

19 августа ледокол «Владивосток» и научно-экспедиционное судно «Михаил Сомов» вошли в новозеландский порт Веллингтон. Позади тяжелые льды, переход через «неистовые пятидесятые» и «ревущие сороковые» широты. На этот раз они встретили и проводили оба судна весьма доброжелательно.

Мы беседуем с заместителем председателя Государственного Комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды Героем Советского Союза **Е. И. ТОЛСТИКОВЫМ.**

— Евгений Иванович, операция по освобождению «Сомова» из ледового плена была выполнена в довольно короткий срок. Благодаря чему?

— Причин несколько. Первая — это тщательное изучение анализа спутниковой информации, из чего мы поняли, что в том малоизученном районе, где застряло судно, бывают значительные подвижки льда, а значит, образуются каналы и разводья. Можно было рассчитывать на то, что посылка такого ледокола, как «Владивосток», себя оправдает. Более мощные ледоколы нужны были в Арктике — там обстановка напряженная.

Мы были уверены в том, что по молодому льду «Владивосток» пройдет. Правда, настораживало большое количество айсбергов, которые таят особую опасность в условиях полярной ночи.

Учтите еще и то, что «Владивосток» отправлялся с огромным, непривычным для собя запасом груза. В частности, на борту были вертолет и порядка семисот бочек вертолетного топлива. «Владивостоку» предстояло идти через сильно штормовые районы океана, которые для ледокола — совершенно «чужеродная» среда. Но — преодолели!

Потом он подошел к массиву многолетних льдов. И надо сказать, что там нам повезло. Сложилась очень благоприятная ледовая обстановка. В результате подвижки образовались разводья и каналы, по которым ледокол довольно быстро подошел к «Сомову», околол его и вывел в зону более легкого льда.

Несомненно, в успехе сказался большой опыт проводки судов, который наши моряки — ученые и летчики приобрели в Арктике в условиях полярной ночи и низких температур, вызывающих, в частности, быстрое намерзание льда на корпусе.

На ледоколе случались неисправности. Но не было ни одной, которая бы поставила под сомнение успешное выполнение задания. Самоотверженно действовали ремонтная бригада, специалисты машинного отделения, палубная команда, связисты. На борту была установлена параболическая антенна системы спутниковой связи «ИНМАРСАТ», которая работала безотказно. В любое время дня и ночи мы могли, сняв трубку обычного городского телефона, разговаривать с бортом ледокола. При этом слышимость была прекрасная. Эта связь сослужила добрую службу в оперативном принятии важных решений. Высокое мастерство проявил молодой капитан ледокола Геннадий Антохин.

— Как вы оцениваете работу пилотов в этой операции? — спрашиваю знаменитого полярного летчика, а ныне главного государственного инспектора администрации Северного морского пути, Героя Советского Союза **Марка Ивановича ШЕВЕЛЕВА.**

— Исключительно высоко. Мы здесь, в Москве, могли довольно точно судить об их работе. Как? Вот, скажем, за сутки ледокол и «Сомов» преодолели относительно немалое для тех условий расстояние, а в следующие уже намного меньше. В чем дело? Даже без дополнительных разъяснений с борта нетрудно было сделать вывод: резко ухудшилась видимость, в результате чего летчики не смогли выполнить полноценную ледовую разведку.

— Мне приходилось летать в Арктике на ледовую разведку в условиях полярной ночи. Правда, на самолетах. Они неизменно освещали при этом лед прожекторами.

— Прожектор не столь эффективен, потому что высвечивает лишь небольшое пятно, ведь летать приходится очень низко. А летчику, как нетрудно понять, нужен хороший обзор. Так что обеспечивая проводку судов, летчикам сейчас приходилось использовать в основном то короткое светлое время дня, что отводила природа. Точнее, использовать сумерки. К тому же учтите, что вертолеты в условиях полярной ночи почти не работали, вернее, работали экспериментально.

— И еще ветер...

— Смотря какой. Тот, что дует со скоростью десять метров в секунду, для МИ-8 не так уж страшен. Но свыше двадцати метров в секунду — это уже очень серьезно, особенно при посадке на палубу. А такие ветры нередко сопутствовали полетам. Но едва ли не главная неприятность, которую несут в этих условиях ветры, состоит в том, что резко ухудшается видимость. Или вовсе пропадает. Из-за этого полеты порой приходилось откладывать. В общем, летчики проявили высочайшее мастерство и мужество. Как, впрочем, и экипажи обоих судов.

— Евгений Иванович, продолжались ли научные исследования на борту «Сомова» в тот период, когда он шел под проводкой ледокола?

— Да, и довольно интенсивно. Район, где находилось научно-экспедиционное судно, как я уже говорил, чрезвычайно мало изучен. Учитывая это, а также и то, что следующая подобная возможность нам вряд ли вскоре представится, мы направили с ледоколом дополнительную группу ученых и научную аппаратуру. Намеченные работы были развернуты и проводились по всему маршруту следования судов. Ученые выполняли глубоководные гидрологические исследования и метеонаблюдения. По этой причине последние десятки миль перед выходом на чистую воду шли довольно медленно, с частыми остановками. Я полагаю, что обработка полученного материала даст много ценных сведений об этом интереснейшем районе Мирового океана.

— Когда можно ожидать возвращения судов на Родину?

— Дня три они будут находиться в Веллингтоне, пополняя запасы топлива и продовольствия, а затем направятся к родным берегам, причем разными путями. «Михаил Сомов» пойдет через Панамский канал в Ленинград, где мы ожидаем его в начале октября. Судну предстоит ремонт и подготовка к следующей, 31-й по счету антарктической экспедиции. А ледокол направится в порт своей приписки — Владивосток. Идти ему порядка двадцати дней. Оттуда он вскоре направится в Арктику.

Беседу вел В. ЛЕЙБОВСКИЙ.

КТО НЫНЧЕ БОГАТ?

Н. ХРАБРОВА

Действительно, кто? Тот ли, кто расточителен и не хочет знать границ богатства, или тот, кто экономит каждую копейку? «Ну, это уж для мольеровского скупца!» — скажет иной читатель. Хорошо, не нравится — давайте не будем считать копейку в собственном кошельке. Но ведь от того, как мы относимся к копейке государственной, зависит и содержимое нашего кошелька. Связь эта несомненна, только у нее много промежуточных звеньев...

О них и вели разговор парторг совхоза имени Гагарина Вильяндиского района Рейно Эллуку и главный инженер Олеву Рюйтли, когда растолковывали нам принципы совхозной экономики и экономии. Начали с бригады новой техники.

— А такие бригады существуют во всех совхозах по штатному расписанию?— допытывалась я.

— Так уж сразу и штатное расписание,— парировал парторг.— Вот мы сами взяли да и организовали бригаду, а почему бы и нет? При этом помнили, что новая техника иногда есть хорошо забытая старая техника. Но начнем с новой. Вот дисковая борона — хороший агрегат, с широким захватом, весьма производительна. А у нас поля узкие и каменистые, борона то не проходит, то ломается. Думал-думал Ааре Саммуль — он лучший рационализатор не только у нас в совхозе, но и в республике — и придумал открепить раму от жестких болтов и подвесить ее: на камнях борона подпрыгнет — только и всего, а раньше ломалась. Если она во весь размах пойдет по нашим узким дорогам, половины лесов недосчитаешься. Ааре как бы разделил борону на три части: на широком поле дискует во весь размах, на узких дорогах поднимает крылья. Скоро наш совхозный экономист Эльви Кивистик будет экономию подсчитывать!

И повез нас главный инженер Олеву Рюйтли в поле поглядеть еще на одну экономную машину — рассеиватель удобрений. Прежде чем писать этот репортаж, я позвонила заместителю республиканского Агропрома Антсу Лаансалу — дескать, как эта машина оценивается?

— Машина?! Да кто вам сказал, что она есть?!

— Своими глазами видела.

— Ради бога не пишите о ней, а то завтра же автоинспекция прикроет все это. Ведь совхоз приспособил списанную машину. А списанную-то по параграфам автоинспекции полагается автогеном резать на куски.

Вот, оказывается, какие барьеры стоят на пути превращения старой техники в новую, более бережливую.

— Мы тут многое понастроили,— говорит парторг Рейно Эллуку,— и каждый знает: если что-то строится при твоем непосредственном участии, то воспоминания об этом потом дóроги, как юность и весна... Но я с неприятным чувством вспоминаю то время, когда мы воображали себя «богачами» — почем зря расходовали горючее, бензин лился рекой, никто не жалел электроэнергии... Почему? Разве нам не известно было, что земные недра не бездонны? Но исторический опыт, оказывается, недостаточен, нужны суровые уроки, чтобы он пошел впрок. Видели бы вы, как вытянулись лица у всех нас, когда были повышены цены и установлены лимиты на бензин. Того и гляди, хозяйственный транспорт встанет, что же будет с уже привычными лаврами нашего совхоза? Вот тут-то и дошел до нас суровый смысл слова «экономия». Те, кто постарше, сразу напомнили младшим, как еще совсем недавно крестьянин экономил каждую каплю керосина в домашней лампе...

Вспомнили прошлое да и обернулись к настоящему. В любом хозяйстве найдутся люди, любящие технику. Вот и у нас: главный инженер да еще один инженер — Маргус Тоомпере, сварщик Ааре Саммуль и другие сварщики и токари, а проще говоря, мастера на все руки Юри Текко, Хейно Леэвит, Маргус Миккор. И появилась бригада новой техники. У нас многое задумано и будет сделано, а сейчас хочу рассказать о готовом.

Раньше рассеиватель удобрений прицепляли к обыкновенному «ЗИЛу», бензина он съедал порядочно. А почему бы и не перестроить «ЗИЛ» прямо на рассеиватель и не заменить карбюраторный мотор дизельным? Между прочим, автоинспекция не то чтобы сразу, но все же пошла навстречу — там ведь тоже автомобилисты сидят, а скорее всего они не поверили, что мы что-то сумеем сделать. Но наши ребята занялись вплотную. Сняли карбюраторный мотор, переделали коробку передач под дизельный двигатель, заменили картер, сцепление, насосы для гидравлической системы установили, переделали рассеиватель удобрений... Так получилась из списанной машины действительно новая — самоходная дизельная машина для внесения удобрений. И вторую такую же сделали. Машины эти работают без перерыва полгода, дизельные моторы ведь очень живучие, и дизельное горючее намного дешевле, чем бензин... Сильви, дай-ка нам экономию в рублях!

Экономист Сильви Кивистик раскрывает нужную страницу и дает справку: до переоборудования в мае — июне 1984 года было израсходовано горючего на 835 рублей 52 копейки. После переоборудования в мае — июне 1985 года — на 133 рубля 20 копеек. В денежном выражении примерно в 6,3 раза меньше, топлива — в 2,5 раза меньше.

Ааре Саммуль, сварщик бригады новой техники в совхозе имени Гагарина, назван лучшим рационализатором Эстонии.

Фото В. Сальмре.

Чем же еще можно убедить автоинспекцию? Доказать, что необходимо перестраиваться, вставать на новые экономические рельсы?

Я опять спрашиваю Антса Лаансалу:

— А в других хозяйствах республики есть похожие, переделанные из «ЗИЛов» рассеиватели удобрения?

Отвечает осторожно:

— Если бы в республике было хотя бы двести таких машин, то они дали бы за сезон около трех тысяч рублей экономии горючего. Но их пока нет. Ну вот и считайте дальше...

Не надо считать и делить шкуру неубитого медведя, решила я про себя. Достаточно и «убитого», двух самоходных самоделок в совхозе имени Гагарина. Что же касается автоинспекции, то она для того и существует, чтобы вести надзор над правильным и неправильным использованием автомобилей. А отнюдь не для того, чтобы «тащить и не пущать».

Экономить государственную копейку... Все ли способны на это в совхозе имени Гагарина — не берусь утверждать. Но что это стало здесь стойкой тенденцией — безусловно. И еще пример. Есть в совхозе уникальный свиноводческий комплекс — здание в шесть этажей, где 45 тысяч свиней откармливаются. В торговлю ежегодно поступает больше 5 тысяч тонн мяса, в хозяйстве — 50 тысяч породистых поросят. В этом комплексе подача кормов, санитария и гигиена — все механизировано. Требуется уйма электричества. Сами руководители входят в комплекс, предварительно помывшись в душе: как бы не занести инфекцию, падеж в таком хозяйстве — катастрофа.

Эта предосторожность тоже экономия, правда, не поддающаяся учету. А вот и подсчет. Свиноматки в этом комплексе размещаются в специальных загородках, рядом с ними новорожденные поросята. Раньше малышей содержали на подогреваемых электричеством ковриках. Но много тепла уходило в бетонный пол, кроме того, коврики трудно чистить. Поэтому было решено использовать для обогрева пола и воздуха инфракрасные лампы и по мере подрастания поросят уменьшать напряжение. За десять лет на одном только организованном подогреве выручена немалая сумма.

— Но это еще не все,— говорит заведующий котельной Андо Кепп.— Наш свинокомплекс построен по проекту вильяндиского «Колхозстроя», тепловая установка была сделана так, что включалась вся полностью. Но это не всегда требуется. Дело в том, что больше тепла следует давать новорожденным поросятам. Чем старше и крупнее животные, тем лучше они согревают помещение собственным теплом, а мы, чего греха таить, подавали его одинаково всем. В 1980 году перестроили отопительную установку таким образом, что теперь ее можно включать секциями: для молодняка — с 1 октября, для остальных — месяцем позднее. Да и почти всегда зимы у нас теплые, иногда вовсе не надо включать отопление, излишняя жара пользы не приносит. Разумеется, теплоотдачу регулируем согласованно с ветврачами и зоотехниками. Такая перестройка отопительной установки за год — с 1 января 1983 года по 1 января 1984 года — дала неожиданно большую экономию — двадцать семь тысяч триста двадцать девять рублей. Теперь остается только сожалеть, что электричество раньше выбрасывалось на ветер...

Крупицы опыта... Будь они большими или малыми, в огромном хозяйстве всей страны они могут стать нашим общим богатством. Не надо пренебрегать крупицами!

Римма ЛИХАЧ

Как каталась капуста...

В нашу редакцию часто приходят письма от читателей. Они сетуют на то, что в летнюю пору Москва плохо снабжается овощами и фруктами. Закупить всю необходимую зелень в одном магазине почти невозможно. Надо обегать несколько, и все равно многого не найдешь. Зелень продается «волнами». Одно — здесь, другое — там, да и не всегда удается захватить момент продажи. Директора магазинов объясняют это неравномерностью завоза овощей на базы поставщиками — подмосковными совхозами. Почему же все-таки капуста в одном конце города есть, а в другом нет?

С этими вопросами я и пошла по заданию редакции по инстанциям. Там, как оказалось, шли горячие перепалки вокруг капусты. Теперь она в магазинах появилась, но рассказать об этой капустной эпопее стоит даже задним числом, в ней наглядно проявилась закостенелая, устаревшая система снабжения торговли овощами, создающая нелепые положения.

Лето выдалось дождливое, холодное, сроки созревания сдвинулись. Подмосковным совхозам приходится тяжко, капуста растет медленно. Москву частично выручала привозная капуста из теплых краев. Наконец, с южной стороны столицы капуста выросла до стандарта. Совхозы, кои подчиняются «Мособлплодоовощхозу», начали снабжать базы капустой по заключенным с ними ранее договорам и повезли ее на «свою», южную сторону города. А северные магазины пребывали в «бедности».

Казалось бы, решение напрашивается само собой: надо выручать северные базы города — завозить им капусту. «Главмосплодоовощпром», руководит им Н. Т. Серегин, вступил в дипломатические переговоры с директорами совхозов. Но эти ответственные товарищи уперлись: пусть берут капусту те, с кем у нас договор. И для весомости этой позиции выдвинули доводы о порче овощей, перерасходе бензина и об отказе водителей выполнять эти рейсы, что уж совсем, как говорится, ни в какие ворота! Все-таки они работники совхозов, а не вольные «летучие голландцы». У них в руках надежная «баранка» и реальные направляющие «капитаны». Но совхозы твердо стояли на своем. В «Главмосплодоовощпром» пришла удивительная телеграмма (так и вспоминается «грузите апельсины бочками»). Вот ее текст: «От Тимирязевского объединения отказ приема белокочанной капусты 18 июля переключили четыре машины в Дзержинскую контору просим принять меры порчи продукции перерасход бензина тчк директор Гречухин». Заметьте, речь шла о расстояниях в черте города.

Задаю вопрос начальнику отдела заготовок и поставок «Главмосплодоовощпрома» А. Г. Макшину:

— В чем дело? Может быть, все-таки у них есть какие-то резоны?

— Расстояние увеличилось не более чем на десять километров — какая тут порча! — возмущается Макшин.— Везти ее обратно, это что — экономия бензина? У них и графа выполнения плана не пострадает. Мы засчитаем эту злосчастную капусту по тем районным объединениям, с коими у совхозов заключены договора. Не хотят! А потом будут жаловаться в арбитраж! Не приняли, мол, по договору!..

Жаловаться, конечно, можно, но не лучше ли действовать исходя из сложившейся обстановки, проявить гибкость, разумный подход к делу? Но докатились до абсурда: капусты в магазинах не было, а ее возили туда-сюда. Вмешался министр плодоовощного хозяйства СССР Н. Т. Козлов. А дело ли это министра? Но вот пришлось. На коллегии он в повышенном тоне говорил: «Для того, чтобы правильно распределить капусту по базам Москвы, не надо иметь ЭВМ или компьютер, даже высшего образования! Директора совхозов, видите ли, ссылаются на перерасход бензина, на порчу товара в случае переадресовки машины на другую базу. Какая тут может быть порча, какой перерасход бензина? Шоферы возражают!!»

Я слушала и думала: действительно, зачем возить капусту обратно в совхоз, с тем чтобы завтра опять отправить ее по другому адресу. И кому бы потом ни задавала я этот вопрос, вразумительного ответа так и не получила. Все эти ссылки на причины, приведенные выше, выглядят по меньшей мере наивно, когда речь идет о свежих овощах. Работники «Мособлплодоовощхоза» высказали мне и такой довод: на каждую машину требуется письменное распоряжение. Разве нельзя с Москвой согласовать заранее по телефону, пока машина еще в совхозе, где сегодня требуется капуста, по какому адресу ее доставить? И выписать согласно этому и накладные, и путевой лист водителю.

Мне думается, что за этим стоит односторонняя заинтересованность совхозов — выполнение его величества плана по валу, а вопросы качества и ассортимента остаются в тени. Объективности ради следует сказать: совхозы жалуются, что в Москве нет хорошо поставленной, ежедневной, централизованной диспетчерской службы, как, например, в Харькове. А самое правильное, считают они, чтобы овощные базы сами забирали товар.

До «Главмосплодоовощпрома», конечно, докатился этот «гром небесный» из кабинета министра. В результате были разосланы докладные в обком партии и в облисполком, дабы урезонить совхозное руководство. И возглавляющий «Мособлплодоовощхоз» С. А. Финенко, вставший было на защиту ведомственного мундира, под напором логики согласился с необходимостью переадресовки овощей. И, наконец, капуста-мученица поехала туда, где ждут не дождутся. Утихли страсти, и, как стало очевидно, ни перерасхода бензина, ни порчи товара не произошло, и решение найдено гибкое, деловое.

В Москве в летнее время действует «штаб по реализации овощей». Побывала и я там. Горячо у них: заседания, совещания, да и погода «режет без ножа». План горит. Сейчас в магазинах появилась свекла из Узбекистана. В штабе пеняют: зачем оттуда привозить свеклу, когда своя, подмосковная пошла?

Пошла. Но с задержкой, а на двери магазина не повесишь табличку: «Свекла пока не выросла». Вот и закупили. Но пришла она, когда подросла местная. При мне в штабе раздался звонок начальника снабжения совхоза «Первое мая» В. А. Малинина. В голосе отчаяние: «Не берет Бауманская база девятьсот пучков свеклы! А она у нас такая хорошая!»

Признаюсь честно, мне стало жаль ее. И его. Одно дело — ругать снабженца «за глаза», другое — услышать крик души. И все-таки...

Спрашиваю Малинина:

— А вы имеете право продавать ее в другие города?

— Имеем, у нас Иваново просит овощи.— И знакомый довод: — Но свекла плановая! Обязаны брать в Москве!

Вот и задумаешься: ведь сельское хозяйство не конвейер по выпуску машин. Там дождь ли, град ли, а машина с конвейера сойдет. А тут, как говорится, живой товар. Значит, планировать надо более точно, с учетом любых неожиданностей, в том числе и погодных. Не близкий свет возить свеклу из Узбекистана, возрастает ее себестоимость, да и «сталкивается лбами» с родимой подмосковной.

...На следующий день я позвонила в штаб.

— Ну, как решился вопрос со свеклой совхоза «Первое мая»?

— Отвезли обратно.

Да, покатилась свекла восвояси. Виной тому работа по старинке. А время требует коренным образом менять стиль работы. Но что-то медлят с переменами и в совхозе «Большевик». Привезли оттуда четыре машины зеленого лука в Гагаринское плодоовощное объединение. Конечно, это много, товар скоропортящийся. «Главмосплодоовощпром» передал по одной машине в Тимирязевское и Свердловское объединения. Машины лук туда так и не доставили. Где они? История повторяется. Опять накаляются телефонные провода.

У спорящих ведомств «Главмосплодоовощпрома» и «Мособлплодоовощхоза» два хозяина — Министерства плодоовощного хозяйства СССР и РСФСР. Они являются партнерами по снабжению Москвы овощами. Казалось бы, им и карты в руки при планировании. Но над совхозами властвует Облплан. Кроме того, если московский партнер един в своем лице, то областной многолик и переменчив. Вот как обстоит дело: все совхозы Московской области снабжают столицу овощами и фруктами, но частично продукция идет и на область.

Скажем так: совхозы «А», «Б», «В» и т. д. ежемесячно в течение года должны поставлять городу определенное количество тонн некоего товара. График расписан Облпланом и утвержден в соответствующих инстанциях. Но по каким-то своим причинам Облплан уменьшает количество поставок по месячному графику, например, совхозу «А». И совхоз «А» уже не партнер Москве. Что делать «Мособлплодоовощхозу»? Как закрыть дыру? У других совхозов свои цифры и обязанности по области.

Достаточно сказать: по письмам Облплана более ста восьмидесяти таких изменений было внесено в рабочем порядке, при этом менялись и совхозы-поставщики. О каком ритмичном снабжении, широком ассортименте овощей может идти речь в существующих обстоятельствах! Не следует ли ликвидировать ведомственную разобщенность и создать Торгово-производственное объединение с постоянно входящими в него совхозами, подчинить его Моссовету, поскольку это объединение будет снабжать город овощами?

В показатели плана надо включить и ассортимент, и качество. Только при выполнении этих условий воздавать совхозам почести и премии. В свою очередь, и магазины должны отвечать за ассортимент. Думается, что создание такого Торгово-производственного объединения будет являться надежным взаимозаинтересованным партнерством, прекратятся скачки в подвозе овощей, что благоприятно отразится на торговле. Это позволит расширить сеть «поле — магазин».

Директорам же, наверное, надо дать большую свободу варьировать закупками и ценами, как это делают в Болгарии. Там есть надбавка за риск: взял магазин заведомо большее количество товара, как он его продаст — дело работников магазина. А если продал, им идет процент с прибыли; перенять опыт дневной подвижности цен также полезно. Сейчас у нас с этим дело обстоит так: начал портиться товар к концу дня, специальная комиссия изменяет процент естественной убыли, а цена остается прежней. В результате товар пропадает. Покупатели не хотят его брать. А если на него снизить цену, как, например, на «снишие» ягоды? Хорошие дороже. «Второй свежести» — дешевле, будут брать на компоты, на варенье. И государству убытка нет.

Пока же нет покоя ведомствам, о коих шла речь выше. В июле «именинницами» были капуста и свекла. Сейчас область не может сбыть Москве сверх плана салат и огурцы. «Мосплодоовощпром» не берет. Вот, говорят, дали бы цветную капусту, кабачки — взяли бы на «ура». Опять все упирается в планирование, тонкое, с глубоким анализом и, главное, в заинтересованность производителя, а его прикрывает надежная спина вала...

Мы, конечно, не компетентны решать эти вопросы. Может быть, в чем-то мы и ошибаемся. Но инстанции, от которых зависит решение затронутых проблем, должны когда-то наконец найти новые методы своей работы.

бережливость: разные аспекты

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

ЛЕВИТАН

В. Серов. И. И. ЛЕВИТАН. 1893.

Ночью прошел дождь. Но утром свежий ветер разогнал непогоду и проглянуло ясное голубое небо. Стройная резная древняя колоколенка, словно березка, высилась над скученными крышами. Сизые тени убегающих тучек то возникали, то таяли в лиловой ряби реки.

— Как это красиво. Покой и движение. Вмиг вспоминается, как трепетно, валерно писал небо, облака, воду в своих чудесных пейзажах ваш Левитан. Думается, что он сумел найти свой единственный, в то время самый современный язык в раскрытии сердца России,— задумчиво произнес мой собеседник Арман д'Отрив, президент парижского Салона Гран Пале, французский художник, академик, почетный гость XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

— Конечно, я люблю,— продолжал д'Отрив,—наших прелестных импрессионистов: Клода Моне, Ренуара, Сислея, Писсарро. Но Левитан... Его картины — значительный, весомый вклад в европейскую, если хотите, мировую культуру. Ведь русская классическая живопись, как музыкальная классика — Чайковский, Мусоргский, Рахманинов, как романы Тургенева, Толстого, пьесы и рассказы Чехова, поэзия Пушкина и Тютчева, отличается какой-то особенной, сокровенной духовностью, которая так свойственна великому русскому народу — доброму, открытому, чувствительному. Мы, французские художники, высоко ценим глубинные связи наших культур, восходящие к далеким временам. И когда я вижу в личных библиотеках моих советских друзей, а у меня их много, ведь я здесь в пятый раз — любовно хранимые и читаемые тома Флобера, Гюго, Бальзака, Золя, Мопассана, не скрою,— сердце мое ликует. И еще. Одни из лучших в мире коллекций французской живописи — Пуссена, Шардена, Добиньи, Коро, Ренуара, Клода Моне, Сезанна, Матисса в собраниях Эрмитажа и Музея изобразительных искусств имени Пушкина. В начале века Париж, а точнее, вся Европа восторгалась балетами Дягилева, блестящими декораторами Александром Бенуа, Бакстом, Головиным. Это был пир искусства. И мы ныне не устаем восхищаться русским балетом. К сожалению, Франция меньше знакома с прекрасными творениями Александра Иванова, Сурикова, Валентина Серова, Левитана...

Недавно мы показали,— говорит наш гость,— в парижском Гран Пале большую экспозицию, где, фигурально выражаясь, перед зрителями предстал целый век вашей живописи. Она имела успех. Среди шедевров русской классики блистали два полотна Исаака Левитана «После дождя. Плес» и «Летний день». Мне особенно хочется отметить, что эти две жемчужины встретили весьма теплый прием в прессе. Так, «Котидьен де Пари» писала: «Обращение к более современной живописи произошло в творчестве Левитана,.. создавшего русский пейзаж». Я верю, если показать картины Левитана во Франции,— триумф был бы обеспечен. Язык живописи, как и музыки, не требует перевода. Он доступен любому. А как важно сегодня, в наше сложное время, лучше понимать друг друга. Быть ближе во имя мира и прогресса.

Не могу не сказать и о том грандиозном впечатлении, которое у меня оставил фестиваль в Москве. Это была сама дружба. Чистая и юная, глядящая вперед. Ведь мы накануне нового тысячелетия. Мир нужен планете, как воздух. И этому должно служить искусство.

В чем тайна обаяния шедевров Левитана? Художник не ставил точку в своих картинах. При всей завершенности его композиции никогда не претендуют на очерченность и выстроенность. Порою кажется, что эти пейзажи — фрагменты нескончаемой панорамы, которая движется перед вами, живет, тоскует или радуется, печалится или улыбается. Его творения словно музыка. Вглядываясь и вслушиваясь в них, чувствуешь мелодию природы. Ибо художник взял единственно верный звук. Щемящий, пронзительный, манящий. И это чарует души людей. Мотивы его пейзажей сотканы из неуловимых, тончайших нюансов, самых разных созвучий природы, то элегических, то мажорных, то грустных. Но эти аккорды не уходят, а подобно истинной музыке не забываются и живут в сердцах. Сюжеты его холстов будто случайно подсмотрены. Художник не хочет потрясти вас изысканной композицией, вычурностью силуэта, пряностью и блеском колорита. Все просто. Обыденно. Как будто уже видено. Даже буднично.

Но в том весь Левитан. Именно в доступности, доходчивости, всенародности слава его полотен. Они стали частью нашего бытия. Потому существуют понятия «левитановская осень», «левитановский пейзаж». Зритель ощущает правду его картин. Находит в них частичку пережитого, мгновения (часто очень дорогие) своей судьбы. Это высшая награда. Мнимая бессюжетность холстов художника, отсутствие жанра не делают его ландшафты безжизненными. Наоборот, в них мерцает, переливается, говорит поэзия, и вы начинаете постигать, что мир, окружающий вас — незамысловатые проселки, околицы, опушки, деревеньки,— обретает магическое, завораживающее значение. В этом могущество ауры Левитана — художника сложного, ранимого. Он оставил нам мир своей непреходящей мечты о добре, чистоте, радости.

Характер Исаака Ильича, крайне нервный, чувствительный, был не раз предметом удивления даже для близких ему людей.

Вспоминает его однокашник по Училищу живописи, ваяния и зодчества Константин Коровин:

— Летом Левитан мог лежать на траве целый день и смотреть в высь неба. «Как странно все это и страшно,— говорил он мне,— и как хорошо небо, и никто не смотрит. Какая тайна мира — земля и небо. Нет конца, никто никогда не поймет этой тайны, как не поймут и смерть. А искусство — в нем есть что-то небесное — музыка».

Я разделял его созерцание, но не любил, когда он плакал.

— Довольно реветь,— говорил я ему.

— Константин, я не реву, я рыдаю,— отвечал он, сердясь на меня.

...Тяжелое детство. Нелегкая юность. Трудности нелепых мерзостных будней издергали талантливого молодого человека. Он испытал незаслуженные унижения, голодал, был порою бесприютен. Однако этот пария — как отрицание вечно преследующей его душевной боли — оставил людям картины, насыщенные жаждой ласки, ожиданием добра, чувством высокой лирики. В кажущемся несоответствии загадка искусства — явления интуитивного, непредсказуемого, незапрограммированного. Одно было ясно. Чем долее жил и творил Левитан, тем объемнее и величественнее представала перед нами русская природа. Ее своеобычная неяркая краса. Влекущая и целебная. Пробуждающая в человеке лучшие струны его души. Такова сила красоты.

Красота. Она утоляет жажду человека к прекрасному. Но то не колодезь, глубину которого можно измерить. Это бездна. В реку можно войти лишь один раз, гласит древняя мудрость. Через миг вода станет другой, да и промелькнет, исчезнет то мгновение. Красота столь же текуча, переменчива. Прекрасное обладает поразительным качеством продленности во времени. В нем воплощен опыт сотен поколений рода людского. Шедевр можно увидеть один раз. Потом сколько угодно. Но первое свидание неповторимо.

Красота — это свет. Когда подступила усталость, душа при общении с искусством вновь обретает свежесть, словно ландшафт, омытый благодатным ливнем. Так, через магический кристалл прекрасного ты словно зришь мир, ранее неведомый, в его вечной, старой и юной нови.

...Дерзкий прочерк крыла ласточки, скользящей по самому краю седого грозового облака. Мерцание первой вечерней звезды. Мадонны Рафаэля. Свет утра в твоем окне. Добрая суровость соснового бора. Стройные мраморные колонны Парфенона. Легкие, прозрачные мимолетные тени сумерек. Улыбка Леонардовой Джоконды. Бессонный огонь в прорези глухой городской стены. Крик одинокой птицы. Плодородие бескрайней нивы. Нимб русых кос, васильковые сполохи лучистых девичьих глаз. Звуки старого фортепиано. Неспешная радуга хороводов. Строгий неистовый лик суриковской боярыни Морозовой. Изумрудные побеги травы, пробивающие бетонные плиты. Стальное кружево кранов. Капли росы. Родниковая свежесть лесного ручья. Молчаливая музыка картин Левитана.

Красота вокруг и внутри нас.

Талант, кроме генной заданности, есть еще — и что не менее важно — характер, личность. Левитан, несмотря на нищету и оскорбления, пережитые в детстве и юности, сохранил и выносил самое важное в искусстве качество — свое видение мира. С годами стали сдавать нервы. Но все метания, причуды, разочарования и влюбленности Левитана касались лишь быта. Неустроенного, порою вздорного. Но когда художник брал в руки кисть, он становился неузнаваем. Вот тут-то сказался истинный склад его души, глубинные черты его дарования. Да, он был эмоционален. Но это был сердечный трепет, помогавший услыхать ему единственное состояние пейзажа. Иногда его поступки каза-

См. стр. 25.

И. Левитан (1860—1900). ОСЕННИЙ ДЕНЬ. СОКОЛЬНИКИ. 1879.

И. Левитан. ВЕСНА-БОЛЬШАЯ ВОДА. 1897.

Три дня в Хельсинки

Юрий ЖУКОВ,
политический обозреватель
«Правды»

Читателю памятны эти дни—тридцатое и тридцать первое числа июля и первый день августа,— когда столица Финляндии вновь, как и десять лет тому назад, стала местом встречи руководящих деятелей 33 государств Европы, США и Канады.

Первого августа 1975 года там, в беломраморном дворце, носящем имя «Финляндия», главы государств и правительств этих государств подписали ставший знаменитым Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, представляющий собой свод основополагающих принципов отношений между участниками этого совещания.

В 1985 году в эти же самые дни в том же дворце встретились министры иностранных дел тех же тридцати пяти государств, чтобы обдумать ход выполнения принципов, записанных в Заключительном акте, и поговорить о том, куда и как вести дело дальше.

Автору этих строк довелось в качестве специального корреспондента «Правды» присутствовать на обеих этих встречах. Нетрудно было заметить, что атмосфера на нынешней встрече была не столь благоприятной для достижения взаимопонимания, как в 1975 году, когда в международных отношениях наступила разрядка.

Нынче давали о себе знать последствия опасной конфронтации между государствами с различными социальными системами, возникшей в результате крутого поворота администрации США от сотрудничества с социалистическими странами к противоборству.

Всем известно, с чего это началось: с открытого провозглашения правительством США «крестового похода» против социализма, многочисленных заявлений и, более того, действий, направленных на подрыв неугодного американским монополиям социального строя.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ДЕБАТЫ

Естественно поэтому, что дебаты в Хельсинки порой приобретали довольно острый характер. Но вот что представляло наибольший интерес: тем, кто явно был заинтересован в превращении нынешней встречи в Хельсинки в арену конфронтации «Запада» и «Востока», как любит выражаться буржуазная пресса, добиться этого не удалось: большинство участников встречи за ними не пошло.

Следить за ходом дебатов, в которых сталкивались эти диаметрально противоположные позиции Вашингтона и Москвы, наблюдать, какое отражение эти позиции находили в среде других делегаций, анализировать выступления представителей столь многих и столь разных государств — социалистических и капиталистических, участников противостоящих одна другой политических группировок и нейтральных либо неприсоединившихся — было чрезвычайно интересно и поучительно.

И сейчас, перелистывая страницы своего хельсинкского рабочего дневника, я как бы вновь окунаюсь в горячую атмосферу трех дней, проведенных под белоснежными сводами дворца «Финляндия». Вот что, к примеру, я записал там сразу же по окончании последнего заседания:

«Еще несколько часов тому назад в залах этого дворца кипела оживленная работа. Звучали речи министров. Представители делегаций проводили одну за другой встречи с журналистами, именуемые теперь модным словечком «брифинг», происходящим от английского слова «brief», что значит «короткий», хотя на самом деле эти встречи нередко растягиваются на час-полтора. Щелкали фотоаппараты, жужжали кинокамеры, стучали сотни телетайпов. Сейчас здесь наступила внезапная тишина, располагающая к раздумьям обо всем, что мы увидели и услышали в эти дни.

Вдвоем с моим коллегой, постоянным корреспондентом «Правды» в Хельсинки Михаилом Костиковым мы присели на часок в уголке у входа в зал заседаний, пока дюжие и расторопные финские рабочие нагружали и выносили бесчисленные ящики с брошюрами и книгами, с телевизионным оборудованием, с аппаратами, которые служат для одновременного перевода речей и размножения текстов этих речей. Присели, поразмыслили об итогах встречи и тут же передали в редакцию по телефону свою заключительную корреспонденцию. Ее тональность— бесспорный оптимизм.

Почему? Да потому, что вопреки всем пессимистическим прогнозам буржуазной печати эта встреча прошла в деловой обстановке. Восторжествовал здравый смысл. Подавляющее большинство участников встречи не хотело разрыва, о котором мечтали крайне правые политики, и «стерильной» перебранки, которая, судя по многим признакам, явно была запрограммирована службами «психологической войны» США и НАТО.

Вместо этого министры предпочли в спокойной форме изложить взгляды своих правительств на ход осуществления принципов хельсинкского Заключительного акта и высказать свои соображения о дальнейшем развитии общеевропейского сотрудничества.

И вот сегодня в конце дня состоялась церемония закрытия встречи. Она была проста и лаконична. Министр иностранных дел Финляндии П. Вяюрюнен, как представитель принимающей стороны, кратко проанализировал ход политических дебатов и выразил удовлетворение тем, что в них нашло отражение общее стремление продолжать диалог и развивать сотрудничество, избегая конфронтации. В последний раз стукнул председательский молоток — и встреча завершилась.

Иной скептик, конечно, спросит, и не без ехидства: а был ли принят какой-либо заключительный документ? Нет, не был принят. Почему? На этот вопрос министр иностранных дел Финляндии ответил сегодня утром в заявлении, опубликованном в столичной газете «Хельсингин саномат»:

«Главным противником,— заявил он,— были Соединенные Штаты. СССР был готов одобрить проект, подготовленный Финляндией». (Газета «Ууси Суоми» добавила, что многие министры— участники встречи были готовы поддержать предложенный Финляндией проект коммюнике.)

Попутно П. Вяюрюнен подчеркнул, что проект документа был сознательно сформулирован в общем плане, чтобы избежать возможных разногласий при его обсуждении. Тем не менее США отказались поддержать инициативу Финляндии. Поскольку же все решения в рамках общеевропейского процесса принимаются единогласно, документ был отклонен.

Ну что ж, позиция США сама говорит за себя. Кстати, она не нова. Но в конце концов не формальное принятие или непринятие коммюнике характеризует ход и итог встречи. Важно другое: как сами ее участники характеризуют результаты проделанной ими работы и как они смотрят на будущее?

Вчера вечером на приеме, устроенном в их честь, мы побеседовали с целым рядом представителей самых различных стран Европы — социалистических и капиталистических, нейтральных и неприсоединившихся. И буквально все наши собеседники высказали свое удовлетворение проведенной встречей и заявили, что они выступают за дальнейшее развитие общеевропейского сотрудничества, хотя в ходе дебатов их позиции зачастую были отнюдь не однозначны.

Чем же объяснить эту единодушную оценку? Вот что сказал мне видный западноевропейский дипломат, с которым я знаком уже много лет:

— Европа устала от международной напряженности. У нас много сложных и неотложных проблем. Дальнейшее развитие конфронтации опасно и крайне нежелательно. Поэтому идея развития общеевропейского сотрудничества на основе тщательно выверенных в 1975 году принципов межгосударственных отношений сейчас встречает буквально у всех растущую поддержку.

А коль скоро это так, то мы можем с надеждой смотреть в будущее...»

Давайте же внимательно разберемся в том, с чем шли на встречу в Хельсинки советские дипломаты и как готовились к ней американские политики. Тогда станет яснее, почему эта встреча закончилась в конструктивном духе, а не в духе конфронтации.

ТВОРЧЕСКИЙ ПЛАН ДЕЙСТВИЙ

Вспоминается яркий солнечный день 29 июля, когда в аэропорту Хельсинки приземлился самолет Аэрофлота, доставивший делегацию СССР. Советского министра иностранных дел тепло приветствовал его финский коллега. И вдруг из толпы журналистов, стоявших чуть поодаль, донесся тоненький голосок, старательно произнесший по-русски с финским акцентом:

— Господин министр, можно вас на минуточку?

— Не могу отказать даме,— улыбнулся товарищ Э. А. Шеварднадзе, остановившись на пути к автомобилю.

— Скажите, какую задачу предстоящей встречи вы считаете главной?

— Отстоять мир! — прозвучал четкий ответ. Не прошло и суток, как эти слова, тут же распространенные телеграфными агентствами на весь мир, нашли весомое подтверждение в действиях нашей партии и государства. Вечером 29 июля было опубликовано заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева о том, что СССР с 6 августа вводит мораторий на все атомные взрывы и призывает США последовать нашему примеру.

А назавтра советский министр иностранных дел одним из первых поднялся на трибуну дворца «Финляндия», чтобы произнести свою программную речь. В ней был изложен глубоко продуманный план действий, способный сделать подлинно эффективным начатый 1 августа 1975 года подписанием Хельсинкского Заключительного акта процесс общеевропейского сотрудничества.

Этого выступления с интересом ждали не только участники встречи. Около полутора тысяч журналистов, до отказа заполнивших балкон зала заседаний и примыкающие помещения, куда дебаты министров передавались по телевидению, внимательно фиксировали каждый его раздел.

Их интерес был понятен: после сделанного накануне заявления товарища М. С. Горбачева все здравомыслящие наблюдатели отдавали себе отчет в том, что советская делегация прибыла в Хельсинки с весомым политическим багажом, способным стать основой для осуществления той задачи, которую советский министр сформулировал коротко, но предельно ясно, отвечая финской журналистке на аэродроме: **отстоять мир!**

Как подчеркнул представитель советской делегации, встретившийся с журналистами сразу же после речи нашего министра, это выступление было рассчитано на перспективу — как лучше использовать Хельсинкский Заключительный акт в интересах народов. Именно поэтому особое внимание в нем было уделено вопросам укрепления безопасности, уменьшению угрозы войны.

Советский Союз исходит из того, что Заключительный акт обладает огромным, еще не использованным потенциалом. Высоко оценивая этот потенциал, СССР включил сформулированные в Заключительном акте принципы межгосударственных отношений в Конституцию и положил их в основу своей политики.

Подчеркнув исключительное значение новой инициативы, провозглашенной товарищем М. С. Горбачевым, советский министр поставил в центр внимания хельсинкской встречи вопрос о прекращении ядерных испытаний, которое в конечном счете означало бы прекращение гонки ядерных вооружений и, более того, сделало бы невозможным создание новых видов этих вооружений.

— Ведь взрывы — это одна из главных шестерен, которые движут весь механизм гонки вооружений,— так разъяснял в беседе с журналистами смысл новой инициативы СССР заместитель советского министра иностранных дел товарищ В. Г. Комплектов.— Ни один военный специалист не пойдет на создание новой ракеты, новой ядерной подводной лодки, нового бомбардировщика, если он не узнает, как будут действовать и будут ли действовать вообще подготавливаемые для этих носителей боезаряды, когда их испытания будут запрещены.

Позиция, занятая советской делегацией на встрече в Хельсинки, сразу же привлекла к себе симпатии ее участников. Поддерживая мнение, что сейчас на первый план общеевропейского сотрудничества должны выдвинуться вопросы борьбы против гонки вооружений, министр иностранных дел Испании Ф. Ордоньес заявил в своей речи:

— Необходимость затормозить гонку вооружений становится все более неотложной. Этого требует наша забота о безопасности. К проблеме гонки вооружений приковано внимание в нашей стране, и мы не можем остаться к ней безразличными. Мы не хотим обманывать надежды народов.

И Ордоньес, и его коллега — французский министр внешних сношений Р. Дюма, напомнили, что когда в Мадриде решался вопрос о проведении Стокгольмской конференции, то было решено, что там будет обсуждаться не только вопрос о мерах доверия, но и проблема разоружения в Европе. Конференция работает уже много месяцев, а на ее повестке дня все еще стоит лишь первый вопрос,— до обсуждения проблемы разоружения дело еще не дошло.

— Мандат, который выработан в Мадриде, должен быть реализован полностью,— сказал испанский министр. И французский министр высказался в том же духе.

Тон, заданный советской делегацией, во многом определил развитие дискуссий на встрече: она приобрела деловой характер и все в большей мере сосредоточивалась на коренных вопросах, волнующих народы Европы,— на вопросах борьбы за прекращение гонки вооружений, всеобщую безопасность и общеевропейское политическое и экономическое сотрудничество. Решение этих вопросов, которые народы рассматривают как главные в современной обстановке, отвечает глубоким чаяниям сотен миллионов людей.

Весьма убедительно сказал об этих чаяниях в своей речи на встрече в Хельсинки министр иностранных дел Швеции Л. Будстрем. Отметив, что положения Заключительного акта, касающиеся межгосударственных отношений — в том числе принципы нерушимости границ и уважения территориальной целостности государств,— выдержали проверку временем и содействовали улучшению политического климата, он в то же время выразил озабоченность тем, что возможности развития взаимовыгодного общеевропейского сотрудничества в последние годы не используются в должной мере.

— Экономические отношения между Востоком и Западом, которые в 70-е годы быстро расширялись и углублялись, сейчас находятся в состоянии застоя,— констатировал этот министр.— Между тем наши общие интересы требуют их развития. Это сотрудничество будет способствовать и более спокойному политическому развитию в Европе.

Как известно, социалистические страны активно выступают за расширение сотрудничества между всеми государствами в торгово-экономической, промышленной, научно-технической областях. В этих целях они предлагают установить прямые деловые отношения между Советом Экономической Взаимопомощи и западноевропейским экономическим сообществом. Это предложение вызвало интерес у участников встречи.

— Франция, которая принадлежит к западноевропейскому экономическому сообществу,— сказал, например, министр внешних сношений этой страны Р. Дюма,— считает, что нет несовместимости между стремлением укреплять и расширять это сообщество и желанием находить новые отношения с европейскими странами, которые в него не входят.

За активное развитие связей между Востоком и Западом в области торговли, экономического, технологического, научного и культурного сотрудничества высказались также министры иностранных дел Италии — Андреотти, ФРГ — Геншер, Канады — Кларк и многие другие. Нельзя было не заметить, однако, что выступающий от имени западноевропейского сообщества министр иностранных дел Люксембурга Ж. Поос, являющийся в данный момент его председателем, поддержав в общей форме развитие торговли между Востоком и Западом, уклонился от оценки перспектив прямого сотрудничества между СЭВ и ЕЭС.

Многие ораторы, подтверждая жизненную важность последовательного осуществления принципов, заложенных в Хельсинкском Заключительном акте, говорили о дальнейших шагах в этом направлении. Они напомнили, что впереди проводимые в рамках общеевропейского процесса культурный форум в Будапеште, совещание экспертов в Берне и, наконец, третья по счету после белградской и мадридской широкая конференция представителей стран—участниц совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которая состоится в Вене в следующем году.

При этом подчеркивалось, что непременным условием успеха этих новых шагов должен быть отказ от попыток превращать деловые общеевропейские встречи в арену конфронтации.

— Говорить о желании обеспечить конструктивное сотрудничество в Европе и одновременно пытаться подрывать существующий в ней политико-территориальный порядок — это все равно, что пытаться строить дом и в то же самое время разрушать его фундамент,— справедливо сказал в своей речи министр иностранных дел Польской Народной Республики С. Ольшовский.

Таким образом, весь ход встречи в Хельсинки выразительно подтвердил, что конструктивная программа действий, с которой выступили делегации СССР и других социалистических стран, нашла должный отклик у большинства участников этой встречи. Это обстоятельство и предопределило ее конструктивное развитие.

СТАВКА, ОБРЕЧЕННАЯ НА ПРОВАЛ

С диаметрально противоположной позиции подходила к подготовке и проведению встречи в Хельсинки вашингтонская администрация. Ее службы «психологической войны», явно недооценивающие усилившуюся в Европе тягу к нормализации отношений с социалистическими государствами, держали курс на очередное столкновение, которое дало бы пищу американской прессе для очередной кампании на тему о том, будто бы с коммунистическими странами невозможно сотрудничать.

Характерно, что проблему борьбы против гонки вооружений — проблему, которая больше всего интересует европейцев,— Вашингтон начисто игнорировал. Более того, прибывший в Хельсинки всего лишь через два с половиной часа после передачи по каналам радио и телевидения заявления товарища М. С. Горбачева о введении моратория на ядерные испытания, государственный секретарь Дж. Шульц немедленно заявил ожидавшим его журналистам, что США отклоняют обращенное к ним предложение СССР последовать его примеру.

Американская сторона готовилась к тому, чтобы поставить в центр обсуждения на встрече в Хельсинки отнюдь не коренные вопросы, волнующие европейцев, а высосанную из пальца мнимую проблему... нарушения прав человека в социалистических странах, хотя в действительности права эти самым грубейшим образом нарушаются не у нас, а в капиталистическом мире, и прежде всего в США.

Не случайно, в канун встречи в Хельсинки был высажен доставленный туда специально арендованным теплоходом «Звезда Балтики», который прибыл под флагом Панамы, десант набранных в США и Западной Европе политических хулиганов из эмигрантских подрывных центров. Они нагло требовали отторжения от СССР Прибалтики и, более того, денонсации Хельсинкского Заключительного акта, содержащего принципы нерушимости границ и территориальной целостности государств.

По местным законам демонстрации иностранцев в Финляндии запрещены. Поэтому, чтобы создать предлог для проведения задуманной теми, кто снарядил в плавание «Звезду Балтики», политической диверсии, буквально за два дня до этого в Хельсинки была сколочена некая «группа контроля за выполнением Заключительного акта общеевропейского совещания», которая выступила в роли... приглашающей стороны. И вот в полдень воскресного дня от дальнего причала, где остановился пиратский теплоход, к находящемуся в центре города древнему «чумному кладбищу» двинулось шествие политических диверсантов, прикрывавшееся, словно щитом, национальным флагом Финляндии, который несли впереди.

Почему кульминацией этого постыдного циркового представления было избрано именно древнее «чумное кладбище»? Да только потому, что там в 1919 году были похоронены 32 «добровольца», участвовавших в походе белогвардейского генерала Юденича на Петроград.

В предвидении этого шабаша могильный камень был заново отреставрирован, и перед камерами операторов телевидения и фоторе-

портеров предстал на фоне надписи, повествующей о деяниях этих «освободителей», осужденный судом за антисоветскую деятельность и выдворенный затем из СССР некто Буковский, претендовавший на роль лидера борцов против Заключительного акта общеевропейского совещания.

Не случайно и то, что в Хельсинки в эти дни были доставлены сомнительные личности, выдающие себя за жертв мнимых нарушений прав человека в социалистических странах и обивавшие пороги дворца «Финляндия» и гостиниц, где разместились делегации.

Не случайно, наконец, сюда были командированы 128 американских журналистов, в том числе 15 представителей лживого «Голоса Америки», 5 посланцев связанной с ЦРУ радиостанции с фальшивым именем «Свободная Европа» и 5 человек из главной американской службы «психологической войны» ЮСИА.

Они явно готовились растрезвонить на весь мир сообщения о готовившемся спектакле во дворце «Финляндия», где американские делегаты намеревались учинить некое судилище над социалистическими странами.

На роль прокурора на этом судилище претендовал государственный секретарь США Дж. Шульц, выступивший в первый день совещания почти сразу же после советского министра иностранных дел. Игнорируя изложенную в речи представителя СССР конструктивную программу действий, направленную на упрочение общеевропейского сотрудничества, он в своем высокомерном и надменном выступлении обрушился на социалистические страны, пытаясь учить наши народы, как нам следует жить.

При этом руководитель внешней политики США не брезговал повторением самых низкопробных выдумок американских служб «психологической войны» вроде того, будто в СССР людей сажают в тюрьмы за то, что они «исповедуют христианскую, иудейскую или мусульманскую религию», «являются баптистами, католиками, православными» и так далее.

Государственный секретарь США договорился до того, будто бы в СССР существует... «социал-демократическая партия», которую он назвал в числе мнимых жертв мифических репрессий. Я уже не говорю о том, что он защищал одного американского шпиона, который был схвачен с поличным и осужден на основании закона советским судом. В изображении Шульца и этот шпион является борцом за права человека!

Представители некоторых стран—союзниц США по НАТО явно в порядке пресловутой «атлантической дисциплины» поддерживали линию, занятую руководителем американской дипломатии, но им так и не удалось увлечь участников встречи на путь конфронтации. Руководители западноевропейских внешнеполитических служб не могли не учитывать того, что эта встреча, проходившая под знаком новых, далеко идущих инициатив Советского Союза, приковала к себе все возраставшее внимание широких кругов общественности всех стран, обеспокоенных опасным усилением международной напряженности и ожидавших от участников встречи конструктивных шагов.

Людей тревожит продолжающаяся гонка вооружений. Они обеспокоены тем, что затяжные переговоры в Женеве, Вене, Стокгольме не дают реальных результатов. И хотя средства массовой информации Запада скрывают причины этого, само развитие событий позволяет народам понять, что ответственность за создавшееся положение несут США и их союзники по НАТО. Грубый отказ Вашингтона последовать примеру СССР, объявившего мораторий на ядерные испытания, еще раз убедительно это показал.

Наглядным напоминанием о растущей тревоге народов стали включенные вечером 30 июля финским телевидением в передачу, посвященную встрече министров иностранных дел, кадры, показывавшие антивоенные демонстрации, прошедшие незадолго перед этой встречей в Хельсинки под лозунгом борьбы за разоружение.

Утром 31 июля представители творческой интеллигенции Финляндии, входящие в международную организацию «Деятели искусства за ядерное разоружение», вручили делегациям стран—участниц встречи министров иностранных дел обращение, в котором, в частности, говорилось: **«Наш мир болен во многих отношениях. Но одна болезнь должна быть уничтожена в первую очередь — ядерная угроза и гонка вооружений».** Этот призыв подписали 112 видных деятелей литературы и искусства из 33 стран, в том числе американский кинодеятель Вуди Аллен, шведский режиссер Ингмар Бергман, западногерманский писатель Гюнтер Грасс, французская писательница Симон де Бовуар, лауреат Нобелевской премии исландский писатель Халдор Лакснесс, советский поэт Евгений Евтушенко, американский певец Гарри Белафонте и другие.

В этой обстановке попытки представителей США и их ближайших союзников превратить нынешнюю встречу в Хельсинки в арену конфронтации не дали и не могли дать того эффекта, на который они рассчитывали. Анализ речей руководителей внешнеполитических ведомств стран Европы убедительно показывает, что настрой подавляющего большинства их определялся стремлением не отступать от сформулированных в Заключительном акте общеевропейского совещания в 1975 году принципов, обеспечивающих безопасность и сотрудничество государств.

Министр иностранных дел Австрии Л. Грац заявил, что он отвергает доводы «фаталистов, утверждающих, будто улучшение политического климата в отношениях между Востоком и Западом невозможно».

В том же духе высказался министр иностранных дел Греции К. Папульяс, он особо подчеркнул важность тех положений Заключительного акта, в которых говорится о нерушимости государственных границ. В этой связи он сказал о недопустимости того факта, что 38 процентов территории одного из государств, подписавших Заключительный акт, находится под военной оккупацией другого государства, подписавшего этот документ (речь шла, разумеется, о Кипре).

Многие ораторы, в частности министр внешних сношений Франции Р. Дюма, высказывались за успех в переговорах в Женеве, Стокгольме и Вене, который может и должен быть достигнут, если все их участники проявят необходимую политическую волю к достижению цели. (Как известно, конкретные предложения социалистических, а также нейтральных и неприсоединившихся стран, лежащие на столе переговоров в Стокгольме, дают хорошую основу для соглашения.)

Финская печать не могла не отметить, что попытки американской дипломатии превратить встречу министров иностранных дел стран Европы и Северной Америки в арену конфронтации, потерпели провал. Речь Дж. Шульца как бы повисла в воздухе. Оценивая ее, газета «Хювюдстадбладет» писала: «По мнению многих обозревателей, выступление Шульца можно расценивать как пропагандистское. Оно было скорее всего предназначено для публики у себя дома в США. Другие же наблюдатели предпочитают рассматривать это выступление как проявление явной незаинтересованности США в рассмотрении проблем сегодняшней Европы, нежелания обсуждать центральные вопросы безопасности».

В этой же связи финские газеты перепечатали опубликованное в западногерманской прессе заявление бывшего федерального канцлера Австрии Бруно Крайского, чья подпись стоит под Хельсинкским Заключительным актом. Он подверг критике США за то, что они пытались использовать юбилейную встречу в Хельсинки для грубых нападок на Советский Союз.

— Если одна сторона будет выступать с нападками на другую,— сказал он,— то какую же пользу это принесет миру?

Характерная деталь: в этой обстановке даже представители «Голоса Америки» не рискнули публично следовать курсу, намеченному службами «психологической войны». На брифингах советской делегации они угрюмо молчали. Эти беседы, для участия в которых собирались сотни журналистов, проходили в спокойном, деловом тоне. Корреспонденты интересовались деталями советских мирных инициатив, задавали вопросы, связанные с решением Советского Союза о моратории на ядерные испытания, расспрашивали о перспективах развития советско-американских отношений. Не было задано ни одного вопроса, который носил бы провокационный характер.

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЙ КОРАБЛЬ ДВИЖЕТСЯ ВПЕРЕД

Таким образом, участники встречи в Хельсинки проделали большую работу. Они не только уточнили в ходе своего диалога выработанную в 1975 году общую позицию относительно продолжения и развития общеевропейского сотрудничества в политической, экономической и культурной областях, но и подтвердили согласованный порядок новых встреч.

Большая работа была продолжена в ходе двухсот двусторонних и многосторонних встреч, проходивших за пределами зала заседаний. Особое внимание средств массовой информации привлекли встречи товарища Э. А. Шеварднадзе с министром внешних сношений Франции Р. Дюма и государственным секретарем США Дж. Шульцем, где обсуждались вопросы двусторонних отношений СССР с этими странами, важнейшие международные проблемы, а также вопросы, связанные с предстоящими советско-французской и советско-американской встречами на высшем уровне.

Европейские страны не могли не проявить интереса и к важнейшим региональным проблемам, возникающим за пределами их континента, коль скоро кризисы там могут угрожать миру во всем мире. В этой связи состоялись встречи министров иностранных дел стран Северной Европы — Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, где обсуждались вопросы о положении на Ближнем Востоке и в Южной Африке.

Десять министров иностранных дел стран, входящих в западноевропейское экономическое сообщество, вместе с министрами иностранных дел Испании и Португалии также обсуждали вопросы о положении, сложившемся в Южной Африке. Они решительно осудили действия правительства Южно-Африканской Республики, зверски подавляющего протесты коренного населения страны против политики апартеида.

Состоялась также встреча министров иностранных дел нейтральных и неприсоединившихся стран Европы, которые играют все более активную роль в процессе общеевропейского сотрудничества, выступая коллективно с конкретными предложениями, направленными на упрочение этого сотрудничества.

Одним словом, общеевропейский корабль движется вперед, хотя на пути его встречаются немалые препятствия, возводимые теми, кто сейчас с неудовольствием взирает на то, что произошло в Хельсинки.

Конечно, все это только начало восстановления и развития процесса, грубо прерванного под давлением Вашингтона на довольно значительный срок в начале восьмидесятых годов. Как сказал представитель советской делегации на брифинге 31 июля, «общеевропейский корабль все еще подвергается качке из-за сильного ветра, дующего с норд-веста. Поэтому понадобились немалые усилия, чтобы встреча представителей 35 стран на политическом уровне состоялась. Но силы, выступающие за сотрудничество, одержали верх над силами, предпочитающими конфронтацию».

Большинство выступлений на встречах в Хельсинки показало, что Европа, которая была колыбелью разрядки, не хочет от нее отказываться. Есть основания надеяться на то, что процесс развития общеевропейского сотрудничества будет укрепляться и развиваться.

Верным компасом общеевропейского корабля был, есть и будет Хельсинкский Заключительный акт, содержащий тщательно выверенные принципы межгосударственных отношений, отвечающий интересам народов всех и каждой в отдельности стран, руководители которых поставили под ним свои подписи 1 августа 1975 года.

Хельсинки—Москва. Август 1985 года.

Л. СЕМЕНОВА

Фото А. ФИЛАТОВА

Яна, Юта, Эрик, Лада, Вита И СКРИПКИ

От уроков никуда не денешься.

Репетиция.

Мы не только на скрипке...

Знакомьтесь — Яна, Юта, Эрик, Лада и Вита Морозовы. Зоя Николаевна — мама, Александр Евгеньевич — папа. По нынешним городским меркам семейство большое. Но замечательно оно не только этим — все пятеро ребятишек серьезно занимаются музыкой.

У Зои Николаевны (при всем том, что к ребятишкам своим она относится, как и надлежит матери) нет ни приторной нежности, ни чрезмерного восхищения успехами детей, чем грешат, прямо скажем, многие... Думаю, это прежде всего потому, что у нее очень мало времени: накормить-напоить пятерых — да разве перечислишь все дела в семье?..

По профессии Зоя Николаевна — музыкант, окончила Гнесинское училище по классу скрипки, работала педагогом в музыкальной школе. Еще во время учебы познакомилась с будущим мужем, который тоже занимался в Гнесинском. Обучение в те годы было раздельным, а вот в студенческом оркестре они играли вместе. Так что музыка была у истоков рождения этой семьи, не оставляет она их и по сей день.

— А все-таки почему вы купили Яне скрипку, а не, предположим, фигурные коньки?..

— Как «почему»? — пожимает плечами Зоя Николаевна.— Мне очень нравилась моя профессия, и я хотела, чтобы дети занимались тем же, это ведь естественно. А потом, занятия музыкой еще никогда и никому не мешали.

Так оно и пошло. Выводила свои гаммы Яна, а подраставшая сестренка — Юта младше на три года — тоже тянулась к скрипке; когда родился брат, оказалось, что у него отличный слух и гибкие пальцы. Потом дошла очередь до Лады, а самая маленькая — Вита, привыкнув к тому, что брат и сестры каждый день занимаются музыкой, будучи двух лет от роду, однажды вопросила с достаточной серьезностью:

— А где моя скрипка?

Сейчас, когда младшей уже семь лет, все пятеро выступают довольно часто, всегда успешно. Приглашают их с удовольствием. В апреле этого года Морозовы всей семьей выступали на сцене Большого зала консерватории на концерте в честь пятидесятилетия музыкальной школы.

Разговаривая с Зоей Николаевной, я не сразу решилась задать вопрос, который вертелся у меня на языке: «Вы хотите для детей славы?»

— Да нет,— как-то даже удивилась она.— Я хочу в конечном счете, чтобы у них была профессия. А пока им интересно...

И им действительно интересно. Чем — строгостью ли, лаской ли, может быть, каким-то особым педагогическим талантом создана в семье атмосфера, когда ребенок не просто стремится отыграть положенное, а потом — с глаз долой, из сердца вон. Нет, судя по всему, каждая минута музыки остается в их сердцах, рождая новые мысли, прежде неизведанные чувства, увеличивая, если можно так выразиться, пространство души.

А еще Яна сочиняет песни...

О ЛЮБВИ К ЛОШАДИ

«Полезна ли лошадь?» — спрашивает автор статьи в № 24 «Огонька» П. Крупенников «О пользе лошади» и сам же отвечает: «Неумный вопрос. И стыдный. Как же без нее? Никак нельзя... Лошадь красива, экономична как тягло, она благородна!» Мы, сельские жители, вполне с этим согласны. Хотя в настоящее время техники в каждом колхозе и совхозе много, но все же без лошади не обойтись. Как не обойтись и без телеги, саней. Раньше в каждом лесничестве была парилка, где изготовлялись ободья, полозья для саней и т. д. В каждом селе были умельцы, которые могли изготовить все необходимое для рабочей лошади. С какой теплотой вспоминаем мы наших односельчан Павла Петровича Мирошниченко, великолепного колесника, конюха Алексея Федоровича Гетмана и других, многие из которых ушли, не оставив себе замены.

Придет весна, надо вспахать огород. А чем? Милое дело, была бы лошадка с конным плугом, сошкой. Но нет, мощный трактор неуклюже пробирается по узкой полоске приусадебного участка, на нем же везут бочку воды в поле или обед пахарям. Разумно ли это, экономично ли? Нет, конечно.

Хотелось бы поговорить и о таком. Не раз бывал я на многих вечерах профориентации в средней школе. Выступали на них специалисты сельского хозяйства, передовики, руководители колхоза. Приглашали учащихся оставаться на селе, овладевать сельскими профессиями. И всегда речь шла только о механизаторах, ремонтниках, доярках. И никогда не услышишь, что селу нужны кузнецы, плотники, печники, бондари, колесники, конюхи. Так и получается: чтобы засолить огурчиков на зиму, за бочкой надо ездить по всему району. Жизнь на селе во многом изменилась. Но как много потерял сегодняшний сельский парнишка! Не пасет он спозаранку гусей, не пойдет он и в ночное с лошадьми. А жаль... Без любви к животным, к земле на селе молодежь не удержишь.

Д. БУРЛЮК,
ветеран труда

Сумская область,
Лебединский район,
село Рябушки.

ОТЗОВИТЕСЬ, БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ!

Этот снимок сделан в Чехословакии в июле 1945 года. Очень бы хотелось сейчас, спустя сорок лет, встретиться с теми, с кем прошла трудные дороги войны. Отзовитесь, пожалуйста, командир 2-й батареи 280-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона ПВО старший лейтенант Богданов, командир огневого взвода младший лейтенант Штейнберг, мои подруги юности Мария Рыжкина, Ненила Гладкова, Елизавета Гейлик, Евдокия Джанаева, Прасковья Скакунова, Валентина Обрачкова, Евдокия Райкова.

Клара ЛАНГЕНБРАУН,
бывший комсорг 2-й батареи.

Пайде, Эстонской ССР.

«Хачапури а ля Неринг»

С большим удовольствием прочитал в № 26 «Огонька» статью Г. Розова «Конкурент вина и пива» о фирменных тбилисских магазинах, где продают различные сиропы, воды и три вида прославленных грузинских хачапури. Хочу сообщить, что не только в Грузинской ССР пекутся хачапури, а и в ГДР — в Берлине. Конечно, не для ресторанов, а для семьи и своих гостей готовлю я это прекрасное блюдо. А научил меня и мою жену Юту Карловну этому искусству наш друг Борис Измайлович Рехвиашвили во время нашей незабываемой поездки в Гагру и Тбилиси.

Возвратившись домой, я стал осваивать искусство изготовления хачапури, не раз публиковал в прессе его рецепт, старался передать его друзьям. Но дело в том, что у нас в ГДР не всегда бывает овечий сыр. К тому же я считаю, что вкус настоящего имеретинского сыра зависит от природных условий, от корма, которым питаются овцы. Мы же импортируем сыр из Болгарии, называется он «Шипка» и несколько отличается по вкусу от настоящего грузинского. Так что пришлось поломать голову и придумать свой собственный вариант хачапури, используя продукты, которые есть у нас в ГДР. Свой вариант я назвал «Хачапури а ля Неринг». Этот пирог делается с творогом и получается более сладкий, чем грузинский, но тоже очень вкусный.

Если попадем в Тбилиси, обязательно познакомимся с замечательным поваром Гиви Арладзе и дадим ему продегустировать наше семейное изобретение.

Рихард НЕРИНГ

ГДР, Берлин.

На снимке: вкусные хачапури печет Рихард.

СПАСИБО!

Не знаю, как сложилась бы моя судьба, если бы не прочла репортаж Ю. Сурхайханова и А. Награльяна «Добрая хирургия» (№ 49 «Огонька» за 1984 г.).

Так случилось, что я серьезно заболела и уже не надеялась на благополучный исход, когда в руки мне попался номер с рассказом о замечательных врачах из Всесоюзного научного центра хирургии. Обратилась туда. Вскоре пришел ответ, что я могу приехать к ним на консультацию. Мне предложили оперироваться. Операцию делал мне директор ВНЦХ академик Б. В. Петровский.

Сейчас я здорова, чувствую себя хорошо, а главное, вернулся интерес к жизни, настроение.

Хочется от души поблагодарить наших замечательных врачей, вернувших меня к жизни. Бориса Васильевича Петровского, человека с добрым сердцем и золотыми руками, чуткого, внимательного врача Л. В. Малышенко, помогшего мне перенести тяжелый послеоперационный период.

Такое отношение к человеку труда, как у нас в стране, неудивительно, но когда переживешь это сама, молчать просто невозможно.

Ю. САРУМОВА

Тульская область,
Алексин.

Липовые «дворники»

Под рубрикой «После суда» в № 28 «Огонька» была опубликована статья О. Шмелева «Взятка». Статья очень доказательная, верная. Хорошо, что названы не только те, кто берет взятку, но и те, кто ее дает. Но мне кажется, для борьбы со взяточничеством в таких материалах следовало бы говорить и о том наказании, которое понесли те, кто пытался обойти закон, кто получил благодаря взяткам государственные квартиры. Ведь если бы не секретарь-машинистка Л. Н. Швецова, первая толкнувшая Барабанова на преступный путь, грубого нарушения закона могло бы и не свершиться. Барабанов получил свое по заслугам, а вот Швецова и другие липовые «дворники», получившие вне очереди квартиры, понесли ли они наказание? Автор прав, утверждая, что ответственность несут не только те, кто берет взятку, но и те, что ее дает, но тем не менее не указал, что сталось с облагодетельствованными Барабановым. А следовало бы написать и об этом.

Н. ОЛЕШКО

Харьковская обл,
Первомайский.

ОТ РЕДАКЦИИ: Разъясняем Н. Олешко, что лица, у которых вымогали взятку, не привлекаются к судебной ответственности. В очерке О. Шмелева как раз идет речь о том, что Барабанов вымогал разными способами взятки, за что и был осужден. Конечно, Л. Н. Швецова, секретарь-машинистка управления, тоже не без греха, но подарки, как было в ее случае — золотые сережки, по советскому законодательству не являются «чистой» взяткой. Тем не менее общественное мнение, публично осудившее ее поступок, заставит ее сделать из этого неприглядного случая соответствующие выводы. А главное, отрезвит любителей легкой наживы, использующих свое служебное положение в корыстных целях.

ТАЙНА 50 РЕЦЕПТОВ

«Мы отбросим все старые предрассудки, что государство есть всеобщее равенство,— это обман: пока есть эксплуатация, не может быть равенства. Помещик не может быть равен рабочему, голодный — сытому. Ту машину, которая называлась государством, перед которой люди останавливаются с суеверным почтением и верят старым сказкам, что это есть общенародная власть,— пролетариат эту машину отбрасывает и говорит: это буржуазная ложь».

Это строки из лекции «О государстве», прочитанной Владимиром Ильичем Лениным 11 июля 1919 года в Свердловском университете — Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова.

...Шел 1934 год, второй мрачный год разгула фашизма в Германии, жестокого террора, учиненного главарями немецкого государства. В глубоком подполье немецкие коммунисты читали и перечитывали ленинскую лекцию «О государстве», и словно это к ним, тельмановцам, были обращены слова Владимира Ильича: «...Вопрос о государстве есть один из самых сложных, трудных и едва ли не более всего запутанных буржуазными учеными, писателями и философами». Тельмановцы это познали на собственном опыте — идеологи фашизма обманули немецкий народ, убедив его в том, что власть гитлеровцев — «это есть общенародная власть». Коммунисты понимали, как важно именно сейчас, в пору, когда фашисты захватили власть, донести до ума и сердца трудящихся Германии проникновенные ленинские мысли о государстве. Но как это сделать в условиях глубокого подполья? Ведь тысячи и тысячи тельмановцев, не сложивших оружие в борьбе с фашизмом, или уже поплатились жизнью, или томятся в тюрьмах, концлагерях. И тем не менее слова вождя революции дошли до немецких рабочих и крестьян.

...Вот она, немецкая брошюра с бесхитростным названием — «50 рецептов айнтопфа». (Смешанные блюда.) Составлено Алисой Рессинг». Мне дали ее полистать в отделе рукописной и редкой книги библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде. Ее привез советский офицер, имя которого, к сожалению, осталось неизвестным. Бережно листаю страницы этой своеобразной поваренной книги, изданной в 1934 году в Потсдаме издательством Мюллера и Кипенхойра. Отпечатанные на тонюсеньких листах советы кулинарам вводят в мир немецкой кухни... Популярное блюдо — чечевица с колбасой. Еще один рецепт, второй, третий... И вдруг на четвертой странице — строки ленинской лекции о государстве. И так до 15-й страницы. А там снова рецепты, а с 16-й страницы — окончание ленинской лекции. Мы не знаем, как удалось немецким коммунистам перехитрить гестапо и замаскировать «крамольное» слово среди 50 рецептов немецких блюд. Не знаем, кто они, издатели этой книги, и подлинные ли их фамилии на титульном листе.

Но нельзя не воздать должное находчивости и конспираторскому искусству немецких коммунистов. Нельзя еще и потому, что брошюра, которую я держал в руках, хоть и редкостная, но не единственная в серии ей подобных. Научная сотрудница отдела рукописной и редкой книги библиотеки И. А. Санская на мою просьбу прокомментировать тайну 50 рецептов предложила прочесть короткое сообщение, опубликованное в изданном библиотекой АН СССР сборнике статей и материалов по книговедению.

«...Преодолевая неимоверные трудности, немецкие коммунисты все время увеличивали число подпольных изданий,— сообщает автор.— Так, лишь в одном Берлине гестапо в течение сентября — октября 1934 г. зарегистрировало около 70 подпольных изданий. В Лейпциге, например, долгое время существовала подпольная типография, которая выпустила в общей сложности 164 тысячи экземпляров различных подпольных изданий. Некоторые из них выпускались с замаскированными титульными листами в виде песенников, поваренных книг, описания детских игр... В отделе рукописной и редкой книги хранится 7 экземпляров подпольных изданий, оформленных в виде брошюр с замаскированными титульными листами».

Об одном таком подпольном издании в беседе с корреспондентом «Огонька» рассказал на страницах журнала (№ 29 за 1985 год) член Президиума Правления Германской компартии, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Курт Бахман. Это брошюра «Как ухаживать за канарейками». Несколько страниц посвящены канарейкам, а дальше — доклад Георгия Димитрова на VII конгрессе Коминтерна. Пачку таких брошюр Курту Бахману в годы фашизма удалось перевезти из Амстердама (там они издавались) в Кёльн.

Л. ЛЕРОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Быть может, среди наших читателей окажется советский офицер, передавший библиотеке АН СССР уникальное издание немецких коммунистов-подпольщиков. Просим его сообщить в редакцию о себе. А может, откликнутся те, кто знает этого офицера.

М. П. КУДРЯВЦЕВ,
кандидат архитектуры

СТЕНЫ КРЕМЛЯ

Москва, стоя в средине всех,
Главу, великими стенами
Венчанну, взводит к высоте,
Как кедр меж низкими древами,
Пречудна в древней красоте...

М. В. Ломоносов

Летом 1485 года итальянский зодчий Антон Фрязин заложил Тайницкие — Водяные ворота Московского Кремля. Вот как говорит об этом летопись: «...июля в девятнадцатый (день) заложена бысть на реце Москве стрелница, а под нею выведен тайник, а делал ее Онтон Фрязин». Сегодня, в 1985 году, мы празднуем 500-летие Кремлевских стен, овеянных славой, свидетелей прекрасной, героической истории России.

О более древних стенах Московского Кремля мы знаем очень немного: об укреплениях князя Юрия Долгорукого, основанных в 1156 году, известно, что сгорели они при нашествии ордынцев в 1237 году. С трудом восстановленные, они в начале XIV века были заменены другими великим князем Иваном Калитой, но и те прожили не более пятидесяти лет. Герою Руси Дмитрию Донскому пришлось ставить новые, уже белокаменные стены. Разбитые Тохтамышем, жженные литовцами, эти стены, чиненные во многих местах, выстояли чуть больше ста лет.

И вот под руководством самого́ великого князя Ивана III и его бояр Беклемишева, Свибла, Собакина, Ховрина и других итальянские зодчие Антон Фрязин, Марко Руффо, Пьетро Антонио Солари, Алевиз Фрязин Миланец с целой армией русских каменщиков и русским войском на подсобных и общестроительных работах в последние десятилетия XV века возвели одну из крупнейших цитаделей мира. Она тоже испытала на себе суровую воинскую долю всех крепостей: пожары, артиллерийские обстрелы, подкопы, взрывы, штурмы. Но эти стены прямым штурмом никогда не были взяты. Они выстояли половину тысячелетия и, после различных бедствий каждый раз бережно обновленные, становились крепче и краше.

Стены Московского Кремля моложе многих крепостей, но велик их символический смысл для всего мира, велика и исторически оправдана была сама идея их создания в суровом пятнадцатом веке. Вернемся к этому чуть дальше, а сейчас, поскольку мы упомянули о «предках» стен Кремля, скажем и о «потомках» — своеобразных «детях» крепости XV века. В 1988 году исполнится 450 лет второй московской стене — Китай-городу. Большая часть этой стены, выстроенной в 1538 году под руководством итальянского архитектора Петрока, была необоснованно разобрана в тридцатых годах нынешнего века. Но уцелевшие участки стен и сейчас, особенно после их реставрации, производят прекрасное впечатление. В 1986 году исполнится 400 лет стенам Белого города (в конце XVIII столетия их заменило кольцо бульваров). Это было прекрасное ожерелье города, воздвигнутое русским зодчим Федором Савельевичем Конем. От стен Белого города остались достаточно крупные наземные части — в зданиях у Петровских, Сретенских и Покровских ворот, а основания стен сохранились в земле почти по всей трассе Бульварного кольца. И, наконец, в 1992 году исполнится 400 лет с момента возведения — всего за шесть месяцев! — почти пятнадцатикилометровых деревянных стен Скородома. На их месте на рубеже XVIII—XIX веков возникло Садовое кольцо Москвы. Сейчас существует идея реконструкции Сухаревой башни. Эта башня — перестроенные Ярославские ворота Скородома. Их восстановление на историческом месте (а есть варианты постройки башни на другой точке) было бы прекрасным градостроительным памятником! Вот каковы они, крепости — потомки Кремля.

Всего лишь семь лет — с середины 1985-го по середину 1992 года,— а за ними столетняя история возведения окончательных укреплений русской столицы. И в ее основе — стены Кремля.

В одном из древних сказаний о начале Москвы мы читаем: «Великий княже, на сем месте созиждется град превелик, и распространится царствие треугольное, и в нем умножатся различных орд люди». Действительно, стены Кремля построены почти точно по равностороннему треугольнику, что продиктовано не только треугольной формой мыса на слиянии рек Москвы и Неглинки, но и серьезной идеей. Пристроенная к Кремлю вторая линия укреплений — стена Китай-города — образовала со стенами Кремля еще больший треугольник, включивший главную площадь столицы — Красную. Геометрическим центром всех укреплений Москвы и символом «царствия треугольного» стал Покровский собор, или собор Василия Блаженного, построенный в ознаменование победы над Казанским ханством.

XV—XVI века — время быстрого расширения и укрепления границ молодого Московского государства, выхода его на мировую политическую арену как крупной европейской державы. В Россию практически перемещается центр православия в связи с падением прежних центров — «Первого» и «Второго Рима»: отпадение от православия католического Рима произошло к началу XIII века, а «Второй Рим»—Константинополь окончательно попал под турецкое владычество в XV веке. Так начало сбываться древнее сказание — в Москву, столицу Российского государства, стали стекаться «различных орд люди».

И именно в этом обстоятельстве путь к объяснению причины приглашения зодчих-итальянцев на Русь для строительства в Москве и в первую очередь в Кремле.

Суровое время XV век. Русь при Иване III воздвигала крепость за крепостью, перестраивала древние кремли и детинцы: Новгород, Копорье, Ям, Ивангород, Коломна — все не перечислить. Возьмите хотя бы Ивангород. Его стенам и башням, выстроенным в очень короткий срок, позавидуют любые крепости — это огромные сооружения из тесаного камня. Школа градостроительства на Руси к XV веку достигла небывалых высот.

И все же в этот период Русь призывает к себе мастеров «инородних» для создания стен столицы. И не из ближайших стран. Действительно, какие великолепные каменщики были в соседних государствах: Армении, Грузии, Болгарии, Польше, Швеции, наконец. Но нет, первыми были приглашены мастера от «Первого Рима». От «Второго Рима» — Константинополя — в России уже раньше работали в разных видах духовной деятельности и искусства многие известные люди. Зодчие — строители Софии Киевской, Десятинной церкви и других древних храмов южной Руси, иконописец Феофан Грек, философ Максим Грек и многие другие. В Московском Кремле также с древнейших времен сохранились произведения мастеров «Второго Рима».

Но в дворцах, монастырях и храмах Кремля в древности можно было найти еще и египетские папирусы, произведения античных философов, их образы во фресках, писания лучших средневековых богословов европейских стран, трактаты Галилея и его телескопы, прекрасные русские летописи и иноземные хронографы, работы во всех видах искусств всех славянских народов, западноевропейцев, кавказцев. Именно так из лучших откровений мира складывался центр Руси, через самые возвышенные свои идеалы входили «различных орд люди» в священные стены Кремля. Недаром в его Спасские ворота вообще было положено входить с непокрытыми головами и только пешком. Стены Кремля стали тем символическим хранилищем духовных сокровищ мира, о котором мечтали многие поколения русских людей.

И Рим, и Константинополь, как только они превращались в столицы империй, тут же становились собирателями самых высших ценностей и произведений искусства. Для их украшения и строительства храмов и крепостей собирали не только мастеров, но и древние скульптуры, колонны и резные карнизы из лучших дворцов и храмов покоренных городов. Москва из присоединенных русских земель собирала в Кремль только колокола и чтимые иконы, да и то не всегда: часто довольствовались копией-списком, как, например, с иконы Богородицы Смоленской. Все остальное строилось свободными мастерами своей страны и других стран, собиралось или покупкой, или в виде посольского дара, часто копировалось.

Московский Кремль—самый рус-

Вид на Красную площадь со стороны Спасской башни.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Белокаменные украшения Никольской башни * Соборная площадь Кремля через золотые купола Благовещенского собора * Древнейшая часть Кремля — Теремной дворец.

Фото Н. РАХМАНОВА

ский ансамбль по форме, смыслу и духу — стал символом единства без насилия, свободного сплочения духовных откровений народов Руси. С этим связан и обычай переклички стражи на Кремлевских стенах. После прославления святых стража возглашала: «Славен город Москва! Славен город Киев! Славен город Смоленск! Славен город Новгород! Славен город Псков!..» — и так перечислялись все русские города.

Но как, взгляните, чуден этот вид!
Остановитесь тихо в день воскресный,—
Ну не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред вами, реет и горит?
(Н. Рубцов)

Да! Видами на Кремль наслаждались и не могли насытиться многие путешественники, художники, поэты, люди любых профессий и званий. Без понимания всей исторической глубины величия Кремля рушились и кромсались его уникальные постройки. Дважды пришлось восстанавливать южный приречный участок стены: после того, как его снес русский же архитектор Баженов, и после того, как его частично взорвал Наполеон. Исчезли прекрасные ансамбли Чудова и Вознесенского монастырей, связанные с великими историческими событиями.

Начался этот процесс еще раньше, когда в XVIII веке на месте множества небольших, но стройных ансамблей возникли Арсенал и Сенат. Сами по себе великолепные произведения, они появились не там, где должны были встать в согласии с высоким историческим смыслом. После возведения архитектором К. Тоном Большого Кремлевского дворца был снесен самый древний храм Кремля — собор Иоанна Предтечи.

И все же, как видим, в множестве поэтических строк, в произведениях живописи, при всех своих утратах, подчас невозвратимых, Кремль — неиссякаемый источник вдохновения и притяжения, богатый душевными впечатлениями и историческими связями. Это богатство держат, словно крепкие отцовские ладони, Кремлевские стены. Взгляните: от Красной площади и от реки Неглинки, на месте которой разбит Александровский сад,— они как бы закрывают, защищают все прекрасное и святое. Но на юг, на Москву-реку и Замоскворечье, эти ладони раскрывают людям драгоценные камни небывалой красоты — величественные соборы и колокольни, окруженные неисчерпаемо разнообразными башнями, соединенными строгими пряслами древних стен. Да, им пятьсот лет. Но много ли найдется архитектурных произведений, несущих столько великого смысла, и при этом столь непосредственных, ясных по формам и деталям и в то же время овеянных бессмертным воинским подвигом, чтобы вечно и властно притягивать к себе человеческие сердца, облагораживать людские души!

Окно Большого Кремлевского дворца, Боровицкая башня и Оружейная палата * Вид на стену Кремля и башни Сенатскую и Никольскую.

Компьютер по-болгарски

К. БАРЫКИН,
специальный корреспондент «Огонька».

Надя Марчева ведет компьютерный урок в одной из софийских школ.

...Из утренней софийской газеты узнал об открытии еще одного клуба «Компьютер». Их много, в каждом большом городе есть один, а то и два.

...В крупном универсальном магазине натолкнулся на объявление: в продажу вот-вот поступят компьютеры «Правец-82д». Индекс «д» — значит домашний; так сказать, ЭВМ вашей квартиры.

...Журнал «Отечество» отвел несколько страниц репортажу о компьютерах в школе. «Тема не исчерпана и остается в редакционных планах»,— прокомментировал эту публикацию главный редактор Серафим Северняк.

...С трудом приобрел бестселлер болгарской периодики — новый журнал «Компьютер для вас». Первый его номер раскупили тотчас!

...Популярные телевизионные передачи «Час на всё» и «Нет времени» ведутся тоже с помощью компьютера. В частности, подсчет результатов конкурсов взяла на себя электроника.

А тут еще на софийские киноэкраны подоспел новый фильм «Программируйте бабушек правильно». А какое же программирование без компьютера, без математического обеспечения, без простейшего машинного языка? Им владеют тысячи болгарских школьников. Компьютерный урок столь же обычен в болгарской школе, как у нас природоведение или математика. Ребят от школьного компьютера за уши не оттащишь.

— Почему? — поинтересовался я.

— Ничего не задают на дом,— признался мальчуган.

— Компьютер — это так интересно! — воскликнул другой.

— С ним и поиграть можно,— сказала первоклассница Аня Ангелова.

— Компьютерные уроки и начинаются с игры.— Надя Марчева представляет, насколько я понял, одну из самых компьютерных болгарских семей. Вместе с мужем, институтским преподавателем Ангелом Марчевым, она разработала несколько учебно-игровых программ для школы: «Считалочка», «Краска, точка и ластик», «Маленький конструктор», «Музыка»...

— В каждую игру, в каждый урок мы заложили знакомство с компьютером, навыки общения с ним. И, само собой, знания о различных школьных предметах. Физика, химия, география, грамматика болгарского языка, теория литературы, история—электроника очень помогает в их изучении.

Надя Марчева ведет уроки в этой школе, Ангел Марчев преподает в экономическом институте, на кафедре теории управления и моделирования хозяйственных систем.

— Помните время, когда появились вычислительные машины? Всем сразу захотелось запрячь их в колесницу великих открытий. И поначалу о детях и забыли.— Ангел Марчев улыбается чуть грустно.— А оказалось, что ребятам компьютер ближе, чем нам, взрослым. Во всяком случае, «договариваются» с ним дети в три-четыре раза быстрее.

В компьютерные классы ребят дважды не приглашают. Вот и сейчас — звонок еще не отзвенел, а они уже за клавиатурой «Правеца» (в классе девять дисплеев). Каждый выбирает программу по вкусу, засветился экран, пошли в ход клавиши... Тут-то и раскрываются «эрудиция» компьютера, его покладистость, его умение пойти навстречу ребячьим фантазиям и навыкам. Компьютер чуток и внимателен, он не рассердится, если ты ошибся, он ограничится строкой-замечанием. Дескать, ты неточен. Не торопись, приятель, подумай.

По одному уроку в неделю — тридцать минут каждый. Мне сказали: ныне в болгарских школах 1500 компьютеров.

Однако не поручусь за постоянство этой цифры. К концу нынешнего года в школах будет около 7000 персональных ЭВМ — по одной на 118 учеников в возрасте от 11 лет. Завод, где делают компьютеры, половину своей продукции посылает школам. Это современные приборы, стоящие на уровне лучших мировых образцов.

Видимо, так, рука об руку с компьютером, и надо вводить маленького человека в день, когда компьютер станет столь же привычным, как сегодня телевизор, автомобиль, телефон, фотоаппарат... «Компьютер—не дань моде, а требование времени»,— отметил в одной из газетных публикаций заместитель министра народного просвещения НРБ Ангел Писарев.

...Сидел я на уроке в школе, смотрел, как ловко, сноровисто общаются дети с ЭВМ, и думал, что даже в том случае, если бы вся задача компьютеризации ограничилась лишь работой в школе, одно это было бы достойно внимания и изучения. Но болгарская национальная программа шире. Пользование компьютером, программирование — вторая грамотность XX века. Без знания того или иного иностранного языка как-о еще обходятся, но вот без навыков общения с компьютером через десять — пятнадцать лет делать будет нечего. Компьютерная грамотность — пропуск в XXI век; таково мнение ученых.

Еще вчера нечто архисложное, малопонятное (да и вроде бы необязательное), компьютер попросился на рабочие столы, парты, переходя в ряд обычных инструментов. Появится он и в квартирах. Правда, у него нет житейского опыта, но есть возможность таким опытом воспользоваться. А то, что компьютер может многое, видно из примера, приведенного академиком А. Ершовым, который отметил, что персональная ЭВМ типа «Агат» (это в общем-то простая машина, адресованная прежде всего школьнику) обладает «вычислительной мощностью, превышающей возможности... всех институтов Сибирского отделения АН СССР в начале 60-х годов».

Вот вам и школьная игрушка! А как же ореол недоступности? Компьютер — это же очень сложно... Беседуем, и скоро я убеждаюсь, что такое представление создано дилетантами и ограниченностью иных профессионалов; им так хотелось бы оставить за собой право на единопонимание этой техники.

Ведя свою компьютерную линию, болгарская школа учитывает все это, не обходит стороной опыт других стран, особо внимательна к тому, что делается у друзей.

...Пожалуй, именно о школе надо

говорить как о первом этапе всеобщей компьютеризации. Есть ли второй?

— Поедем в техникум по электронике, там и найдем «второй этаж» компьютерного здания,— сказал мне софийский журналист Валентин Томов. Он и познакомил меня с директором техникума инженером Панайотом Бостанджиевым, увлеченным человеком, может, даже фанатиком, но обеими ногами стоящим на почве реальности. Какова же она?

— Многообразна, как сама жизнь, которой без компьютера уже не обойтись,— говорит Бостанджиев. Он рассказал, что «Правец» в техникуме тоже используют, но предпочитают более мощные машины.

— Компьютер предметно, без эмоций определяет способности каждого ученика, выявляет две основные группы: одни обладают быстрой реакцией, другие работают медленнее, но с большей углубленностью. Первым машина «подкидывает» знания, вторым — обеспечивает скорость.

Без этого не обойтись — ведь задачи учащихся техникума сложнее школьных; они актуальны, нередко связаны с проблемами народного хозяйства. Диплом чаще всего разрабатывает реальное задание того или иного предприятия. Вычислительная техника приучает к системному мышлению, позволяет просчитать, выверить сотни хозяйственных ситуаций.

— Не оттого ли так велик спрос на выпускников вашего техникума?— спросил я Бостанджиева, зная, что на каждого выпускника приходит три, а то и четыре заявки. Здесь учат также и программированию, а программист ныне на вес золота! «Пакет программ подчас дороже, чем сама машина,— говорили мне.— Поэтому мы поддерживаем тех учащихся, которые замахиваются на составление программ для компьютера».

— Из восьмидесяти выпускников двадцать один выбрали дипломную тему, связанную с персональным компьютером,— сказал мне директор техникума.— И это тоже веяние времени.

...Чтобы не мешать ребятам, мы устроились на галерке, хотя в такой аудитории это понятие весьма условно: вокруг мощные ЭВМ, на каждом столе—корректные видеотерминалы, выносная клавиатура, удобная мебель. Расположились и тотчас забыли обо всем — так увлекательно шло занятие.

Замечено, перед дисплеем человек чувствует себя раскованно. Преподавателю не всегда все выложишь, а компьютеру можно даже намекнуть, что урок в общем-то учил, но... Терминал не обидится, не накричит. Он разберется, он готов на доброе слово, на эмоциональное поощрение. «Молодец!» — напишет на экране. Или, если того заслужил: «Ответ не правилен». Если же его попытаются шантажировать абракадаброй, он строго укажет: «Ответ бессмыслен». Но тут же смилостивится, сделает шаг навстречу, задаст несколько вопросов, поможет получить нужные сведения.

— С компьютером можно поладить,— сказал мне один из студентов.— Свой парень, хоть и электронный!

В техникуме разрабатывается конструкция персональной ЭВМ— непростое дело.

Но разговор об этом идет уже на «третьем этаже» — в одном из софийских институтов, на кафедре электронной техники. Это один из главных центров болгарской программы компьютеризации. И на собеседника мне повезло: доцент Румен Патрашков блестяще владеет темой.

— Но общение с машиной все же сложно? — Я не удержался и повторил расхожее мнение.

Патрашков, похоже, привык к таким вопросам. Он не спорит. Мне предлагают стул рядом с видеотерминалом. Спрашивают: «На машинке печатать умеете?» И через пять минут на экране выстраиваются строки, которые мне диктует один из студентов: «Компьютер в обиходе не сложнее цветного телевизора».

Что же касается программ... Это тоже в пределах обиходного понимания. Ведь и без того мы ежедневно составляем программы, сами того не подозревая. При уборке квартиры нужна программа («Она сделает честь любому профессиональному программисту»,— заметил в одной из публикаций академик А. Ершов); программа нужна и для того, чтобы добраться до работы; для вождения автомобиля; даже при кипячении молока мы прибегаем к алгоритму. (Уместно тут напомнить, что первую программу для счетной машины составила Ада Лавлейс, талантливый математик, дочь поэта Байрона.) Прежде полагали, что с компьютером может общаться только квалифицированный программист. Теперь пришло понимание — терминал доступен каждому. Появился даже термин «непрограммирующий профессионал» — специалист в какой-то области знаний и умений. Филолог или металлург, экономист или закройщик одежды скоро смогут использовать ЭВМ.

— Прошло время, когда на компьютер смотрели лишь как на быстродействующий арифмометр,— замечает Патрашков.— Ныне он берет на себя многие задачи. Терминалу можно поручить домашний бюджет — и он копейку лишнюю не потратит. Домашний архив, электронная записная книжка, банк информации, заинтересовавшая вас телевизионная передача... Отработка и закрепление навыков и умений, контроль и самоконтроль, экономия времени, индивидуальное пополнение знаний — все это компьютер.

— Но вот парадокс,— Патрашков говорит об этом уже без улыбки.— Если дети охотно идут на контакты с компьютером, если они встретили его как одну из технических новинок времени, то взрослые относятся к нему настороженно и нередко представляют его как нечто недоступное...

К концу года в стране будет 400 молодежных клубов «Компьютер». Болгарский комсомол взял шефство над этой программой. Министерство народного просвещения финансирует работу с размахом, с пониманием ее важности для страны, для народного хозяйства. А то, что проблема важна, сомнений нет. Центральный Комитет БКП прямо сказал об этом. Госплан страны подкрепил отношение к компьютеру тем, что включил выпуск машин в государственный план. В 1985 году производство мини- и микрокомпьютеров возрастет более чем в четыре раза!

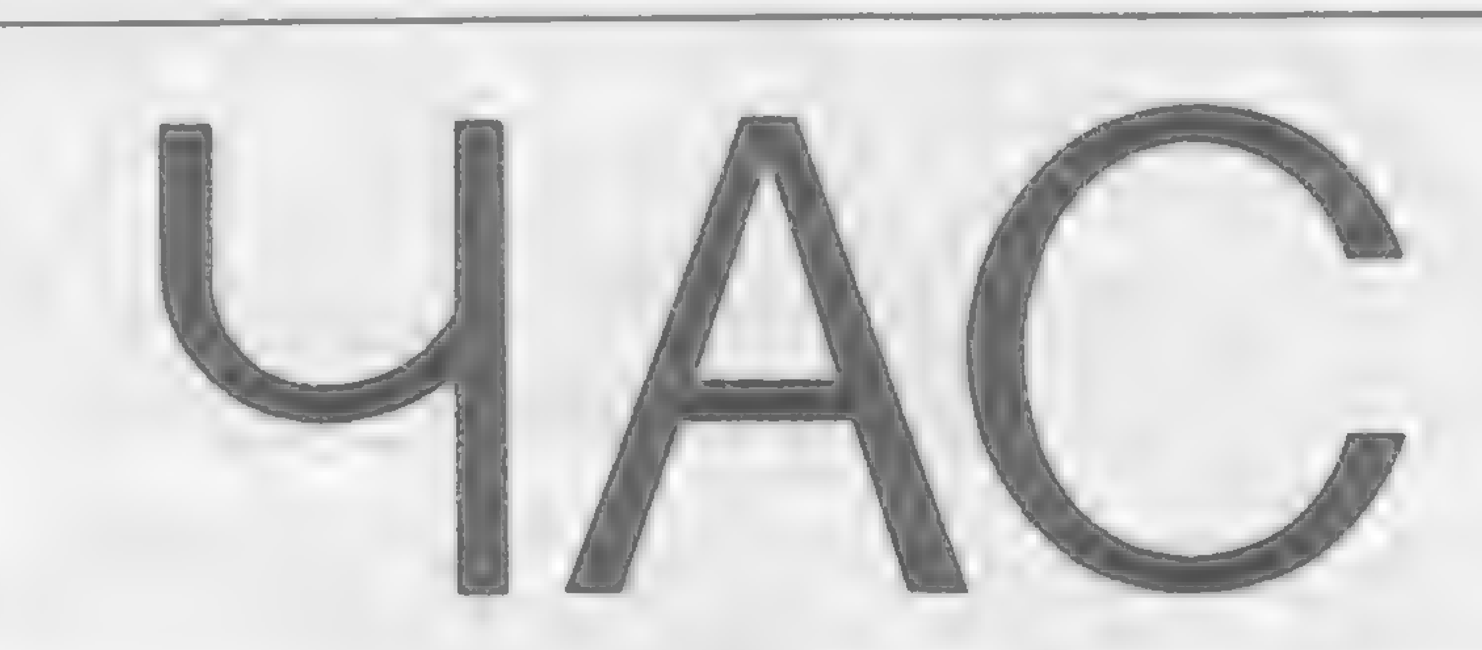
София — Москва.

Представим себе Одиссея, возвращающегося в родную Итаку, но не легендарным путем, а по эфирным волнам современного песенного моря, вернее, песенного океана, непрерывно плещущегося. Думаю, что Одиссей, испытавший в свое время пение сирен, нынче растерялся бы, даже если бы залепил уши воском. За многие века произошли существенные перемены: сирены приняли вид многообразных магнитофонов, населяющих современные здания, парки, бульвары... Ночью Одиссея, плывущего сквозь плеск новомодных ритмов и выкриков, по всей видимости, мучили бы «шлягерные» кошмары... Дома принимали бы очертания скал; магнитофонные чудовища, облепив их, хрипели бы на разные голоса... Думается, что и хитроумный Одиссей не смог бы уяснить себе смысл и происхождение этих феноменов.

Преувеличение? Ничуть. Послушайте слова современных песенных поделок:

Миллионы раз, миллионы голосов
Повторяют сотни фраз
Из одних и тех же слов.
(Авторы А. Римицан и В. Севастьянов)

Воистину в воздухе носятся «сотни фраз из одних и тех же слов». Вот звучит довольно назойливая песенка «Час пик» (музыка Т. Островской, слова Е. Володарского). Фразы ударяют в барабанную перепонку, отскакивая, как горох: «С детства я к тебе привык, час пик, час пик!..» «Час пик — то по снегу, то по лужам, час пик — то влюблен, а то простужен, час пик — по подземным переходам...» «Мчимся только напрямик, час пик, час пик!»

Не успели вы отвязаться от этой птички-песенки, как за вас принимается другая, к сожалению, окрыленная музыкой популярного композитора Р. Паулса «Зеленый свет». Но текст... что представляет собой текст? Опять про час пик:

Был час пик—бежали все куда-то.
Круг застыл, задумался зеленый свет,
Зеленый свет.
Час прошел, но все горит зеленый,
И никто не понял, что случилось с ним,
Случилось с ним.
Припев:
Но почему, почему, почему
Был светофор зеленый.
А потому, потому, потому,
Что был он в жизнь влюбленный.
(?! — **В. Л.**)
В мельканье дней, скоростей и огней
Он сам собой включился.
Чтобы в судьбе и в твоей, и в моей
Зеленый свет продлился.
Все бегут (слово «бегут» повторяется одиннадцать раз.— **В. Л.**),
А он светит,
Все бегут (11 раз),
А он горит!
В той толпе, как все,
Бежал я тоже и т. д.
(Слова Н. Зиновьева)

Слушаешь и никак не можешь определить, что это: набор слов? Самопародия? Так называемая «песенная рыба», набросок, выдающийся за законченную песню? В этом наборе слов характерны две строки: «Был час пик — бежали все куда-то» и «В той толпе, как все, бежал я тоже». Представляется, что эти фразы — камертонные для определенного типа явлений и авторов, работающих в жанре современной эстрадной песни. Итак, «я — как все» (и притом «бегу куда-то») — четко очерченная модель сознания некоего обобщенного текстовика — уловителя и вместе с тем переносчика массовых модных поветрий, разжигателя эпидемий антикультуры. Это к тому же и модель поведения неустанных работников песенной индустрии. Такого рода текстовики постоянно настороже, постоянно мимикрируют, видоизменяются. Они обладатели какой-то сверхскоростной универсальной приспособляемости. Без этого «песенная индустрия» попросту не смогла бы существовать. Эта уродливая «индустрия» постоянно ищет сбыт своей продукции: ей крайне нужны площадки на радио и телевидении, на эстраде.

Какого же качества «песни» зачастую фигурируют на «песенной бирже», соревнуясь за первое, второе, третье и прочие места? Та же бессмысленная песенка о светофоре, процитированная выше. Очередной шлягер сезона, исполненный ложной многозначительности,— «Айсберг» (музыка И. Николаева, слова Л. Козловой):

...А я про все на свете
С тобою забываю,
А я в любовь, как в море,
Бросаюсь с головой!
А ты такой холодный,
Как айсберг в океане,
И все твои печали —
Под черною водой.

Ледяной айсберг — в горячем море любви. С ума сойти можно! Поневоле закричишь. Так оно и происходит — следует душераздирающий выкрик:

Кто же ты на самом деле —
Айсберг или человек?

Но любовный напор «героини» неиссякаем. И в конце концов обожаемый «айсберг» тает, ибо этот «айсберг — это сердце без любви». На кого рассчитаны эти плохо скроенные словесные нагромождения? На каком языке это написано?

ПИК, ИЛИ ШЛЯГЕРНЫЕ КОШМАРЫ

Владимир ЛАЗАРЕВ

Все это передается по радио, телевидению, звучит с пластинок, выпускаемых фирмой «Мелодия». Диву даешься, каким образом литературные редакторы не замечают вопиющей безвкусицы и малограмотности подобных текстов.

В ходу сейчас и такая любовная песенка:

Отвечай спросонья мне тихо.
Бормотанья ловлю я твои,
И стань соловьихой
В дуэте страстном о любви.

(Слова А. Ковалева)

Литературный уровень подобных «бормотаний» ниже всякой критики. До сих пор некоторые ВИА в развитие любовной темы распевают в назидательном тоне песенку с рефреном:

На пути к своей мечте
Очень просто ошибиться в темноте!

Имена родителей этого «шедевра», к сожалению, запамятовали даже сами исполнители. Зато имена авторов страдательной песенки «Под проливным дождем» — музыка Б. Тихомирова, слова В. Дюнина — черным по белому объявлены в сборнике «Песни радиостанции «Юность» (выпуск № 11):

Стоим, прижавшись тесно,
И дождь нам нипочем,
И думаем, конечно,
Мы оба об одном.

Наверное, все-таки не обо всем, что приходит в голову в такой ситуации, следует оповещать мир.

Однако действие развивается — звучит припев:

Ну что же ты робеешь и молчишь?
О самом главном ничего
не говоришь?
Ведь этот дождь не навсегда,
Так поспеши признаться мне тогда!

«Дождь не навсегда», «признаться мне тогда» — какая оригинальность формы, под стать содержанию. Слушаешь и пробегаешь глазами эту песенную продукцию, и, помимо твоей воли, возникает огромная коллекция современных духовных примитивов и эстетических калек.

Без меня тебе, любимый мой,
Лететь с одним крылом.

(Каким это образом, спрашивается, можно лететь с одним крылом?.. Однако герой песни летит!)

Ты ищи себя, любимый мой,
Хоть это так непросто!

(Итак: любимый, который летит с одним крылом, должен еще и искать себя.) Резюме неожиданное: «мы еще споем!» — слова И. Резника.

Надуманная рассудочная конструкция при малейшем испытании здравым смыслом тотчас рассыпается.

Обидно, что некоторые постоянные поставщики перелицованных и малограмотных текстов подводят и безусловно талантливых композиторов и артистов. Это, безусловно, прежде всего касается И. Резника, который с невероятной резвостью, что называется, «гонит строку». В его авторском багаже целый сборник текстов «Монологи певицы» (кстати, оформленный «по мотивам эскизов (? — **В. Л.**)» самой певицы). И оформление и содержание на одном, низком уровне:

Я была такою юной!
Я такой святой была!
. . . .
День удачи. Ночь крушенья.
Час потери. Миг любви...
Бог, прости мне прегрешенья,
Ниду, Ниду позови.

Потом о собственной «правоте»:

Не став для вашей музыки
приправой,
Готовлю я свой собственный обед...
По-своему, о сударь, да, вы правы!
По-моему, увы, простите — нет!

В песне «Жизнь моя — карнавал!» бросаются в глаза следующие строки:

Эту жизнь я чертовски люблю.
Впрочем, истина эта не новость.
Но я снова ее повторю —
Извините меня за нескромность.

Да ведь это прямая перелицовка известной песни Э. Колмановского и поэта К. Ваншенкина «Я люблю тебя, жизнь». Поразительная глухота к поэтическому слову отличает автора «Монологов певицы». И только ли к слову! В одном из монологов героиня откровенно признается:

Я на метле летела
В черную благодать...

А что можно сказать о словах:

А мне надо отчаянно жить,
Выжимая предельную скорость,
Чтоб удачу за гриву схватить!
Извините меня за нескромность.

Увы, извинить в данном случае «за нескромность» невозможно. Но если в этом куплете сквозит лишь самовлюбленная пошлость, то в следующем уже торжествует откровенный цинизм:

Жизнь моя — карнавал! Карнавал!
Только что-то к нему не привыкну.
Я, представьте себе, танцевал
И с бедой и с разлукой в обнимку

Трудно да и страшно вообразить себе такой — «с бедой в обнимку» — танец и такой карнавал.

Жаль, когда одаренные исполнители обращаются к подобным текстам, свидетельствующим о полном отсутствии вкуса.

И вот молодая мать, гуляя с младенцем, пристраивает в коляске звучащий магнитофон с подобного рода музыкой. Гуляет и наслаждается, слушая любимые шлягеры. Не думая о вреде, который шум магнитофона наносит малышу, не думая и о том, в какую эстетическую среду погружен с первых дней ребенок.

Вспомним недавнее выступление академика Д. С. Лихачева, который, говоря об общих проблемах современной культуры, в частности, заметил: «Гораздо взыскательнее, жестче должны мы подходить и к продукции создателей расхожих шлягеров, чаще всего их тексты не что иное, как откровенная халтура... но как хорошо оплачиваемая! Надо всегда помнить, что русская поэзия, как и русская музыка, есть самое высшее достижение нашей культуры. Я подчеркиваю, потому что многие у нас этого не осознают. Я еще и еще раз призываю: давайте вчитаемся в совершенно бессмысленные тексты так называемых модных «песен», в огромном количестве звучащих с тысяч эстрадных подмостков, вслушаемся в рев многочисленных ВИА и голоса микрофонных идолов молодежи,.. давайте серьезно вдумаемся в этот прискорбный феномен и найдем, по-моему, совершенно необходимые меры сопротивления и борьбы с воинствующей пошлостью».

Заметим также вслед за Д. С. Лихачевым, что мы вовсе не против «современного» искусства, **«но это должно быть именно искусство, облагораживающее и возвышающее человека».**

Однако не правы те, кто видит вышеназванные тревожные явления лишь в современных контурах. Корни этого явления глубоки. Еще в сороковых годах девятнадцатого века молодой Рихард Вагнер разглядел в глубине «парижских развлечений» отвратительные образы жрецов увеселительного искусства, которые, мгновенно улавливая запросы момента, быстро создают развлекательную сиюминутную музыку, с ловкостью ресторанного гарсона мгновенно подают желаемое.

Процветающая эстетика шлягера, сколь скромной ни прикидывалась бы она, весьма далека от бессребреного служения искусству. Она опасна, ибо захватывает в свой круг в виде «необходимого сырья» подлинные культурные ценности, переваривая в своем котле и оглупляя, до предела опошляя их. Помните расхожий шлягер, разгуливавший в свое время по всем пляжам и ресторанам: «Остался у меня на память от тебя портрет, твой портрет работы Пабло Пикассо» (!!)? Говорят, что кто-то даже вытатуировал эти «исповедальные слова» на своем бренном теле. Потом шлягер освоил Джоконду, Василису Прекрасную и Волка, сюжеты полотен Петрова-Водкина... (В московском ресторане «Союз», например, группа под управлением Ю. Черенкова ныне разыгрывает ресторанное шоу «Конек-Горбунок».) Ряд далеко не полный. Эстетика шлягера опасна еще и тем, что очаровывает иной раз своими радужными перспективами авторов, вовсе не расположенных к такого рода искусству. Я об этом подумал, когда в сборнике «Песня-84» прочитал опус на слова серьезного поэта Б. Дубровина «Перед картиною Крамского» — герой песни ловит взгляд незнакомки и с придыханием шепчет: «А сколько раз ты снилась мне ночами, а сколько раз ты уносила грусть, а сколько раз я губ твоих губами...»

Лирический герой все ждет, что распахнутся двери и «неизвестная свою судьбу» ему доверит — «совсем другая, но схожая с тобой». До чего же можно все опошлить!

Однако эстетика шлягера не только практиков плодит, но и теоретиков своих выдвигает. Пришлось мне посмотреть одну из передач «Песня-85». Комментатор телевидения как-то между показами песен брал интервью у жителей и гостей столицы, идущих на концерт очередного ВИА. Разговор звучал примерно так:

— Вы москвичи?

— Нет, мы приезжие... из Свердловска (или Томска?).

— Поклонники ВИА?

— Да нет, билеты случайно достали...

— А как вы относитесь к такому песенному искусству?

— Честно говоря (отвечает один из двух опрашиваемых), я его не очень понимаю.

— Да, это непросто. Надо пройти специальную подготовку, научиться слушать эти ансамбли,— вполне серьезно наставлял неискушенных комментатор,— тогда полюбите.

Подумайте только, надо еще специальное обучение проходить, дабы благосклонно и с полным удовольствием вкушать эстетику шлягера!

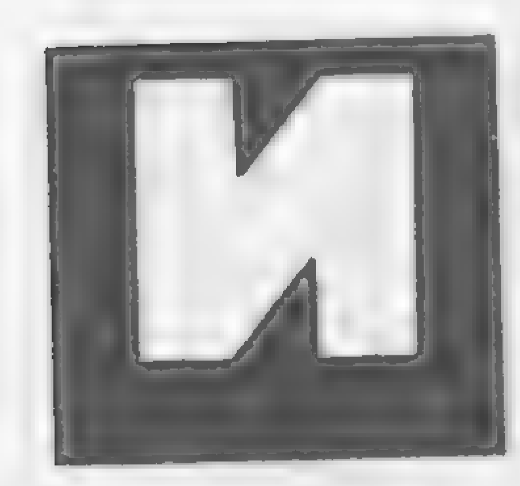
Согласен с Д. С. Лихачевым: мы недостаточно отдаем себе отчет в том, насколько воинствующий вирус антикультуры опасен для духовной жизни людей.

Я СТАНОВЛЮСЬ СМЕРТЬЮ

Михаил ГОРБУНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

И однажды задрожало небо над Уэндовером таким знакомым Тиббетсу, выжимающим у него слезы гулом, и огромные машины с легкой, только ему, Тиббетсу, знакомой новизной линий заходили на посадку, проносились из конца в конец бетонки, высоко и победно задрав решетчато остекленные круглые головы. Эфир переполнило голосами земли и неба, и прохладный ветреный день полупустыни был разогрет жарко дышащими моторами, трением шин о бетонные плиты, самой непривычной людностью аэродрома,— она принесла новую жизнь, по которой истосковался Тиббетс.

Почти сразу прибыли два контейнера с макетами бомб, поразивших его подчеркнуто, грубо утилитарным видом: «Малыш» еще куда ни шло, «Толстяк» же был похож бог знает на что— то ли на огромное яйцо, то ли на свинью, каких рисуют в детских книжках. Это были всего лишь макеты, пустые, как тыквы, их так и прозвали «тыквы», и было странно видеть, как на полигон с огромной высоты падает не дающая взрыва чушка; при ударе о твердую, каменистую землю отлетал прочь коробчатый стабилизатор, а бомба уродливо расплющивалась... Тиббетс подобрался, почернел от денных и нощных хлопот, от беспрерывных полетов, но это была его стихия, в ней он чувствовал себя вольно, как шакал,— их было много в ближних холмах, оттуда по вечерам доносилось отрывистое и печальное, как древний клич, завывание.

Потом авиагруппу послали на Кубу, аэродром располагался совсем недалеко от Гаваны с ее гремящими музыкой ресторанами, с ее казино, было самое предзимье, а тут стояла теплынь, и снова начались полеты, полеты, полеты. Окруженный океаном остров предоставлял чудесную возможность для дальних беспосадочных рейдов, и сама протяженность их — едва ли не полторы тысячи миль в радиусе, сама форма боевого применения «суперкрепостей» — преимущественно одиночные полеты — рисовали в воображении Тиббетса предначертанный ему судьбой полет, когда он исполнит волю бога и Америки. Его машина пропарывала нескончаемые табуны облаков, выходила из них под слепящее солнце Атлантики, распластавшись над безбрежной, будто арктической, ширью горящих золотом торосов взбитого холодом пара, и Тиббетсу мучительно не хотелось замыкать гигантский круг, чтобы возвратиться под шелестящие жесткими листьями пальмы не дающей успокоения его душе Кубы.

Потом снова был пустынный Уэндовер, были «тыквы», теперь уже начиненные взрывчаткой, разумеется, обычным ВВ, и все же это было приближение к идеалу, и когда Тиббетс видел сквозь марево высоты увеличенный линзами прицела рыжий шар разрыва, ему мерещилось, что шар мгновенно разрастется, ударит в днище, и сам он и все несущее его железо мгновенно, бездымно сгорят, и Тиббетс, снедаемый невыносимой волчьей тоской, уходил прочь.

Как бы отвечая на это его чувство, которое он тщательно скрывал, к нему поступила новая детальная инструкция о маневре при уходе от места взрыва... Резкий форсированный разворот с одновременным снижением, так чтобы менее чем за минуту (время падения бомбы до момента взрыва) уйти на восемь-девять миль от ада — только в этом случае, по расчетам ученых и практиков, можно было спасти машину от удара взрывной волны и уцелеть самому. Он понял, как велик риск при такой небывалой крутизне виража, и лишь слепая любовь к своей «суперкрепости» заставила верить в нее.

Продолжение. См. «Огонек» № 34.

Когда собрались в классе, чтобы разучить маневр «на бумаге», он почуял оторопь летчиков, увидевших что к чему, и его снова, как тогда, при первом сборе личного состава, охватила ярость. Но он сдержал себя.

— Завтра в восемь всем быть на полигоне. Я все покажу сам.

Поездкой на полигон руководил майор Суиней, негласное второе лицо после Тиббетса; по многу раз пойманным на себе хмурым взглядам майора Тиббетс видел, что эта «вторая роль» не совсем устраивает Суинея, и то, что собирался сделать Тиббетс, должно было поставить майора на место. Выдалось теплое весеннее утро, и у летчиков, вышедших на полигоне из автобуса, поплыла перед глазами степь, исходящая сочной зеленью под дремотным пригревом солнца, небо было чистым и высоким до головокружения, и оттуда, еле слышное, доносилось журчание степных птиц. Все были в полевой форме — светлые грубоватые куртки с отложными воротниками, такие же брюки, подпоясанные широкими ремнями, с висящими на них пистолетами в кобурах, пилотки или круглые шапочки со светозащитными козырьками.

Майор Суиней прохаживался от группы к группе, необычно оживленный. В эту минуту ровный, знакомый всем гул, забив пение птиц, наполнил необъятное небо, и все увидели стремительно, как по струнке, идущую в солнце золотую иглу, и в какой-то момент от нее отделилась бомба, ринулась по инерции вперед, стала падать, исчезнув в молниевом полете, чтобы, вызвав томительное ожидание у всех собравшихся возле диспетчерской, взвихрить коричневатое дерево земного выброса. Даже на глаз было видно, как точно, едва ли не в самый центр легла бомба при допустимом отклонении в триста метров.

Но о бомбе тут же забыли, привлеченные страшно разросшимся, все заглушающим ревом двигателей; в какие-то секунды машина замкнула немыслимую при ее размерах дугу виража и тут же пошла прочь — мгновенно теряя высоту и набирая страшную скользящую скорость, пропала из виду. У майора Суинея потемнело в глазах: он хорошо понимал, чего стоило Тиббетсу без предварительных тренировок, «с листа» проиграть полный риска маневр.

— Браво, Пол,— задумчиво проговорил он.

По странному совпадению перелет авиагруппы на Тиниан, одну из крохотных, двадцать на десять километров, площадок в архипелаге Марианских островов, представляющую собой естественный авианосец, проходил в дни, когда на всех континентах повторялось: взят Берлин! — и с фотографий первых полос газет мира глядели смеющиеся, охватившие друг друга за плечи парни — русские и американцы,— они закончили войну! Но их судьбам дано было снова скреститься в калейдоскопе событий.

Цепочка Марианских островов... Эти три острова — Гуам, Сайпан и Тиниан — удерживались японским командованием как основной рубеж в Тихом океане, прикрывавший метрополию, и, чтобы захватить их, понадобились линейные корабли, авианосцы, крейсера, подводные лодки, несколько сотен самолетов,— общая численность десанта превосходила сто двадцать тысяч человек. Здесь разыгрались крупнейшие морские, воздушные и десантные сражения, и американская авиация впервые в войне применила напалм.

Сразу по прибытии на остров начались полеты, все с теми же «тыквами», заряженными двумя тысячами пятьюстами килограммами взрывчатого вещества, опять обычного, но теперь уже на Японию... Не подлежали бомбежке лишь четыре японских города — Хиросима, Кокура, Ниигата и Нагасаки; и Тиббетс, обходя их стороной, оставляя где-то в таинственной глубине, знал истинную подоплеку этого никак не согласующегося с войной гуманизма, и у него замирало сердце от ожидания своего часа.

Наконец сверхсекретная, ошеломительная, предназначенная одному ему из всей авиагруппы весть о том, что водруженный на тридцатиметровую башню средь пустыни близ Аламогордо плутониевый снаряд уродливой, будто чудовищно назревший волдырь, формы взорвался, превзойдя самые смелые ожидания ученых и военных, впервые подняв над землей гигантское, губительное для всего живого облако; и у человека с пронзительными синими глазами, еще с юности испытавшего странное влечение к буддизму и индийской философии, вырвались пророческие слова божественного Кришны: «Я становлюсь смертью, сокрушительницей миров». Тиббетс ушел в глухую глубину своей истосковавшейся души, затаился, как зверь, снедаемый жаждой и предчувствием решающего «прыжка».

Ранним июльским утром, огромным призраком выплыв из океанской дымки, в порт вошел тяжелый крейсер, имевший на борту одинединственный, ни с чем не сравнимый по значимости контейнер с двумя сопровождающими — офицером и штатским, не выказавшими при встрече с немедленно прибывшим в порт Тиббетсом особого радушия — видно было, как они обременены ответственностью. В контейнере хранились каркас «Малыша» и небольшой свинцовый цилиндр — предмет особого внимания сопровождающих: в нем помещалась часть уранового заряда. Остальную часть и последние детали бомбы доставили на Тиниан воздухом. Тут же в крытом цехе начали сборку «Малыша».

В одну из ночей перед вылетом, подчинившись смутному влечению, не позволявшему заснуть, Тиббетс под видом проверки охраны сборочного цеха пошел туда один. Отстранив узнавших его, с недоумением смотревших полицейских, нашел кнопку в стене, нажал, огромные жалюзи разошлись, в глубине ангара на невысокой, как для гроба, подставке покоился длинный, тускло отсвечивающий в полумраке тупорылый металлический исполин; к нему все с тем же необъяснимым влечением подошел Тиббетс. Весь он был охвачен неведомой властью, исходящей от этого призрака, немого вместилища материализованной, спрессованной в единую плоть многовековой работы человеческого ума.

Беспредельное молчание тяжело и тускло отсвечивающего металла гипнотически держало Тиббетса, но какой-то тихий шорох или голос коснулся его, причинив боль. Он поднял глаза от бомбы — в полутьме, в проеме решетчатой двери стоял Гриф, лицо его было стерто, заслонено очками, видны были лишь два немигающих, как у мертвеца, глаза, и вдруг губы разомкнулись, как показалось Тиббетсу, в язвительной улыбке. Тиббетс окаменел, застигнутый в минуту предельного сокровения, волна гнева хлынула к горлу, но вслед за тем на него навалилась тяжелая, обессиливающая апатия, он еле разжал веки — Гриф стоял там же со своей жуткой улыбкой. Тиббетс повернулся и, оглушенный, пошел к выходу.

С этой минуты он как бы уже не принадлежал себе. Суеверный страх вызывало стечение странных, трагических происшествий. Крейсер, доставивший «Малыша» и через три дня отчаливший от острова, был торпедирован японской подводной лодкой и затонул вместе с девятьюстами душ команды — оказалось, он не имел приборов гидроакустической разведки глубин... В двух самолетах располагавшейся по соседству авиабригады на взлете взорвались бомбы, а на третьем возник пожар по совершенно необъяснимым причинам. Казалось, злой рок навис над Тинианом, подбираясь к тому, чем жил Тиббетс. Он молил бога, чтобы ему наконец дали старт, но, когда, казалось, все было готово, само небо заслонило Тиббетсу путь.

Он плохо знал историю и не ведал, что много веков назад Япония уже стояла перед страшной угрозой: корабли монголов, ведомые внуком Чингисхана Хубилаем, дважды подбирались к островам, но оба раза на море и берег, куда вот-вот должна была ступить нога пришельца, обрушивался невиданной силы тайфун, топя его корабли, и эти тайфуны были названы японцами именем «камикадзе» — «божественный ветер». Тайфуны и на этот раз несколько дней бушевали над Японией, но они лишь на ничтожное мгновение истории отодвинули готовившийся удар. Эти несколько дней совсем изъели Тиббетсу душу: о полете нечего было и думать, «эксперимент» требовал идеальных условий.

Наконец настало воскресное утро, разлившее в мире покой и благоденствие, и еще до получения сводки о погоде над предполагаемыми целями Тиббетс, только открыв глаза, ощутил необходимость немедленного действия.

Весь день прошел как в тумане... «Малыша», покрытого брезентом, оттранспортировали на тягаче к «Эноле Гей», подвели под днище машины; несмотря на свою величину, он все же затерялся там, настолько громадна была «суперкрепость». Разошлись створки бомбового отсека, заработал пневматический подъемник, бомба медленно пошла вверх. Ее стало перерезать острой линией тени, пока она не скрылась в пахнущем бензином и горячим металлом мраке. Люк снова задраили, машина стояла на твердой опоре двухскатных, маслянисто сверкающих амортизаторами шасси, высоко и независимо подняв остекленную кабину. Возле нее выставили трех полицейских — они будут стеречь ее до ночи.

Тиббетс ушел не сразу. Он стоял и стоял чуть в отдалении, одетый в форменную рубашку с рукавами по локоть и большими накладными карманами, в простые брюки, затянутые на плотной фигуре ремнем с бляхой; его машина четко вырисовывалась на лимонно светящемся вечернем небе. Неподалеку по плитам бетонки двигались, кружили еще несколько машин, принимавших отведенное им стартовое положение в тщательно продуманном боевом порядке полета...

Потом он все же постарался немного уснуть.

В полночь позавтракали.

Во время богослужения Тиббетс плохо слушал приглушенный голос капеллана — его молитва была в нем самом.

Он вышел из походной церкви в черноту и прохладу ночи.

4

Все было сейчас значительно на пересекающем океан крейсере, все подмывало президенту душу удивительной, вызывающей тайный трепет символикой,— и беспредельная ночь — она проникала в открытые иллюминаторы легким бризом, мерным дыханием волн,— и сама эта распахнутость циклопически круглых окон, сияние бортовых огней за ними — крейсер пересекал океан, не заботясь о затемнении. Зачем оно? Японцы загнаны в угол на другом конце света. И должен был, должен уже был обрушиться на заносчивую и коварную империю великий, подвластный лишь ему, президенту, Левиафан. В честь его, президента, накрыт в кают-компании изысканный, сверкающий хрусталем, белизной крахмальных салфеток стол, где все — и командир корабля, и судовой врач, и затянутые в белоснежные кители офицеры — заняты лишь поисками фраз, достойных выразить почтение к нему. В честь его откуда-то с кормы, от третьей орудийной турели доносится тихая, умиротворяющая музыка.

В этот момент, вероятно, по ассоциации с празднично убранным столом, перед ним вдруг засветилась другая картинка, другой ужин, в один из первых вечеров его президентства,— в который раз он с застарелым неудовольствием подумал о Рузвельте, будто тот слишком долго не давал ему возможности почувствовать себя счастливым,— другой ужин, в полном одиночестве. Он вспомнил все до мелочей: как в кабинет, где он работал, вошел дворецкий, с официальной мягкостью проговорив: «Господин президент, ужин подан»,— как он, президент, вошел в гостиную Блэр Хаус. Барнетт во фраке с белым галстуком бабочкой пододвигает стул к столу так, чтобы ему было удобно сесть. Джон, одетый точно так же, приносит стакан с соком. Барнетт уносит пустой стакан. Джон приносит тарелку. Барнетт подает бифштекс. Джон приносит спаржу. Барнетт приносит морковь и свеклу. Ужин в тишине при свечах. Он звонит. Барнетт уносит тарелки и масло. Входит Джон с салфеткой и серебряным подносом для сметания крошек — на столе крошек нет, но Джон тем не менее должен смести их со стола. Барнетт приносит тарелку с чашей для полоскания пальцев и салфетку... Затем он приносит немного шоколадного крема. Джон приносит кофе по-турецки — маленькую чашку на два глотка... Ужин окончен. Президент моет руки в чаше и идет в рабочий кабинет.

Почему-то именно этот пустячный эпизод прорезался ярким пятнышком из, казалось ему, совсем далекого вечера; но прошло всего чуть

больше или меньше трех месяцев — такой шквал событий обрушился на него, затмил недавнюю быль — и гостиная Блэр Хаус как бы переросла вот в эту кают-компанию с бесшумной дрожью устланного коврами пола от работающих где-то в глубине стального гиганта мощных машин, с почтительными наклонами офицеров в его сторону, стоит ему произнести какую-нибудь ничего не значащую фразу с корабельным врачом Уолтером Бербери, выделяющимся среди всех остальных импонирующими Трумэну внутренней твердостью и обстоятельностью суждений,— тот ужин в одиночестве был лишь началом, позволившим ему испытать первое упоение властью, а этот вершил Потсдам, уходивший в историю с радостью Аламогордо, теперь уже неотделимого от его имени.

Сейчас, после мучительных, полных тайных пружин политических маневров в старом дворце, с немецкой сентиментальностью названном Цецилиенгоф, президент все время уходил от словно преследовавших его угольно-бурых руин Берлина, самого порядком надоевшего ему дворца: слава богу, все позади и можно немного расслабиться. Но нет, успокоения не было, что-то все время держало его с тупой давящей силой, и он снова вспомнил о Левиафане.

Так он закодировал для себя чудовище, занимавшее всего его с того самого дня двенадцатого апреля, когда он с возложенной на библию рукой принял присягу в Белом доме: «...Я, Гарри Трумэн, торжественно клянусь честно выполнять обязанности президента Соединенных Штатов и буду делать все, что в моих силах, с целью...» Вернее, с ночи после затянувшейся инаугурации, когда он собрал первое на высоком посту совещание; но главное было еще позднее, когда они — по просьбе Стимсона, которого он сохранил военным министром, несмотря на его почтенный возраст,— остались с глазу на глаз. Он помнит тихий, вкрадчивый голос многим обязанного ему министра:

— Правительство, главой которого вы стали, создало оружие колоссальной силы. Никто и ничто не может противостоять ему.

И это был тот самый Стимсон, который гораздо раньше возвратившегося из-под Вердена артиллерийского капитана Гарри Трумэна, бывшего там администратором солдатской столовой — президент не любил вспоминать об этом,— гораздо раньше его имел доступ в Белый дом: он носил погоны полковника. Тот самый Стимсон, уже военный министр, захлопнувший дверь перед самым носом сенатора Гарри Трумэна, когда он, Трумэн, председатель сенатской комиссии по контролю за военной промышленностью, проявил интерес к тому, что творится в «мышеловках» генерала Гровса... «Сенатор,— произнес тогда Стимсон далеко не вкрадчивым голосом,— я не могу сказать, что это такое, но это величайшее в мировой истории предприятие. Оно в высшей степени секретно... Сожалею, но не вижу необходимости вашего посещения центра...» Да, это был тот самый Стимсон, но роли немыслимо переменились, и между тем президент, заняв свой пост, не мог проявить слабость мщения. К тому же он, соблюдая должный декорум, просил кабинет остаться в прежнем составе...

Потом было второе совещание, уже «тройки» — президент, Стимсон, Гровс. Теперь картина предстала во всей ошеломляющей полноте. То совещание все поставило на свои места, и теперь какими-то клочками вспоминалось, как генерал Гровс раскачивает перед ним грузное тело.

— Урановая бомба будет готова к первому августа.

— Всего четыре месяца,— журчит голос Стимсона,— и вы продиктуете свои условия императору Хирохито. Вы возьмете Японию за горло.

Это «вы» разрослось тогда до огромной величины, и он с почти остановившимся сердцем понял, что сделает великим тридцать третьего президента Америки. С того дня вся его воля была сосредоточена на Левиафане, и одному богу известно, чего ему стоило прийти к сегодняшнему дню, хотя бы подавить неожиданно возникшую оппозицию ученых, которые должны были понять наконец, что крушение Германии отнюдь не отрицает дальнейшего многократного усиления американского могущества,— есть и будет кому его продемонстрировать... Один этот Сциллард со своим пресловутым меморандумом.

Президент представил себе строгое породистое лицо любимца самого Эйнштейна, венгерского эмигранта, чем-то напоминающее лицо Рузвельта, и холодно, про себя рассмеялся над ними обоими: переданный покойному президенту — через его жену Элеонору, «первую леди мира»,— меморандум, утверждавший, что взрыв бомбы приведет к атомному соперничеству, так и остался нераспечатанным на столе Рузвельта — тот предпочел умереть... Но, кажется, лишь для того, чтобы возложить бремя ответственности на своего преемника...

Да что Сциллард. Дрогнул сам Оппенгеймер. Этот почти шекспировский вопрос — бомбить или не бомбить — прошел множество Сцилл и Харибд, в конце концов хорошо, когда есть такие парни — Стимсон, Гровс, Арнольд и еще Бирнс, доказавший, хотя бы в истории со Сциллардом, которого он взял на себя и «погасил», что достоин портфеля государственного секретаря и стал им. Потом спешно образованный Временный комитет, который возглавил Стимсон и который должен был поставить последнюю точку, а меж тем сразу же подпавший под борьбу самых противоречивых мнений... Глупцы, завязшие в тине сиюминутных проблем, не видящие перспективы, от которой захватывает дух... И там, в комитете, всю погоду сделал личный представитель президента молодчина Бирнс: это по его «а» комитет сказал «б» — бомбить.

К счастью, как и обещали Гровс, Арнольд, Стимсон, с самым незначительным отклонением от момента «ноль», вызванного непогодой, грянул взрыв «Толстяка» в Аламогордо, и всю жизнь он будет помнить, как в Потсдаме в покои к нему ворвался Стимсон, потрясая какими-то бумагами — это оказалась доставленная спецсвязью докладная записка генерала Гровса своему министру. «Почему не мне лично?» — с некоторой долей ревности подумал президент, но понял, что это всего лишь субординация, и приник к строкам довольно обширного послания. Его поразили подробности, которые приводил Гровс и о вспышке, в несколько раз превзошедшей яркость солнца, и об огненном шаре, принявшем грибообразную форму, и об образовании кратера, и об испарившейся самой стальной башне...

Он немного позабавил его, этот верзила Гровс, исхитрившийся сказать и о себе, как бы в третьем лице, в приведенных впечатлениях генерала Фарелла, находившегося в блиндаже пункта управления,— о том, что особенно напряженные два часа перед испытанием генерал Гровс находился с Оппенгеймером, прогуливаясь рядом с ним и успокаивая перенапряженные нервы ученого: каждый раз, когда Оппенгеймер был готов выйти из себя по поводу какой-либо неполадки, Гровс уводил его в сторону и, гуляя с ним под дождем, убеждал, что все будет в порядке... «Впечатлительность» бригадного генерала заставила его живописать, президент так ясно представлял себе: стоит, вцепившись в стойку, высокий, тонкий, неимоверно напряженный Оппенгеймер, и вслед за выкриком диктора «Взрыв!» все вокруг заливает светом ослепительная вспышка, и землю потрясает глухой рев, и что-то молитвенно шепчет Оппенгеймер... Описать красоту сцены взрыва, заключал Фарелл, под силу великим поэтам, которые, увы, не видели ничего подобного.

Сам Гровс был построже, и из его записки две фразы — в начале и в конце — легли в сознание президента резкими зарубками: «Успех испытания превзошел самые оптимистические прогнозы» и «...Только проверка бомбы в боевых условиях может решить успех войны с Японией».

Черчилль в Потсдаме был в курсе всего происходившего, знал о Левиафане, исключая, может быть, невинную шутку с названием бомбы, данным ей в честь неумеренно располневшего премьера Великобритании и друга Америки. Знал и тоже ждал взрыва, и вокруг бомбы накрутилось, переплелось сонмище политических страстей, и колоссальная, нестерпимой магниевой белизны вспышка высветила не только на десятки миль в окружности каменистую пустыню, но и самые тайные дипломатические закоулки, и Трумэн вдруг почувствовал, как когда-то, неодолимое томление власти — и над Сталиным с его железной логикой переустройства мира, и над Черчиллем с его тоской по лопнувшей идее захвата Балкан, которую он вынашивал много лет, и над этой жалкой крысой Хирохито, почуявшей гибель своего «корабля» и предпринимающей судорожные попытки к спасению.

Сквозь сшибку роившихся в его мозгу проблем с щекочущей настойчивостью пробивалась, вызывая странную боязнь, мысль о России, готовой, как было обусловлено еще в Ялте, к войне и сосредоточившей за Хинганом, в Приморье, мощную группировку войск для удара по предсердию Японии... Теперь он не хотел этого, хотя и не мог высказаться открыто, Россия в случае своей победы как бы снимала с него ореол величия, и он снова с ненавистью вспомнил о Рузвельте, который со своей бабьей приверженностью к миру, в сущности, предал в Ялте национальные интересы Америки, признав русскими Южный Сахалин и Курильские острова! Ненависть слепила Трумэна, и он вправду верил, что это мог сделать лишь больной, усталый человек, потерявший за слишком затянувшееся президентство всякую физическую и умственную энергию.

И кое-кто не перестает тыкать в лицо ему, Трумэну, его капитанскими погонами, его солдатской столовой, его галантерейным магазином, открытым по возвращении из Арденн на «крохи от солдатского пайка», даже тем, что только машинальное отпадение из-за смерти Рузвельта приставки в слове «вице-президент» открыло ему путь наверх, как было когда-то с другим Рузвельтом, представлявшим ветвь одной фамилии,— Теодором, дядей Тэдом, ведь и он пришел на смену Мак-Кинли из-за его гибели от руки анархиста... До сих пор ходит легенда, что когда тяжело раненный Мак-Кинли неожиданно пошел на поправку, разрушая перспективы, открывшиеся перед «вице», бедняга Тэдди бежал в горы, чтобы терзаться в одиночестве, и там, стоя на вершине Адирондак, он вдруг увидел, как расступились облака, и потоки солнечного света хлынули на него, на несколько мгновений перед ним открылась бескрайняя панорама лесистых гор и искрящейся под солнцем воды. И — о чудо! — к нему спешил лесник с желтым листком телеграммы. Инстинктивно Тэдди понял, какую весть принес ему этот человек... Да, Рузвельту сообщали о смерти Мак-Кинли.

Ничего не скажешь, забавная историйка, но из нее вырос в конце концов настоящий парень, при котором Америка завладела Кубой и Панамским каналом, его «большая дубинка» делала свое дело. Дядюшка приобретал, продолжатель фамилии отдавал. Он крепко «наследил» в Ялте, эти его «следы» протянулись в Потсдам, и их нелегко было затирать. Но, черт возьми, недаром же он, Трумэн, «погонщик мулов из Миссури» — он знал, что такая кличка укоренилась за ним с недавних пор,— а погонщику нужен хороший кнут, и теперь он есть у него, никто ему теперь не нужен. Оставался лишь Черчилль, высокомерный, хитрый Черчилль, которого уже информировал Стимсон.

Они встретились сразу же. Черчилль, тряся руку Трумэну, хрипел:

— Вы больше не имеете права колебаться. Посмотрите на руины Берлина, русские пролили здесь реки своей крови, но это может сделать одна ваша бомба. Вы избавите человечество от войны.— Тут он льстил, шельма, Трумэн понимал это, но через словесную шелуху все же пробилась одна прошедшая у него ознобом по спине фраза: — Таким образом, мы добьемся капитуляции Японии прежде, чем Россия откроет действия на Дальнем Востоке.

Эта фраза неожиданно вызвала в памяти президента хранящийся в сейфе Пентагона план вторжения в Японию обычным, традиционным способом.

Трумэн знал его наизусть, но сейчас, после взрыва в Аламогордо, после записки Гровса, как бы одухотворенной словами Черчилля, этот план потускнел, и голову президента заполнил чудовищный мираж атомного удара, который все решит за считанные секунды и вознесет на невиданный пьедестал тридцать третьего президента Америки.

В обуревавших его с лихорадочной быстротой

раздумьях он уходил от данного Сталиным заверения о вступлении России в войну на Тихом океане спустя три месяца после капитуляции нацистов, о крупнейшей русской группировке, готовой ворваться в Маньчжурию... Но все же как быть со Сталиным, этим невозмутимым восточным идолом, способным, кажется, проникнуть в самый мозг своим давящим взглядом?

Решили с Черчиллем: не вдаваясь в подробности, не называя бомбу бомбой, не раскрывая ее природы, информировать о ней Сталина — просто поставить птичку в обязательном меж союзниками протоколе, вот и все.

После одного из заседаний, когда захлопывались папки с бумагами, поднимались из-за стола уставшие от словопрений, жаждущие промочить горло дипломаты, Трумэн, уловив ободряющее выражение глаз Черчилля — тот отошел в сторону с независимым видом,— пересек зал из конца в конец, приблизился к Сталину, всеми силами скрывая волнение. Сталин, держа на весу прокуренную до черноты трубку, ожидающе, с чуть заметной тяжелой усмешкой смотрел ему в лицо. Тихо, по складам, чтобы не сорвался голос, Трумэн сказал:

— Мы располагаем новым оружием необычайной разрушительной силы.

Переводчик так же тихо передал Сталину фразу по-русски. Сталин выслушал со странным спокойствием, все с той же тяжелой улыбкой — она пряталась в глубине жестко прищуренных век,— глядел Трумэну в глаза. Вдруг легкий туман застлал Трумэну серое, пористое лицо Сталина. Трумэн с досадой понял: запотели очки. В этот момент к нему пробилась острая, как игла, мысль: Сталин знает о взрыве в Аламогордо.

— Я рад слышать об этом оружии,— со спокойствием, полным, как показалось Трумэну, скрытого коварства, медленно произнес Сталин.

До конца жизни Трумэн жалел об этом разговоре со Сталиным. Назавтра, плохо проведя ночь, он чуть свет встретился с Черчиллем. Тот был бодр, ироничен. Тут же последовала встреча с генералами Маршаллом, Арнольдом, Стимсоном, положившими перед главами правительств двух союзных держав выработанный в каменной тишине Пентагона приказ генералу Спаатсу, командующему стратегическими воздушными силами армии Соединенных Штатов,— короткий, как выстрел, текст нужно было утвердить президенту.

Он долго, тщательно, чуть не выламывая толстые стекла, протирал очки, и когда надел их, медленно заведя за уши небольшие дужки, было видно, как подрагивают сильно увеличенные линзами веки, неразборчиво мерцают провалившиеся в глазницы зрачки. В мертвой тишине он читал испятнанный штампами виз текст, потом, подняв лицо от бумаги, посмотрел на Черчилля, расплывшегося по столу, наклонившего обвисшее бульдожье лицо — изпод надвинутого лба глядели быстрые, как у змеи, глаза. Трумэн дочитал последний, четвертый пункт приказа, стал неторопливо раскручивать черный «паркер», чтобы быстро, боясь остановиться, поставить свою не совсем разборчивую подпись и тем самым благословить уничтожение двух из четырех названных в приказе японских городов и ввергнуть планету в долгую, полную потрясений и жертв борьбу, грозящую человечеству библейской гибелью Земли...

Изящные пальчики молодой американки мягко поплыли по клавишам телетайпа, и высоко над океаном эфир прострелила короткая шифрованная строчка: «Одобряю директивы Гровса». Сразу было получено подтверждение: «Запрет на бомбардировку Хиросимы снят. Объект передан в распоряжение военно-воздушных сил. Атака поручена пятьсот девятой группе двадцатой армии».

В тот день, когда в Потсдаме еще только готовилась к печати декларация, провозгласившая гуманные цели войны и звавшая Японию внять голосу рассудка, приказ был передан полковнику Тиббетсу. Генерал Карл Спаатс получил оригинал строго секретного документа назавтра и тут же вылетел на Марианские острова, чтобы лично руководить санкционированной президентом операцией.

Продолжение следует.

В. А. Кочетов.

ОБ ОТЦЕ

Андрей КОЧЕТОВ

В «Огонек» пришло письмо от читательницы А. В. Даниловой с просьбой рассказать о Кочетове, известном советском писателе. Редакция обратилась к сыну Всеволода Анисимовича, литератору Андрею Кочетову с просьбой поделиться своими воспоминаниями.

Этой фотографии сорок с лишним лет. Строгий китель, офицерские погоны, орден Красной Звезды. И взгляд—чуточку лукавый и жизнерадостный. Взгляд человека, ни секунды не сомневающегося в Победе.

Разумеется, таким отца своего я не помню. В ленинградскую блокаду, когда город на Неве был сжат тугим кольцом врага — в период, к которому относится снимок, я в прямом смысле делал свои первые в жизни шаги, и родителям приходилось брать меня с собой на работу: мама — в редакцию «Ленинградской правды», папа — в редакцию газеты «На страже Родины». Лишь много позже узнал я, какими правдами и неправдами удалось отцу, признанному «безусловно негодным» к армейской службе, добиться сначала зачисления в народное ополчение, а в конце концов назначения корреспондентом фронтовой газеты — редкую в его положении белобилетника «мирную должность», которая давала возможность находиться в боевых частях и подразделениях. И не просто находиться...

В книге воспоминаний генерал-лейтенанта А. П. Козлова «Тревожная служба» читаю о своем отце: «Человек высокой культуры, наблюдательный, храбрый, он обладал неиссякаемым запасом оптимизма и бодрости. Оружием журналиста Кочетова являлось не только перо, но и автомат, гранаты. Все это он носил с собой и всем мастерски владел... Всеволод Кочетов не любил писать с чужих слов — старался все увидеть своими глазами. С пограничниками ходил в разведку, с пехотинцами участвовал в ночных поисках, с саперами ставил мины, делал проходы в проволочных заграждениях».

Не любил писать с чужих слов!

При всем своем несовершенстве человеческая память способна цепко удерживать самое главное, самое значительное. Более того, под воздействием различных импульсов ей свойственно вдруг щедро раскрывать, казалось бы, наглухо запечатанные тайники. Для меня такими импульсами нередко становятся фотографии. Может, и не воскресла бы во всех подробностях история, непререкаемым авторитетом подтверждающая одно из основных творческих кредо Кочетова-журналиста, Кочетова-писателя, не обнаружь я в семейном архиве снимок, на мгновение приостановивший оживленную беседу отца с Михаилом Александровичем Шолоховым,— делегаты высшего партийного форума запечатлены в кулуарах Кремлевского Дворца съездов.

В моей домашней библиотеке есть немало ценных для меня книг. Книг, хранящих на титульных листах собственноручные пожелания их создателей автору этих строк. На корешках известные каждому имена: Валентин Катаев и Леонид Леонов, Вадим Кожевников и Леонид Соболев, Михаил Алексеев и Иван Стаднюк, Максим Рыльский и Егор Исаев... Одна из книг, явившаяся, кстати, родоначальницей строго оберегаемой и постоянно пополняющейся библиотеки в библиотеке, мне особенно дорога.

...В тот день, запомнившийся мне навсегда, традиция празднования моего дня рождения была нарушена самым решительным образом. «Ребят сегодня не зови,— вручая мне утром подарок, заявили родители.— Завтра пускай приходят. Вечером у нас будут взрослые. Познакомишься с интересными людьми. Некоторые в Москве проездом». Примерно за час до официального сбора приглашенных в прихожей раздался звонок, и минуту спустя на пороге появился человек, которого при всем желании немыслимо было спутать ни с кем иным: я много раз видел его на экране телевизора, разглядывал его портреты в газетах и журналах, в учебнике по литературе. Отец провел гостя в кабинет, а я остался в коридоре по другую сторону плотно прикрытой двери и, вслушиваясь в еле различимый перемеж голосов, тщетно пытался удовлетворить свое любопытство... День рождения отмечали весьма своеобразно. Первые двадцать минут я, естественно, был «гвоздем программы». Роль именинника в обществе Александра Корнейчука, Петруся Бровки, Александра Прокофьева, Николая Охлопкова, гостя, пришедшего за час раньше всех, мне в высшей мере импонировала. Правда, скоро повод, ради которого, как мне тогда представлялось, взрослые расположились вокруг стола, был предан забвению; намек родителей на то, что домашние задания вряд ли выполнятся сами собой, я понял правильно и, бурча под нос «интересные люди, интересные люди», отправился делать уроки.

Ни двадцатипятилетний пласт

времени, ни наслоения стремительных будней, то расцвеченных удачами и радостями, то обволакиваемых сумраком неизбежных печалей и потерь, ни бешеная круговерть повседневных забот — ничто не в силах приглушить во мне отчетливо звучащие слова гостя, который пришел на час раньше остальных. Поздно вечером он неожиданно вошел в спальную, когда я уже было собрался гасить свет, и, присев на край постели, сказал: «Вот мой подарок, держи! Едва не унес обратно. Ну что тебе пожелать, Андрей-сын-Всеволода? Будь достойным своего отца».

При таких вот обстоятельствах и стал я обладателем уникального экземпляра «Поднятой целины» — с дарственной надписью самого автора.

Отец не любил писать с чужих слов... Именно лично пережитое предопределило появление художественно-документальной повести «Улицы и траншеи» — о защитниках города на Неве, книги, в которой отец, отвечая сам себе на вопрос, что гонит фронтовых журналистов «вперед, где стреляют», говорит: «...нас ведет нечто более сильное, более властное, чем любой из приказов в мире. Не пройдя через огонь, мы не сможем прямо, честно, открыто смотреть в глаза тем, о ком пишем: мы не будем иметь на это право...» Да, отец всегда черпал материал для своих произведений «там, где стреляют». На передовой родились замыслы серии его военных рассказов, объединенные в сборник «Маки во ржи», повестей об ополченцах, героях блокадного Ленинграда, романа «Под небом Родины». А когда трудовой фронт стал «передовой» послевоенного восстановления, он создает «Журбиных», роман о династии корабелов, о рабочих-судостроителях, которым и сам в свое время был, начав трудовую биографию на ленинградских верфях.

Семейные фотографии... На многих снимках отец изображен склоненным над рукописями в своем кабинете. Казалось, в «святая святых» отца царил форменный хаос. Огромный, зеленого сукна стол чуть ли не на полметра был завален вырезками, блокнотами, бумагами... И книги, книги, книги. Раскрытые, с веерами закладок — на полках, на подоконнике, на полу. Стоило кому-нибудь сдвинуть книгу, подправить листы бумаги, и беспорядок кажущийся превращался для отца в беспорядок настоящий.

В последние годы отец придерживался строгого и жесткого расписания (исключение составлял период редактирования «Литературной газеты», специфика которой требовала постоянного присутствия «главного» в редакции). Ровно с девяти до половины второго он без перерыва трудился в своем кабинете. После обеда уезжал в редакцию журнала «Октябрь», которому отдал тринадцать лет; возвращался вечером и допоздна правил чьи-то рукописи, вычитывал гранки, верстки, просматривал корректуры. И отвечал на письма своих читателей. Отвечал на каждое письмо! Чтобы понять, какой это труд, замечу, что на последний роман отца пришло около десяти тысяч (!) откликов.

Случалось, отец приглашал нас с мамой, приглашал, чтобы почитать главы из романа, над которым он в данное время работал. Поначалу, слушая отрывки из «Молодости с нами», «Братьев Ершовых», я, бывало, интересовался: «А дальше? Что произойдет дальше?» Отвечал папа по-разному, но смысл слов оставался неизменным. Вот почему семейная читка последующих произведений подобными вопросами с моей стороны не сопровождалась. Я наперед знал, что скажет отец. Он-де отправил своих героев в плавание, они начали самостоятельную жизнь, и, стало быть, теперь их поступки, их судьбы целиком зависят от них самих.

Перелистываю страницы альбомов. Мелькают фотографии: отец со студентами Литературного института имени А. М. Горького, в котором он вел творческий семинар; у военных моряков Балтики, куда неоднократно выезжал во главе писательских бригад; на погранзаставе; на заводе «Ростсельмаш»; в гостях у нефтяников Грозного; на встрече с земляками в редакции газеты «Новгородская правда»; у рабочих химического завода города Дзержинска. Ряд снимков относится к «международному разделу»: возложение венка в доме Р. Тагора в Калькутте, прием у президента Индии, беседы с Луи Арагоном, шри-ланкийским писателем Мартином Викрамасингхе; широко представлена скандинавская серия, итальянская, китайская... Среди фотографий, на которых отец изображен с Ярославом Ивашкевичем, Чарльзом Сноу, Фаиз Ахмад Фаизом, Павлом Матевым, Аланом Маршаллом и многими другими известными зарубежными литераторами, нахожу одну, также имеющую отношение к «иностранной хронике». Отец, мама и я — в типографии бирмингамской газеты «Пост энд мейл»: родители внимательно слушают объяснения пожилого наборщика, а я выступаю в роли переводчика.

Месяц с лишним путешествовали мы тогда по Великобритании. По примеру отца я вел дневниковые записи; вернусь, мол, в Москву — изложу свои наблюдения на бумаге. Но увы... Сидел я за чистым листом и размышлял: о чем бы написал папа? Может, о студентах Оксфорда? Или о рабочих Кардиффа? О митинге в Гайд-парке? О посещении музея Роберта Бернса?

Отец дал своему очерку длинное название — «Там, где родился и похоронен один великий англичанин». Ну как же мне самому не пришло это в голову?! Неужели я не был в состоянии рассказать читателям о пребывании в интереснейшей «стране Шекспира», в Стрэтфорде-на-Эйвоне, городке, где появился на свет и рос, где закончил жизнь и погребен Потрясатель Копья, чьи творения вот уже не одно столетие волнуют сердца и умы человечества?! Обрисовал бы бревенчатый домик на Хенлей-стрит, над входом в который прикреплен герб — желтый щит, пересеченный золотым копьем, перечислил бы вещи, выставленные там на обозрение туристов, перевел бы, наконец, на русский язык надпись-завещание, выбитую на камне, с просьбой к живущим не трогать могильную плиту и не ворошить останки Шекспира. Да, не густо у меня получалось. Ничего-то я больше не знал ни об авторе неумирающих «Ромео и Джульетты», «Отелло», «Гамлета», ни его окружении, ни его эпохе. Первым, кто раскрыл мне глаза на все это, был отец, раскрыл своим очерком, причем на материале, который, казалось, был хорошо мне знаком. Находился же я в Стрэтфорде-на-Эйвоне, прохаживался по дорожкам, что и он, смотрел туда, куда смотрел он, слушал, что рассказывали ему. Неудачу мою отец объяснил просто: к поездке надо было заранее подготовиться, а я, мол, отправился в Англию поглазеть да полюбоваться, этаким экскурсантом. Он же ехал работать. «Все, о чем говорится в моем очерке,— сказал отец,— в той или иной степени я знал раньше. Но написать ничего не мог. Это было не мое. Нужно было самому все увидеть...»

Он не любил писать с чужих слов. Его «открытие» «страны Шекспира» позволило не только ее живописать, но и поразмышлять о величии в литературе, о том, что должно волновать настоящего литератора.

«Тогда, правда, когда он жил (В. Шекспир. — А. К.), — пишет отец,— его не считали великим; скорее напротив. Истинно великий, как на грех, очень прост и обыден для окружающих, и современники далеко не всегда за простотой и обыденностью во внешних проявлениях способны увидеть, понять огромность его внутреннего мира, его необычную сущность. Сколько великих во все века преуспевающие посредственности похлопывали снисходительно по плечу и, захлебываясь от восторга по поводу собственных успехов, учили жить! Сколько могучих талантов затаптывали при жизни, освистывали, третировали, обходили знаками элементарнейшего внимания, а то и просто тащили на эшафоты и костры! Рядом же с ними возносили временщиков, оборотистых ловкачей, тех, кто раньше всякого другого искусства постигал искусство безошибочно угадывать перемены в придворной погоде и изворотливо приспосабливаться к ней. Велик не тот, который в лаврах и медалях с головы до ног. Велик волнующий сердца народа, принятый и признанный народом, тот, кто живет и работает с думами о народе и для народа. Величие творцов прекрасного — в народности их творений... Счастье мировой литературы, что какой-нибудь самоуверенный «ценитель» и «ревнитель», ложно усвоивший понятие художественности, все-таки не остановил гениальное перо Шекспира в щедром и буйном его пламенном размахе».

Все эти детали, штрихи, мелочи вызваны в моей памяти фотографиями из семейного альбома, который открывается снимками военных лет. Я часто показываю их своему сыну. И у нас обоих — сына и внука Всеволода Кочетова — они вызывают чувство гордости. Такое же чувство гордости, какое испытываем мы от многотомья его литературного наследия, от сознания того, что в океанских водах под государственным флагом Страны Советов ходит танкер «Всеволод Кочетов», а в родном его городе дети по утрам направляются в школу, носящую имя Кочетова, что в Новгороде есть люди, проживающие на улице, названной в его честь, и что на ней возвышается гранитный памятник — дань народного уважения и благодарности писателю-земляку. Мы гордимся, что среди высоких наград, хранящихся в архиве Кочетова, есть почетные нагрудные знаки народного ополчения и Дороги жизни, ветерана легендарной Невской Дубровки, есть боевые ордена и медали, которыми Родина отметила журналистский труд в годы Великой Отечественной нашего отца и деда.

ВСТРЕТИЛИСЬ КОМИССАРЫ

Годы наградили ветеранов сединами, но друг для друга они остались такими же молодыми, как и сорок с лишним лет назад. Встреча людей, которых вы видите на фотографии, произошла в конце зимы в Иванове. Бывшие курсанты, преподаватели Ивановского военно-политического училища приехали со всех концов страны в город своей юности, провожавший их в сорок первом на фронт.

Они сражались комиссарами. О заслугах политработников Красной Армии перед Родиной свидетельствуют многочисленные боевые награды. Среди гостей — генералы, Герои Советского Союза, полные кавалеры ордена Славы. Многие сменили военные мундиры на гражданскую одежду, стали партийными и советскими работниками, учителями.

Из далекого Томска прибыл бывший курсант, а ныне майор в отставке А. И. Вялов. Боевое крещение он получил под Москвой зимой сорок первого. Победу встретил в Чехословакии, затем воевал на востоке против японских милитаристов. Четыре десятилетия спустя встретился он со своей однополчанкой врачом В. И. Чунаевой. «Валечка дважды спасала мне жизнь после тяжелых ранений»,— рассказывал Александр Иванович. Бывший политрук стрелковой роты А. В. Львов, оказавшись в тылу врага, возглавил партизанскую бригаду. Две тысячи народных мстителей сражались под его началом. Майор в отставке В. П. Павлов был парторгом полка, того самого, в котором воевали 18 отважных сибиряков — героев песни «На безымянной высоте». С большим уважением говорилось на встрече о писателях Михаиле Луконине и Сергее Наровчатове — в 1942 году они окончили Ивановское училище и находились на фронте до Победы.

С сердечной теплотой и радушием принимали комиссаров ивановцы. Хлеб-соль преподносили им в школах и вузах, на заводах и фабриках. Надолго запомнится эта встреча, одна из тысяч встреч ветеранов в славном юбилейном году 40-летия Победы.

П. СОЛОДАХИН,
полковник в отставке,
бывший преподаватель
Ивановского
военно-политического училища.

На снимке: встреча на ивановской земле.

И. Левитан. ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН. 1892.

И. Левитан. БЕРЕЗОВАЯ РОЩА. 1889.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ. 1895.

См. стр. 8.

лись непредсказуемыми и странными, но живопись была неповторимая и единственная вселенная художника, которая владела им целиком.

Левитан был бесконечно обязан России Тютчева и Фета, Саврасова и Чехова, Чайковского и Рахманинова. Великой стране с духовно добрым народом и единственной своеобычной культурой.

Вот строки, написанные другу юности художнику Николаю Касаткину из итальянского городка Нерви, стоящего у Генуэзского залива. На этот курорт направили Левитана врачи.

«Какая тоска тут, дорогой мой Николай Алексеевич! Зачем ссылают сюда людей русских, любящих так сильно свою родину, свою природу, как я, например?! Неужели воздух юга может в самом деле восстановить организм, тело, которое так неразрывно связано с нашим духом, с нашей сущностью?! А наша сущность, наш дух, может быть только покоен у себя, на своей земле, среди своих, которые, допускаю, могут быть минутами неприятны, тяжелы, но без которых еще хуже».

Письмо датировано 1897 годом. Пора славы. Полного признания. Но сколько сердечного трепета, чистоты, честности...

Живописец был ироничен, пристрастен к шутке, хорошо ощущал смешное. Но с самых первых шагов его учения у Саврасова воспринял восторженное, возвышенное ощущение пейзажа — лица Земли. Он находил тысячи перемен настроения в ее портрете. Никто в мировом искусстве, даже изумительные мастера импрессионизма так не чувствовали душу пейзажа. Смена времен года, пора закатов и восходов, непогода или ясность лика — все, все умел заметить и выразить мастер. Причем тончайшая партитура его холстов, почти неуловимые нюансы, которые чаруют и влекут нас, переданы внятно, пластически совершенно. В этой доступности, открытости главная тайна гения Левитана. Ценою невероятного многолетнего труда и наблюдений он добился самого трудного в искусстве — простоты. Нет, не для элитарной кучки любителей изящного писал художник свои полотна. Они созданы для народа. И люди отвечают живописцу своей признательностью. Зайдите в любой день в Третьяковку. Постойте час, другой у стены, где обычно экспонированы его картины. Небольшие, неброские, как сама русская природа. Тысячи зрителей проходят, останавливаются, завороженные гармонией, звучащей в этом зале. Мелодия каждой картины запоминается. Она проникает в сердце, чтобы остаться там навсегда. Это не потому, что Левитан повторил то, что видит или чаще не видит каждый смертный. Художник внес красоту своего необычного, лирически напряженного, как струна, сердца, в каждый мотив своих этюдов, картин. Это будто сонаты, прелюдии, ноктюрны, наконец, песни о России — стране, которая его родила, выпестовала и наградила талантом.

Канун нового века. Декабрь 1899 года. К Чехову в Ялту приезжает смертельно больной Левитан. Повидаться, а может, попрощаться с любимым другом. При встрече Чехов едко замечает, что в Ялте «нет ни дворян, ни мещан, перед бациллой все равны». Но Левитану было не до смеха. Сердце вовсе сдало. Художник спешит написать Антону Павловичу подарок. Как вскоре выяснится,— последний.

Словно слышу сухой, отрывистый, платком приглушенный кашель Чехова. Вижу тонкую, бледную руку Левитана. Кисть. Палитру. Кусок картона, на котором возникает Россия... Взошла луна. Мерцают в дымке стога. Пейзаж полон настроения, предчувствия, тоски.

Ночь. Вдоль берега моря бредут двое. За ними тащится длинная пепельная тень. Лишь звездное небо Ялты знает, о чем долго, долго говорили писатель и художник. Это тайна. Как, впрочем, и само искусство.

Одно известно — Левитан любил в ту пору повторять афоризм Фрэнсиса Бэкона: «Калека, который плетется по верной дороге, обгонит рысака, бегущего по ложной».

Вдумайтесь...

Какие невероятные, страшные кручи, смертельные тропы преодолевали по пути к вершинам незрячий Гомер, однорукий калека Сервантес, глухой Людвиг ван Бетховен, недужный Федор Достоевский. Но все они вопреки невзгодам, болезням даже на пороге самой кончины творили. Отдавали себя без остатка людям...

Шуршит под ногами серебристый песок. Черные кипарисы натянули звездный полог. Еле лепечет накат, оставляя влажную седую кромку. Бесшумно бегут, бегут одна за одной волны. Чехов и Левитан чутко вслушиваются в великое безмолвие природы.

«Все умрут, и злые и добрые, и бедные и богатые, и старые и молодые. Это единственное равенство, которого могли достигнуть люди»,— записал Левитан. Горько, но не совсем точно. Ведь далеко не безразлично, какой след оставил по себе человек. И тут уж вовсе не все равны...

Внезапно порыв прохладного ветра принес с гор едкий запах дыма. Где-то жгли костры. Левитан огляделся. Кругом было пустынно. Безлюдные пляжи мерцали в бледном сиянии молодой луны. Чехов закашлялся. Надо спешить. Поздно. Мария Павловна заждалась.

Перед отъездом на самом пороге дома Левитан оступился.

«Пути не будет»,— подумал он.

Ему не суждено было больше увидеть море, Ялту.

Московское лето было жарким. Окна студии, где лежал умирающий, широко распахнуты. Душистые, тяжелые ветки сирени проникли в мастерскую. Склонились у изголовья.

22 июля 1900 года Левитана не стало. Ему было всего сорок лет. Похороны. Из-за границы приехали Валентин Серов, Юон... У гроба стояли Аполлинарий Васнецов, Константин Коровин, Николай Касаткин.

В Париже Михаил Нестеров замер в молчании у обтянутых черным крепом полотен Левитана, экспонированных на Всемирной выставке.

Вот одно из последних писем мастера.

«Охотно разрешаю делать все, что хотите с моими картинами, только не уничтожать их... Жалко всю энергию и любовь, ушедшую на них».

Поистине эти строки раскрывают всю суть Левитана — поэта, художника, человека. Он ведал меру своей миссии и своего дара. Слова его полны сокровенной веры в вечную жизнь искусства.

23 августа румынский народ отмечает свой национальный праздник — День освобождения от фашистского ига. Говоря о достигнутом за годы социалистического строительства в республике, особо стоит выделить успехи медицины. Канули в прошлое многие болезни, возросла средняя продолжительность жизни. Если четыре десятилетия назад она не превышала в среднем 42 года, то сейчас, как это подтверждают статистические данные, вплотную приближается к 70 годам. Признанием и авторитетом в мире пользуется румынская медицинская наука, а в решении проблем людей преклонного возраста ее успехи особенно значительны. Корреспондент АПН в Бухаресте по просьбе «Огонька» встретился с директором Национального института геронтологии и гериатрии, академиком, профессором Аной Аслан, посвятившей свою деятельность помощи пожилым, борьбе за активную старость.

Геннадий АБАЛОВ

И ОТСТУПАЕТ СТАРОСТЬ...

Сейчас имя Аны Аслан на устах многих. Три года назад в Женеве ей вручили одну из самых престижных премий в мире медицины — международную премию «Леон Бернар». Так был увенчан труд целой жизни во имя жизни. Ана Аслан разработала концепцию о старости, доказав, что эта болезнь излечима. «Долголетие отнюдь не удел избранных, а природой отпущенное людям естество»,— считает академик. Оригинальные медикаменты «Геровитал» и «Аславитал», созданные ею, используются ныне для проведения эффективной гериатрической терапии. По инициативе румынского ученого приняты несколько рабочих программ Всемирной организации здравоохранения.

...Ана Аслан ждала меня в рабочем кабинете института точно в назначенное время. Знакомимся, и я мысленно отмечаю, как бодро выглядит эта женщина в свои 88 лет. На столе горы корреспонденции, пишут со всего мира — спрашивают, интересуются, благодарят. В этих стенах побывали тысячи пациентов и в подавляющем большинстве случаев после прохождения курса лечения уходили довольные. С 1952 года активно функционирует институт, дарящий молодость. Дарящий на самом деле? Усомниться меня заставила сама хозяйка директорского кабинета.

— Не будем преувеличивать и оперировать терминами из области фантастики. Я вовсе не пытаюсь отвергать известную мысль Гиппократа, что только молодость обладает всеми прелестями жизни, которых старость, увы, лишена. Каждому возрасту, как говорится, свое. Но вот приостановить процессы старения, облегчить страдания от разного рода хронических заболеваний, а с помощью наших препаратов стимулировать и продлить деятельность клеток и организма до глубоко преклонного возраста мы научились.

— Считаете ли вы, что главное сделано, достигнута цель жизни?

— Нет и еще раз нет! Ни на день не прерываю работы, ведь в геронтологии до сих пор остается много «белых пятен», надо постараться успеть ликвидировать их как можно больше. А сейчас, когда человечество на земном шаре «стареет», постоянно возникают новые и новые задачи. Деятельность врача-геронтолога уже не ограничена лишь выполнением лечебных функций, она носит социальный характер.

— Стало быть, перед медициной открываются новые перспективы?

— Они захватывающие! Мы стремимся научить людей стареть красиво. К этой работе, как ожидается, должны подключиться и демографы, и социологи. Представляете, если люди «золотого» и «серебряного» возраста вместо бесконечного лечения заживут полнокровной и счастливой жизнью, найдут применение своей мудрости, а опыт передадут молодым?

Мы беседовали с Аной Аслан, и я начинал понимать, что под старостью она подразумевает вовсе не возраст, а духовное состояние. Академик вспомнила свои молодые годы, рассказала забавный эпизод, как чуть было не стала летчицей. В середине пятидесятых она создала «Геровитал» — биостимулятор, способный повышать физическую и умственную силу. Первые эксперименты проводила на себе.

— Многие думают, что начиная с определенного возраста надо полагаться только на лекарства...

— Изучение долгожителей показывает, что значительно позже стареют те люди, которые умеют организовать ритмичный труд в сочетании с активным отдыхом, занятиями спортом, движением на воздухе. Наши ткани и клетки требуют постоянного притока кислорода, как только его становится меньше, в организме аккумулируются токсичные вещества, и процессы старения ускоряются.

— Имеет ли какое-либо значение питание?

— В каком возрасте оно не имеет значения? Умеренное и рациональное питание означает и замедление старости.

— А семейная жизнь?

— Категорически да! Семья представляет собой важный фактор продолжительности жизни. В близких людях долгожители находят удовлетворение и полноту эмоций. Мы занимались в институте подсчетами, и выясняется: среди лиц старше 85 лет лишь 1,4 процента — одиночки, а 61 процент имели более четырех детей.

Ана Аслан рассказывала о тесных связях, которые существуют между возглавляемым ею институтом и родственными научными центрами в других странах. Особенно тепло отозвалась она о коллегах из Киевского института геронтологии.

— В Советском Союзе я встречаю не только своих коллег, но и добрых друзей, вниманием которых дорожу, к мнению которых прислушиваюсь. Общение с ними доставляет истинное удовольствие. Когда я еду на очередной симпозиум или конференцию в СССР, то всегда вспоминаю, что на идеи, которые я разрабатываю больше трех десятилетий, меня натолкнули труды академика А. В. Вишневского.

Бухарест.

Абдул **МИРЗАЕВ**

Растите хлеб

●

Растите хлеб!
Выращивайте хлеб!
Он — смех детей,
Он — радость мирных дней.
Он наших городов и сел мечта,
Он — пенье птиц.
Он памятником стал
Всем тем, кто жизни
за него отдал.
Растите хлеб!
Мы за него страдали,
И долгими ночами на полях,
Как мать над сыном,
Мы над ним не спали.

Растите хлеб —
Историю страны.
Растите хлеб —
Грядущую опору.
Дороже он, чем всех сокровищ
горы.
Он — наша жизнь,
А жизни нет цены.

●

Хотя по-лакски мать
мне песни пела,
Хоть лакцем был отец
и прадед мой,
Сын Дагестана,
Сын России целой —
Я сын земли, огромной и родной.
Печаль Хатыни в сердце мне
стучит,
Людское горе душу обжигает.
Когда дитя в Туркмении рыдает,
То плач его
В ушах моих звучит.
Мне дороги и пушкинские ямбы
И глубина шекспировской строки,
Я знаю наизусть всего Хайяма...
Их доброта и мудрость
мне близки.
Они одной любимой книгой стали,
Той, что всего дороже и нужней.

И я горжусь,
Рожденный в Дагестане,
Что родина моя — страница в ней.

●

Лаская горы первыми лучами,
Восходит солнце.
Скоро свет зари
Прольется над уснувшими лугами,
Тепло и нежность миру подарив.
И у цветов,
Что так рассвета ждали,
На лепестках росинки слез видны,
Как слезы те,
Что матери роняли,
Припав к сынам,
вернувшимся с войны.

●

Земле, кормившей хлебом,
Роднику,
Поившему водою ключевою,
Родному лугу с нежною травою—
Я всем обязан на своем веку.
Душистым веснам,
Зимним дням морозным,
Хранящим влагу белым облакам,
Лепящимся по скалам
птичьим гнездам...
И материнским ласковым рукам,
Ночам ее бессонным,
Трудным дням
Обязан я.
Мой долг гнетет меня.

Едва ли в жизни
встретить вам случится —
Я не встречал такого много лет,—
Кто б матери свой долг
вернул сторицей.
Ведь на земле
Превыше счастья нет!

●

Ты щедрости солнца
Тогда лишь поверишь,
Когда за окном затрещат холода.
Ты людям тогда свое горе
доверишь,
Когда в твою дверь
Постучится беда.

Для сердца чужая печаль —
не обуза,
Огонь сострадания в нас не задут.
И тянутся к сердцу
Незримые узы,
Спасая от горечи тяжких минут.

●

Вот мельница ветшает у реки.
Ее, как сказку, сердце не забыло...
Я помню до сих пор,
Как это было:
Земля, как топка, жаром исходила,
И пылью заносило родники.
И мельница с поникшими крылами
Безжизненно маячила вдали,
Как призрак
над сожженными полями,
Которых уберечь мы не смогли.
Обуглились цветы, едва взойдя,
Дрожало солнце
в мареве туманном.
Ни пение муллы,
Ни талисманы
В то лето так и не дали дождя.
Молчало небо, как мы ни просили,
Зловещая стояла тишина,
Покуда эшелоны из России
Не привезли нам золото зерна.

И мельница, ожив, взялась за дело,
Светились лица радостных людей...
И жизнь глазами
преданных друзей
На детство возрожденное глядела.

●

Придирчиво друзей я не искал,
Но рядом их сердца
всегда стучали —
За партой и на горном перевале,
Потом, когда в шинелях мы шагали,
И на привале смех друзей звучал.
Могу тебе признаться от души:
Лишь дружбу испытав,
Сумел понять я,
Что завистью напрасною грешил
К тем, у которых есть
родные братья.

●

Памяти Михаила Луконина

В нашу Малеевку лето вернулось
опять,
И соловьи заливаются,
Душу тревожа.
Я бы хотел тебе, Миша,
стихи почитать,
Может быть, ты
Их на русский язык переложишь?

Может, как прежде,
сегодня заедем с тобой
К русской старушке,
С которой тогда говорили,
К той, что видала, как Зою
на казнь уводили,
К той, у которой в глазах
Неизбывная боль.

Миша молчит.
Отзвучал его голос давно.
Но все равно в эту смерть
я никак не поверю.
Ближе и ближе
Шаги его слышу за дверью:
— Может быть, в шахматы
хочешь сразиться со мной?
Что ж, расставляй.
Я сейчас твою силу проверю.

●

Горы. Течет под мостом река.
Где-то вдали петухи кричат.
Скирды нахохленные стоят.
Под таганком огонь кизяка.

Тихо ложится ночь на поля.
Шагом неслышным пришла зима.
Снегом укрылась моя земля,
Горы, долины, холмы, дома...

Только не в силах укрыть снега,
Сколько б их ветры ни нанесли,
Давней дороги,
Что мне дорога,
Дороги к сердцу моей земли.

По ней бродили мы с детских лет,
На ней босые следы видны.
По ней ходили мы в годы бед.
По ней вернулись домой с войны.

И наши дети идут по ней.
И наши внуки по ней пройдут.
Дорога эта
Всего родней
Для тех, кто свято Отчизну чтут.

Засохшее дерево. Зеленое дерево.
Стоят на земле одной.
Зеленое дерево. Засохшее дерево.
А солнце для них одно.
Как эти деревья стоят годами,
Так с небылью рядом — быль,
Со счастьем рядом
Стоит страданье...
Два дерева. Две судьбы.

●

Я знаю, как трудно
По скользкой дороге
Стекло пронести,
чтоб не выскользнул лист.
Стократ тяжелее
Бывает для многих
Нести свою славу —
Ведь путь их тернист.
Как много осколков
бывает в итоге...

●

Не требую я от зимы зеленей,
Не требую снега июльской порой.
Я в жизни ценю,
Что даровано ей...
Тебя, дорогая, люблю я такой,
Какая ты есть.
Оставайся собой,
Веселой иль грустной —
Навеки родной.

●

Наступит время свадеб.
Гладь реки
Согреет солнце теплыми лучами,
И затрубят архары-вожаки,
Цепляя тучи гордыми рогами.
Люблю подняться
Горною тропой
Туда, где даль чиста, вода целебна,
Где тенью по громаде ледяной
Скользят непринужденно
и волшебно
Распластанные в воздухе крыла
Парящего над кручами орла.

**Перевел с лакского
Сергей ГОЛУБЕВ.**

Большая вода.

Противостояние «Джеффу»

От Георгиевки до третьей пасеки пчелосовхоза «Переяславский» двенадцать километров. Ехали два часа. Дороги не было — ее скрыла вода. И только человек, знающий эти места, мог отыскать колею. Мой попутчик, главный зоотехник совхоза Г. Д. Щербаков шел от островка к островку (еще торчавших на бывшей дороге) и, цепляясь за ветви деревьев, чтобы не сбило течением, искал проезд для нашего «уазика». В кузове машины хранились стеклянные пробирки с муравьиной кислотой, очень нужной сейчас пчолам. Вода окружала нас, она была под нами и над нами. Продырявленное тайфуном «Джефф» и несколькими циклонами небо сыпало сплошным дождем, таким, что за считанные часы трижды перекрылась месячная норма осадков. За первые дни августа в Вяземском районе выпало около двухсот миллиметров, а в районе имени Лазо — даже 249 миллиметров. Ливни вызвали подъем рек, образовали грозный паводок, залили нижние улицы Бичивой, Дормидонтовки, Гвасюгов, Георгиевки и многих других поселков междуречья Кии и Хора. В нескольких местах потоки этих рек слились, поглотив крупные массивы пашни, сенокосные угодья, пастбища.

В конце июля, буквально в канун бедствия, я проезжал здешними местами. На полях, радуя глаз, набирал силу хороший урожай кукурузы, картофеля, зерновых и сои. И вот в который уж раз стихия проверяет дальневосточников на стойкость и мужество. Если раньше рожденные в экваториальных широтах тайфуны избирали маршруты над морем и касались лишь кромки материка, то в последние годы они все чаще стали забираться вглубь, нанося серьезный ущерб экономике Амурской области и Хабаровского края. В памяти хабаровчан еще свежо наводнение 1981 года. Тогда серьезно пострадали южные районы края. Урок того наводнения оказался хорошо усвоенным: в районах, подверженных затоплению, соорудили дамбы, укрепили мосты, дороги. Но «Джефф» все же нашел слабые места в защитных сооружениях и ударил приамурчан сильным паводком, сравнимым по силе с наводнением четырехлетней давности.

— Тайфун не был для нас неожиданностью,— говорил мне секретарь Хабаровского крайкома партии А. Ф. Шевченко.— Синоптики предупредили нас о надвигающейся беде, и люди сумели подготовиться, чтобы противостоять стихии, смягчить ее удар. В хозяйствах попавших в наводнение

Пчелиный «дед Мазай».

районов не пропало ни тонны общественных кормов, сохранен весь скот, хотя стада пришлось переводить в безопасные места. Даже и сейчас в ряде совхозов животноводов на фермы доставляют катерами и лодками. Сбоев в работе ферм и снижения продуктивности дойного стада не допущено.

С большим трудом, вырывая у непогоды каждый сухой час, в полях, на буграх и косогорах работают комбайны, убирающие урожай, идет заготовка кормов. На спасение урожая в зоны затопления вместе с сельчанами вышли жители городов и районных центров. Все понимают — стихия, надо помочь.

...Преодолев водные преграды, мы все же добрались до цели. Знатного пчеловода В. И. Власенко я увидел в роли дедушки Мазая из известного стихотворения. Только в «ковчеге» были пчелиные домики — их надо вывезти из затопленных мест на пригорки.

В наводнение восемьдесят первого года пчелосовхозы края потеряли 1300 пчелосемей. Нынче не пропал ни один улей. Восемь крупных пасек находилось под угрозой затопления, и все восемь сумели спасти. Сейчас часть из них отрезана водой, но с «большой земли» туда доставляется все необходимое. Пчеловоды края стараются даже в таких сложных условиях не снижать производство ценнейшего, собранного с дальневосточных дикоросов продукта, так нужного людям.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»,
фото автора

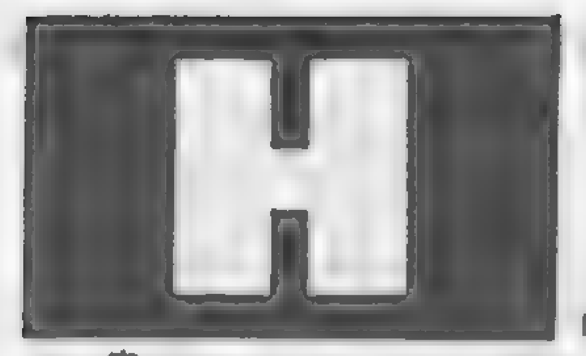
Цезарь СОЛОДАРЬ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК

КРАХ

Никаких музеев, однако, Фенкелькро и его знакомая принципиально не посещали. А достопримечательностями для них оказались квартиры граждан, соприкасающихся по работе с государственными секретами. Впрочем, к «достопримечательностям» дуэт Фенкелькро — Нора причислил и квартиры некоторых других советских граждан. От кого же были получены нужные лжетуристам адреса?

«Перед приездом в СССР,— читаем в объяснениях Фенкелькро,— я посетил синагогу на улице Коперника (в Париже.—Ц. С.), где раввином является Вильямс. Нам дали адреса некоторых советских граждан, живущих в Москве, Киеве, Ленинграде, Одессе».

Среди многих десятков адресов, известных удивительно осведомленному раввину, значился и адрес киевлянина Михлина. Для Фенкелькро и Нора он был одним из многих, с кем им приказали встретиться... Но когда парижане навестили его и вкратце записали «информацию», Михлин, не задумываясь, назвал Алена и Доминик своими... родственниками, пришедшими к нему «просто повидаться».

В липовых родственниках Фенкелькро и Нора числился и Кислик. Да, тот самый Владимир Кислик, у которого за бульонные кубики и прочие подачки сионистские «туристы» из США приобрели графики, схемы и фотографии, связанные с проблемами ядерной физики. Видимо, сионисты решили, что физик Кислик еще не до конца выпотрошен и выдоен.

«Люди, с которыми мы встречались, рассказывали нам,— признают в своих письменных объяснениях преподаватель и служащая из Парижа,— а мы записывали. Но ни одна из этих записей не является дословной».

Вот этому, пожалуй, можно поверить. Вряд ли какой-нибудь субъект из самых озлобленных ревнителей «родины отцов» мог сообщить дуэту несусветную чушь, частенько фигурирующую в собственноручных записях Фенкелькро. Ее с избытком придумывают, как говорится, не отходя от кассы, сами сионистские заправилы и борзописцы из подведомственных сионизму брехливых радиоголосов. И вряд ли стоило тратить франки из сионистской казны и мчаться из Франции к нам ради добычи «из первых рук, из проверенных источников!» информации вроде такой:

«Евреев в армии избивают» (из блокнота Фенкелькро).

«Если ребенок от смешанного брака дал обязательство быть русским (не грудной ли вундеркинд подписал обязательство?— Ц. С.), то он не может впоследствии изменить свою национальность».

Столь же странная «недословность» присуща и записям мадемуазель Доминик. Подруга преподавателя не поленилась записать, к примеру, что «некомсомолок не принимают в медицинские училища», что «со второго поколения (?! — Ц. С.) нет советских евреев», что, наконец, «власти нарушили правила игры».

Вот где собака зарыта! Оказывается, наша борьба с антисоветской клеветой и идеологическими диверсиями, с наглыми попытками заразить вредоносной националистической коррозией монолитный интернационализм советского общества — это для Фенкелькро и Нора всего-навсего игра по установленным нашими идейными противниками правилам.

Хороша игра, когда агенты международного сионизма на основе клеветнически извращенных «фактов» утверждают о якобы присущей Советскому государству преемственности политики антисемитизма царской России. Когда преступно извращается священная для нас интернационалистская миссия советских воинов-освободителей в пору Великой Отечественной войны. Когда...

Противно, глубоко противно заниматься перечислением гнусных антисоветских и антисоциалистических — вполне в духе «крестового похода»! — измышлений сионистских «туристов», жаждавших тесного знакомства с сомнительными достопримечательностями. Ограничимся только краткими выводами, напрашивающимися из всего, что записано в двух объемистых блокнотах Алена Фенкелькро и Доминик Нора.

Записи убедительно свидетельствуют о масштабности заданий, полученных ими от своих хозяев. Имею в виду не один только территориальный размах задуманной операции — четыре крупных города, уйма адресов «достопримечательных» лиц! Налицо и политический, можно сказать, размах. Судя по записям, изобличенные провокаторы замыслили «задокументировать» фальсифицированный материал так широко, чтобы можно было выйти с ним на международную арену.

Поездка парижского дуэта в нашу страну готовилась тщательно, продуманно, целенаправленно. Фенкелькро и Нора еще в Париже зафиксировали... ответы, которые им нужно было выжать из «собеседников» в Советском Союзе.

В некоторых записях можно увидеть вставки и исправления, сделанные рукою самих «информаторов»,— следовательно, сообщенные ими факты не записывались механически, а в ходе беседы обсуждались и оценивались.

Как и их коллеги из других западных стран, эмиссары французского сионизма проявили повышенный интерес и к таким лицам, которые усиленно подчеркивали, что в Израиль не собираются. Не так уж удивителен этот интерес, если учесть, что сионистским службам нужны в социалистических странах подстрекатели-зазывалы. Они сами заявлений о выезде в Израиль не подают, но других усиленно подталкивают, подзуживают. Зазывалам, кроме материальных подачек, весьма по нутру их реноме «специалистов» по Израилю, «знатоков иудаизма и древнееврейской культуры».

Вот почему в списке тех, на встречу с кем особенно уповали Фенкелькро и Нора, на одном из первых мест значился некий Городецкий, в равной степени желанный сионистским эмиссарам из США, Англии, Канады. Городецкий не только склонял знакомых и незнакомых евреев к переезду в Израиль. Он убеждал их «возвращаться к еврейству еще до возвращения в еврейскую страну», точнее говоря, предварительно пройти идейную «закалку». Фенкелькро и Нора еще в Париже были осведомлены: то, что они скажут всяким городецким, те быстренько «шепнут» десяткам «обрабатываемых» ими евреев. Кстати, если кому-либо из читателей доведется ознакомиться с моей скромной драмой-былью «Пелена», прошу учесть, что прототипом зазывалы Браиловского, спровоцировавшего студентку Наташу Гурвич на роковой для нее переезд в Израиль, стал именно Городецкий.

Следует сказать еще об одной причине глубокого интереса сионистов к проживающему в Ленинграде Городецкому и некоторым его единомышленникам.

В последнее время сионистские организации — и названные в этом очерке, и многие другие — через различные «радиоголоса» в передачах на СССР усиленно рекламируют попытку группы антисоветчиков совершить в Ленинграде 15 лет назад террористическую акцию: захватить и угнать советский самолет. Отпетые преступники изображаются «национальными героями» Израиля да и всего так называемого «свободного мира». Особенно рьяно некоторые средства информации Запада пропагандируют наглые откровения участника этого преступления Бутмана, бывшего советского гражданина. В многочисленных и пространных интервью он подробно рассказывает услужливым западным журналистам о всяческих ухищрениях, при помощи которых готовилась террористическая акция по захвату и угону самолета. Естественно, такая разнузданная пропаганда терроризма, раздуваемая сионистами, вызывает глубокое возмущение советских людей, которым адресованы провокационные передачи соответствующих «радиоголосов».

Но вдохновляемый сионистами Бутман не унимается. Новоявленный «литератор» состряпал антисоветский опус под крикливым названием «Ленинград — Иерусалим с долгой пересадкой». В названии, надо признать, есть не очень-то радостная для автора и его покровителей символика: подготовка преступления была своевременно раскрыта — и Бутману, как и всем его сообщникам, пришлось длительное время пребывать в местах, весьма отдаленных не только от Иерусалима, но и от Ленинграда.

На странице 113-й своей печатной продукции Бутман от чрезмерного, видно, усердия проболтался, что группа террористов (для солидности он именует ее организацией) создавалась и готовилась на основе и под прикрытием так называемых «ульпанов» — невинных вроде бы кружков по изучению древнееврейского языка—иврита.

Насаждением и организацией деятельности подобных «ульпанов» как раз и занимается Городецкий с некоторыми своими сообщниками. Теперь-то уже вполне понятно, чем вызван подчеркнутый интерес сионистских эмиссаров к этим лицам, чем вызвана значительная материальная и моральная поддержка, оказываемая им из-за рубежа. Объясняется это вполне определенными целями — не только антисоветскими, но и по своей сущности антигуманными.

А прикрываются эти цели велеречивыми разглагольствованиями сионистов о борьбе за... «развитие еврейской культуры в СССР» *. Как только компетентные органы, образно говоря, «хватают за руку» бутманов и городецких заодно с их зарубежными подстрекателями, сионизм заваривает очередную антисоветскую, полную злобных вымыслов и истерической шумихи кампанию по поводу якобы наличествующих в нашей стране «подавления еврейской культуры», «преследования преподавателей ульпанов», «угнетения учителей иврита» и т. д. и т. п.

Советские люди, естественно, глубоко сожалеют, что подобные клеветнические кампании встречают одобрительный отклик и находят

* Какие лицемерные утверждения! Пишу эти строки после того, как вместе с миллионами телезрителей увидел на голубом экране спектакль «Тевье-молочник» по одному из самых известных произведений еврейского писателя-демократа Шолом-Алейхема. Что-то не встречал я этого названия в программах израильского телевидения, в репертуаре израильских театров! А в спектакле Центрального телевидения Советской страны роль честного труженика Тевье, презиравшего шовинизм и национальную ограниченность, создал замечательный мастер советского театра Михаил Ульянов. Он продолжил многолетнюю традицию выдающихся деятелей советского театра (назову корифея украинской сцены М. Крушельницкого) знакомить многонациональную зрительскую аудиторию с такой жемчужиной еврейской культуры, как «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема.

Окончание. См. «Огонек» № 34.

прямую поддержку иных официальных деятелей на Западе.

Вернемся, однако, к Фенкелькро и Нора.

Чья же рука их направляла? Кому настоятельно требуется их злонамеренная информация? Кто, наконец, организовал и, очевидно, финансировал их вояж?

Ларчик открывается не столь уж сложно. Оказывается, как признали Фенкелькро и Нора, встретиться и побеседовать с «некоторыми людьми» их попросили «знакомые» из «комитета ученых в защиту советских евреев». Об организации под таким громким названием в журналистских кругах Парижа, я слышал, острят так: в этом «комитете ученых» на десять сионистских функционеров приходится точно ноль целых и пять десятых ученого. Показательное соотношение!

Объяснение, адресованное компетентным органам г. Киева, преподаватель и служащая закончили так:

«Если мы причинили вред СССР, мы просим извинения. Подписи». И затем приписка: «Отдаем наших два блокнота с нашими записями, сделанными накануне и во время нашего визита в СССР. Подписи».

7 февраля 1985 года преподаватель Ален Фенкелькро и служащая Доминик Нора были выдворены — естественно, досрочно — из нашей страны.

На этом, казалось бы, можно поставить точку. Но придется перейти ко второй серии. Происходит она за рубежом. Появляются новые действующие лица.

Однако и главные персонажи, уже достаточно известные читателю, тоже загадочно трансформировались. Преподаватель Фенкелькро превратился в... известного французского писателя и журналиста, а его подруга, Доминик Нора, служащая, через какую-нибудь неделю оказалась... журналисткой. Но от участия в пресс-конференции, посвященной плачевным итогам их визита в Советский Союз, она почему-то уклонилась. А возможно, устроители конференции испугались, что по молодости лет и неопытности Доминик не выдержит до конца постыдной роли клеветницы и провокатора. Зато уж месье Фенкелькро показал себя гроссмейстером злобной клеветы и бесстыдной фальсификации.

Каких только ужасов не записали с его слов некоторые западные корреспонденты, в том числе, конечно, клеветники с радиостанции «Свобода»! Тут и «двухчасовой допрос», перелицованный через несколько строчек в трехчасовой. Тут и конфискация «всех бумаг, найденных у журналистов», а ведь господа преподаватель и служащая, по их собственноручному письменному объяснению, сами отдали два блокнота со своими записями враждебного нашей стране характера. Тут и чье-то фатальное предупреждение, что «отныне никто не может гарантировать безопасности французским журналистам (а беседовали-то в Киеве не с журналистами, а с преподавателем и служащей.— Ц. С.) и что теперь Алена Фенкелькро могут избить на улице, а его подругу могут изнасиловать неизвестные хулиганы» и т. д. и т. п.

Какие гнусные выдумки!

Что ж, репортаж о пресс-конференции сочинен в полном соответствии со стилем зоологического антисоветизма, присущего любой передаче «Свободы».

Подумать только, как же могли не ведать в Киеве, что Фенкелькро — «автор ряда книг, посвященных еврейскому вопросу (ох, как скучают сионисты по возрождению этого вопроса в Советской стране.— Ц. С.). Среди них «История одного отрицания» и «Воображаемый еврей». «Неудивительно,— делает вывод «Свобода»,— что французский журналист хотел повидаться в Советском Союзе с евреями».

Более удивительно другое: посланец антисоветского сионистского комитета хотел вместе со своей подругой выдоить из заранее отобранных лиц пригодные для самого отъявленного извращения «факты», а может, еще кое-что. «Однако их планам,— сокрушается корреспондент «Свободы»,— не удалось осуществиться».

Да, не удалось осуществиться. Не осуществятся и подобные планы всех, кто задумает нанести нам визит в духе Фенкелькро и Нора. Сколько бы ни скорбела об этом радиостанция «Свобода».

Но по темпам отклика на киевские похождения парижского дуэта «Свободу», коронную отравительницу эфира, все же обскакал ее собрат, не менее брехливый «Голос Израиля». Его обозреватель (обычно он рекламирует «мирный отход» израильских оккупационных войск из окровавленного Ливана,— наглую попытку «уйти — чтобы остаться») умудрился на сей раз поднять шум о «киевских приключениях» Фенкелькро и Нора еще до пресловутой пресс-конференции.

Версия «Голоса Израиля» оказалась более лживой, нежели измышления «Свободы». Двухчасовой допрос вырос до четырехчасового. Придуман «домашний арест» Алана Фенкелькраута (диковинная трансформация имени и фамилии!— Ц. С.) и Доминик Нора. Фенкелькрауту якобы угрожали, что его поместят в одну камеру с уголовниками и его там изобьют. Но «известный во Франции писатель» (под какой же все-таки фамилией он известен?— Ц. С.), несмотря на такие страшные угрозы, «отказался назвать имена и адреса лиц, которых навестил». А к чему, собственно говоря, называть, если они аккуратнейшим образом были записаны в блокноте Фенкелькро — Фенкелькраута?!

«Сколько ни повторяй слово «халва» — слаще во рту не станет» — говорит широко известная на Ближнем Востоке пословица. Сколько бы «Голос Израиля» ни разглагольствовал об «известном во Франции» писателе Фенкелькрауте, популярность его махровошовинистических «произведений» все равно не возрастет. А читали ли господа комментаторы «Голоса Израиля» действительно широко известную во Франции и переведенную на многие языки правдивую, волнующую книгу писателя-антифашиста, участника французского Сопротивления, Владимира Познера «Нисхождение в ад»?

Если и не читали, то наверняка оголтело осуждают: эта документальная книга об освенцимском аде не по нутру заправилам международного сионизма. Почему? Ведь Познер положил в основу книги свидетельские показания тех немногих узников, кому удалось выйти из гитлеровского лагеря смерти живыми, вернее, полуживыми. Писатель не прибавил ни единого слова к тому, что ему рассказали Поль Бендель (выжженный на руке лагерный номер узника 167460), Миклош Нисли (А8450), Маша Равин (35332), Мира Онель (52323), Марк Клейн (А11953), Луиза Алькан (75125) и другие «неарийцы», депортированные в Освенцим из Венгрии, Голландии, Польши, Франции, Чехословакии.

Но сионистов, видите ли, не устраивает, что этих и других узников спасли от гибели ворвавшиеся в Освенцим советские войска, что спасенные с неизбывным чувством благодарности рассказывают о советских воинах-освободителях, не только вызволивших, но и по-отцовски выходивших их, обессиленных, истощенных.

«С русскими в лагерь пришла жизнь»,— так кратко и образно выразилась Одетта Элина-Грюффи (80580). «...При свете свечи они начали раздавать сухари из мешка,— свидетельствует Мира Онель.— Это продолжалось долго, потому что каждой больной они говорили несколько слов утешения, улыбаясь и ласково похлопывая по плечу: «Ничего, ничего, матушка! Скоро вернешься домой, только поправляйся поскорей».

А вот беседа писателя с Сюзанной Фальк (А5654) — когда советские воины вызволили ее из освенцимского ада, девушке было шестнадцать лет. Почти сорок лет спустя Сюзанна рассказывает Познеру:

— Русские стали раздавать продукты, посылки. Не помню сейчас (Сюзанна была тогда больна тифом.— Ц. С.), кто дал мне тот пакет. В нем были две банки консервов, которые я привезла во Францию. Я уже не была голодна, но не расставалась с ними ни на минуту...

Продолжая беседу с французским писателем, Сюзанна говорит, что спасение от смерти казалось освенцимским узникам совершенно невероятным.

Как же могут примириться сионисты с неопровержимыми доказательствами освободительной миссии Советской Армии во второй мировой войне? Ведь фенкелькрауты, бейеры, коски, блохи, харрисы и им подобные при засылке в Советский Союз получают в числе других задание — «на основе личных встреч» придумать очередную несусветную небылицу для раздувания лживых измышлений о «равнодушии» советских воинов к судьбе евреев, заточенных гитлеровцами в лагеря смерти.

Взяв на себя малоподходящую ему высокую миссию глашатая людей «свободного мира», комментатор «Голоса Израиля» лицемерно вопит, что «не в состоянии понять, как можно запрещать иностранным гражданам, легально прибывшим в Советский Союз, встречаться с евреями». В действительности же честные, прогрессивные люди мира не в состоянии понять, как сионистские эмиссары, прикрывшись туристскими визами, совершают несовместимые с туристским статусом деяния и позволяют себе вмешиваться во внутренние дела иностранного государства, клеветать на него, используя заведомо фальшивые «факты».

«Голос Израиля» требует реагирования «должным образом на беззаконные действия по отношению к писателю Алану Фенкелькрауту». От кого требует? От... правительства Франции, у которого, по разумению комментатора «Голоса Израиля», нет более важных дел, нежели заниматься нечистоплотными делишками сионистских агентов.

Непрошеным моим «защитникам» из Парижа я обязан задать вопрос, какой задавал, задаю и буду задавать их единомышленникам из Нью-Йорка, Лондона, из любого центра международного сионизма: какими реальными и эффективными мерами защищают они своих трудящихся сограждан еврейского происхождения от непрерывно растущих нападок и преследований антисемитов?

Стоит напомнить Алану Фенкелькро—Фенкелькрауту, что близ той самой синагоги на улице Коперника, где всеведущий раввин Вильямс вручил ему списки подлежащих «обработке» советских евреев, профашистские молодчики из так называемой ФАНЕ организовали взрыв бомбы. Четыре человека были убиты, шестнадцать ранены. Случись взрыв в часы, когда верующие направляются в синагогу, число жертв, по мнению журналистов (настоящих, а не подобных Фенкелькрауту), исчислялось бы несколькими десятками. Бандитскую организацию ФАНЕ официально прикрыли, но она продолжает свои антисемитские вылазки под маркой ФНЕ («Европейские национальные группы»).

Не в буковке суть, а в том, что профашисты на витринах небольших еврейских магазинов (к универмагам крупных еврейских фирм даже самые наглые антисемиты боятся подступиться) малюют гитлеровскую свастику с надписью «Смерть евреям!»; что евреи, снимающие сравнительно дешевые квартиры в районе Сен-Март, вынуждены покидать жилье в этом районе, где особенно разгулялись антисемитствующие молодчики; что 3 апреля 1985 года в кинотеатре «Риволи-бобур», расположенном в центре Парижа, на улице Риволи, во время показа кинокартины «Эйхман — человек третьего рейха» произошел взрыв, пролилась кровь восемнадцати человек из числа зрителей, смотревших фильм, повествующий о преступлениях нацистского истребителя евреев.

Защищает ли парижских евреев (разумеется, не ротшильдов) «комитет ученых в защиту советских евреев», пославший в нашу страну двух своих агентов с явно враждебными целями? Ограждает ли французский сионизм попранные права евреев-бедняков, уволенных рядом еврейских же фирм (назову для примера трикотажную фабрику Або Руди в Париже) за нежелание состоять членом сионистской организации и вносить в их кассу ежемесячный «шекельный» сбор? Пресекают ли заправилы французского сионизма кахановские методы расправы юнцов из упоминавшейся уже организации под идиллическим названием «французская ассоциация университетских друзей из Тель-Авива» с «равнодушными к Израилю» молодыми евреями?

Нетрудно предвидеть, что ответ на все эти вопросы может быть лишь однозначно отрицательный.

Откуда бы ни приезжали к нам сионистские эмиссары, на какой бы день пребывания у нас их ни разоблачали, они прежде всего прописывают один и тот же «рецепт» своим собеседникам — и явным подголоскам, и тем, кого сионистская пресса с презрением величает «несозревшими апельсинчиками».

Существо универсального рецепта, как можно судить по письменной инструкции, адресованной с Запада некоему заслужившему доверие сионистов ленинградцу, сводится к тому, что главным образом надо поднимать шум по любому поводу и без всякого повода. Сионистские инструкторы рекомендуют своим зазывалам шуметь как можно громче, не вдаваясь в подробности. По какой бы причине ни было отказано кому-либо в визе на выезд из СССР в Израиль, на Западе требуется «с первой же оказией» получить уведомление, что отказ бесчеловечен и беззаконен, что желающий выехать якобы тяжело болен, живет чуть ли не впроголодь и мечтает распрощаться с жизнью только в Израиле. А тем, кому выдана виза, рекомендуется «тянуть резину» как можно дольше, то есть любыми средствами задерживать свой выезд, чтобы числиться в клане лиц, которым в выезде якобы отказано. Авторы инструкции красноречиво предупреждают ленинградского адресата, что его молчание, то есть нежелание поднимать шум по любому поводу, на Западе могут расценить «за нежелание действовать».

Такая же угрожающая, столь свойственная сионизму нотка еще более выразительно звучит в другой инструкции, подчеркивающей мифическое «триединство»: Израиль, сионизм и еврейство. Они, дескать, неразделимы, и тот, кто решил «вернуться» на «историческую родину», пусть не стесняется защищать ее любыми средствами. Не стесняться — и баста!

После очередного провала на советской земле сионистские эмиссары под туристской личиной тоже ничуть не стесняются действовать по тому же провокационному принципу: поднимают шум по любому поводу и без оного. Они (американские «туристы», и английские, и французские, и прочие) истерично вопят: «Нас лишают возможности общаться с евреями, желающими репатриироваться в страну отцов!»

Оставим в стороне спекулятивное применение — в который раз! — понятия «репатриация», обозначающего, как известно, возвращение на родину военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся за ее пределами вследствие войны, а также эмигрантов. Ограничимся только перепечаткой из журнала короткого отрывка из беседы корреспондента с иностранцем, побывавшим в Москве и Ленинграде.

«— Была ли у вас возможность встречаться с евреями, желающими выехать из Советского Союза?

— Да, нам никто не мешал. Я ездил на встречи с ними, они приезжали к нам в гостиницу. Мы беседовали и с отдельными людьми, и с группами, виделись днем, вечером, ночью».

Как называется журнал, где он издается?

Название журнала — «Израиль сегодня», издается на русском языке в Иерусалиме, придерживается резко антисоветского направления.

С кем его корреспондент беседовал — имя, фамилия, профессия, политические убеждения?

С Менахемом Акоэном, раввином, депутатом израильского кнессета от блока «Маарах». В декабре 1981 года я, автор этого очерка, встречался с Акоэном в Советском комитете защиты мира в Москве и могу засвидетельствовать: приверженностью советскому строю господин раввин не страдает, скорее наоборот. Просто он не решился назвать белое черным, проявил элементарную человеческую честность.

А ее начисто лишены гудманы, бейеры, мелвины, калмсы, фенкелькрауты и прочие сионистские вояжеры, приезжающие в нашу страну с заданиями пакостить, клеветать, вредить.

Так их наставляют лидеры международного сионизма, вышколенные партнерствующими разведками — американской и израильской.

Но и такая матерая школа не спасает сионистских эмиссаров, под какими бы документами к нам ни пробирались — туристскими, корреспондентскими, дипломатическими. И вынуждены они убираться от нас не солоно хлебавши. Впрочем, дома им, вероятно, достается весьма солоно от взбешенных их провалами хозяев.

Пусть бесятся сколько угодно. У нас их посланцев ждет только одно—крах. Неизбежный. Неминуемый.

В КОНЦЕ ВОЙНЫ

Автор романа «Генералы и солдаты» Федор Распоркин прослеживает судьбы своих героев на фоне действительно драматических событий заключительного этапа войны в Прибалтике и Восточной Пруссии, где под прикрытием мощных оборонительных сооружений были сосредоточены крупные силы гитлеровских войск — более сорока дивизий и тысячи танков, которые могли нанести удар во фланг наших армий, действующих на Берлинском направлении.

Мне не доводелось участвовать в боях на том театре военных действий, но то, что раскрыл передо мной Федор Распоркин, заставляет содрогнуться. Как удалось соединениям 3-го Белорусского фронта преодолеть многоярусную оборону из железобетона и стали и тем самым сорвать коварный замысел гитлеровских стратегов? Какие люди и как они действовали там?

На первом плане перед читателями встает могучая натура генерала армии Ивана Даниловича Черняховского, незаурядного полководца и проницательного человека, умевшего точно оценивать способности подчиненных ему людей — генералов, офицеров и солдат. Он озабочен тем, чтобы сохранить боеспособность частей, не допускать потерь личного состава. Автор раскрывает логику мышления Черняховского перед принятием решений, а также в ходе наступательных операций.

На заседании Военного Совета фронта, когда зашел разговор о блокировании дотов и фортов противника, установка Черняховского была абсолютно конкретна: «Я категорически против того, чтобы подставлять солдат под огонь дотов и фортов. Укрепления надо уничтожать по возможности до атак. Это задача артиллеристов и саперов. Можете считать, что это приказ! Ни один солдат не должен бессмысленно погибнуть. Если где это случится, командира под суд, невзирая ни на какие заслуги».

Светлыми красками автор выписывает характеры командарма Второй гвардейской армии генерала Порфирия Георгиевича Чанчибадзе и командующего артиллерией этой армии Ивана Семеновича Стрельбицкого. Один из них порывистый, порой торопливый в принятии решений, другой — степенный, вроде не умеет волноваться и мобильно мыслить, но постоянно держит в своих руках и умело дирижирует огнем многих сотен стволов «бога войны».

В боях за Шяуляй автор высветил яркий образ молодого командира батареи капитана Урванцева. Отважный, смекалистый, подвижный командир утвердил в батарее, в каждом орудийном расчете боевую дружбу, слаженность и постоянную готовность к взаимовыручке и взаимозаменяемости так, что в самой суровой схватке с танками и пехотой перед Шяуляем враг понес невосполнимые потери от снарядов батареи Урванцева. И в последующих боях, до самых подступов к Кенигсбергу, батарея Урванцева решала самые трудные задачи.

Видимо, Ф. Распоркин хорошо знает артиллерийское дело, потому все действия Урванцева выписаны с удивительной точностью и убедительно. Одновременно, раскрывая боевую жизнь батареи, Федор Распоркин уделяет особое внимание солдатам.

Мне особенно запомнились образы рядовых из батареи Урванцева, верных друзей: богатыря из Ставропольщины Еремея Зиманова, яицкого казака с красивым именем Феофан, пожилого и мудрого удмурта Петрова. Это он, Петров, перед тяжелым боем дал рекомендацию для вступления в партию капитану Урванцеву. Трогательная сцена: Петров не присутствовал на собрании, он погиб, но его рекомендация прозвучала как живой голос бойца-коммуниста.

Автор наполнил страницы своего романа реальной фактурой, энергией ума наших генералов и солдат, поэтому я отношу эту работу Федора Распоркина в разряд заметных явлений в художественной литературе о минувшей войне.

Иван ПАДЕРИН

Федор Распоркин. Генералы и солдаты. М., Воениздат, 1984, 336 с.

ЛЮБОВЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Искра Денисова, я беру на себя смелость это утверждать,— критик-поэт. И не потому только, что вот уже почти три десятилетия пишет она о поэзии, а потому, что пишет взволнованно, пишет с ощущением радости открытия, пишет горячо и убежденно.

Поэзия конца пятидесятых — начала шестидесятых годов оказалась временем стремительного раскрытия этого жанра в нашей послевоенной литературе, стала своеобразной взлетной полосой и для творчества Искры Денисовой. Не случайно первая ее книга, вышедшая в 1962 году в издательстве «Знание», так и называлась «Первые встречи» и знакомила читателей с новыми тогда для них поэтическими именами Владимира Соколова, Николая Панченко, Владимира Цыбина и Дмитрия Блынского. Возможно, размышления о яркой поэзии молодых, о преемственности в мировоззрении и традициях поспособствовали желанию критика сказать свое слово об основоположнике советской поэзии Маяковском. Так родились две книги: «Революция — любовь» — о лирике Маяковского и о неповторимости творческой индивидуальности в поэзии, а чуть позже — «Традиции Маяковского в современной поэзии», где представлялась довольно широкая панорама современной поэзии и где соседствовали имена А. Твардовского, Л. Мартынова, Я. Смелякова, С. Смирнова и Е. Исаева с именами В. Гордейчева, А. Вознесенского, Р. Рождественского, В. Фирсова.

Углубленно вглядываясь в развивающийся литературный процесс, критик при всей своей беспристрастности, которой требует от него профессия, все же не может избежать подчас определенных пристрастий. Не избежала их и Искра Денисова. Ее «пристрастия» на следующем творческом этапе формировались под заметным влиянием строк Василия Федорова, Михаила Луконина и Сергея Васильева, о каждом из которых критиком были написаны обстоятельные монографии, а книга о Михаиле Луконине «Чистый ветер тревоги» выдержала два издания.

Человек открытого и доброго сердца, писательница, обладающая интернациональностью мышления, Искра Денисова в последнее десятилетие выступила в центральной печати с рядом заметных статей и о наших национальных поэтессах: о Турсынхан Абдрахмановой и Фаризе Унгарсыновой из Казахстана, о Гулрухсор Сафиевой из Таджикистана, о Раисе Ахматовой из Чечено-Ингушетии...

Заинтересованность в своем труде, полное слияние с ним, удовлетворение от нелегко заслуженных удач — вот то, что дает, по-моему, человеку ощущение жизненной наполненности, вот то, без чего не может состояться счастливая судьба человека-труженика. И к этой категории людей с полным правом можно отнести Искру Денисову.

Татьяна КУЗОВЛЕВА

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЕОНИДА ЛЕНЧА

НЕУВЯДАЮЩИЙ ОПТИМИЗМ

Мы, подростки предвоенных и военных лет, от души смеялись, слушая по радио или с эстрады в парке рассказы юмориста с несколько вызывающей и дерзкой по тем временам фамилией — Ленч. Читали ли их Хенкин или Светловидов, Вахтеров или Каминка — всегда оставалось ощущение праздника от встречи с умным, жизнерадостным автором, пригласившим нас взглянуть вместе с ним на смешное и забавное в жизни, нам был понятен и близок его оптимизм.

Естественно, тогда мы не ведали, что за тем псевдонимом скрывался литератор Леонид Сергеевич Попов, которому суждено будет не только стать одним из ведущих юмористов страны, но сказать весомое слово во многих других жанрах — драматургии, публицистике, переводе и т. д. Вряд ли, впрочем, сам Леонид Сергеевич, родившийся в 1905 году на Смоленщине, в семье русского военного врача, учившийся в гимназии и в университете, а потом работавший экономистом, профсоюзным активистом, мечтал о писательской славе, готовил себя к нелегкому литературному труду. «Огонек» первым зажег зеленый свет начинающему автору — в 1936 году в серии «Библиотека «Огонек» вышел сборник рассказов Ленча, и с этого началось его уверенное движение к читателям. Книги Ленча активно издаются, его переводят на иностранные языки, рассказы Ленча инсценируются на профессиональной сцене и звучат в исполнении юных самодеятельных артистов.

Пришла война — и миниатюры Ленча, сотрудника фронтовой газеты Брянского фронта и спецкора «Известий», обрели другое качество. Людям, как и в мирные времена, необходимы были разрядка, задушевный юмор; комическое помогало глубже увидеть, оттенить сущность героического — и в действующей армии и в тылу звучали довоенные и совсем недавно написанные новеллы и скетчи писателя. Существует любопытный документ, подписанный 5 мая 1945 года комендантом рейхстага полковником Зинченко. В нем говорится, что в тот день артистка МХАТа Нина Михаловская выступала в здании рейхстага перед участниками штурма: она читала бойцам рассказы Л. Толстого и Ленча.

Интересный факт в биографии фронтового журналиста, писателя!

Сценичность рассказов Ленча-прозаика, идущая от удивительно тонкого ощущения автором природы человеческих отношений и точности передачи речи персонажей, не могла не способствовать рождению законченных сценических образов, становлению Ленча-драматурга. Комедии «Звезда первой величины», «Большие хлопоты», «Ты — это я!», кинокомедия «Девушка без адреса», поставленная Э. Рязановым на «Мосфильме»,—эти произведения Леонида Ленча были встречены с одобрением советским и зарубежным зрителем. Экранизация повести «Черные погоны», осуществленная недавно на той же студии, снова подтвердила: Ленч достигает в своей прозе, тяготеющей к жанру художественно-документальному, высокой степени правдоподобия, а его мастерские диалоги и массовые сцены прямо-таки провоцируют и раздражают (в творческом смысле) кинорежиссеров. И в «Черных погонах», и в повести «Она была красивая женщина», в рассказе «Оборотень» и других (как, впрочем, и более ранних своих новеллах) Леонид Ленч, затрагивая, в частности, тему выбора человеком позиции в час испытаний, в переломные моменты в истории Родины и в собственной судьбе, решает проблемы с четких позиций гражданственности и партийности, не приукрашивая события, но и не усугубляя трагизм ситуации.

И все-таки многогранность таланта не может затмить в Ленче прирожденного юмориста, остро видящего, все подмечающего и умеющего заразительно смешно и зло поведать о том, что смеха достойно.

И собратьям по перу он может помочь, когда надо,— он перевел на русский язык произведения Остапа Вишни, Дм. Гулиа, Василия Цонева, Мирсая Амира, Азиза Несина, Мирзы Ибрагимова, Алтая Мамедова, Миколы Зарудного...

На международных конкурсах юмора и сатиры ему присуждались первые премии, а в 1983 году он стал обладателем почетной Международной литературной премии «Хитрый Петр» (г. Габрово, Болгария), которая вручается выдающимся литераторам, работающим в жанре юмора.

Леонид Сергеевич Ленч — председатель Совета по юмору и сатире Московской писательской организации, активный автор журнала «Крокодил» и юмористических радиопередач, его вечно молодое и вечно нужное искусство служит людям. Однако, когда мы попросили Леонида Сергеевича поподробнее коснуться творческих планов, он вместо этого с улыбкой протянул нам миниатюру, публикуемую на этой полосе,— своеобразный ответ делом.

Здоровья и новых творческих успехов Вам, дорогой Леонид Сергеевич!

Ю. НОВИКОВ

Леонид ЛЕНЧ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

ДЕЛИКАТНАЯ ПРОБЛЕМА

Перед самым концом рабочего дня появился посетитель, при одном взгляде на которого сотрудник редакции, принимавший жалобы и заявления от читателей, понял, что сегодня ему вовремя с работы не уйти! Посетитель был хмур, весь какой-то всклокоченный и взъерошенный. «Не уйду, пока своего не добьюсь!» — было написано на его лице.

Он сел на предложенный ему стул и молча уставился на сотрудника.

— На что будем жаловаться? — с привычной бодростью спросил сотрудник.

— Я к вам не с жалобой.

— А с чем же?

— Скорее с рационализаторским предложением... по одной такой деликатной проблеме! В общем, прочтите, и вы осознаете ее общественную значимость.

Сотрудник взглянул на ручные часы.

— А вы не могли бы... в двух словах изложить суть вашей проблемы? И мы вместе ее осознаем. Нас, знаете, время поджимает!

Посетитель взял со стола свою бумагу и показал сотруднику то, что было в ней напечатано крупными заглавными буквами и подчеркнуто жирной чертой.

— Прочтите хотя бы это!

Сотрудник стал читать вслух:

«Замечено, что, когда у женщины начинается период зубной недостаточности, у нее одновременно повышается агрессивность, свойственная вообще женскому характеру. Объектом агрессии становится мужчина — то есть ее муж, который, по мнению женщины — жены, всегда оказывается виновником всех еще не преодоленных нами бытовых трудностей и неурядиц. Проблема мира и покоя в семье в эпоху технического прогресса...»

Сотрудник прервал чтение, отложил в сторону бумагу и сказал:

— Все это, извините, очень неясно. Какое же рационализаторское предложение у вас имеется... по этому вопросу?

— Я иду от личного опыта. Моя жена именно такая агрессивная женщина. Когда ее постигла зубная недостаточность (в чем, конечно, оказался виноватым, как сами понимаете, я!), она обратилась в одну поликлинику, и ей сделали протез. Хороший протез: жевательная способность — на высшем уровне, речевая четкость — отличная. Но есть одна особенность: как только жена начинает меня ругать — протез автоматически выскакивает из ее рта. Не выдерживает! Видимо, его структура не переносит таких мощных звуковых колебаний... Понимаете теперь, какая тут открывается перспектива?

— Позвольте,— сказал сотрудник, — она же может поставить протез на место и... начать все сначала!

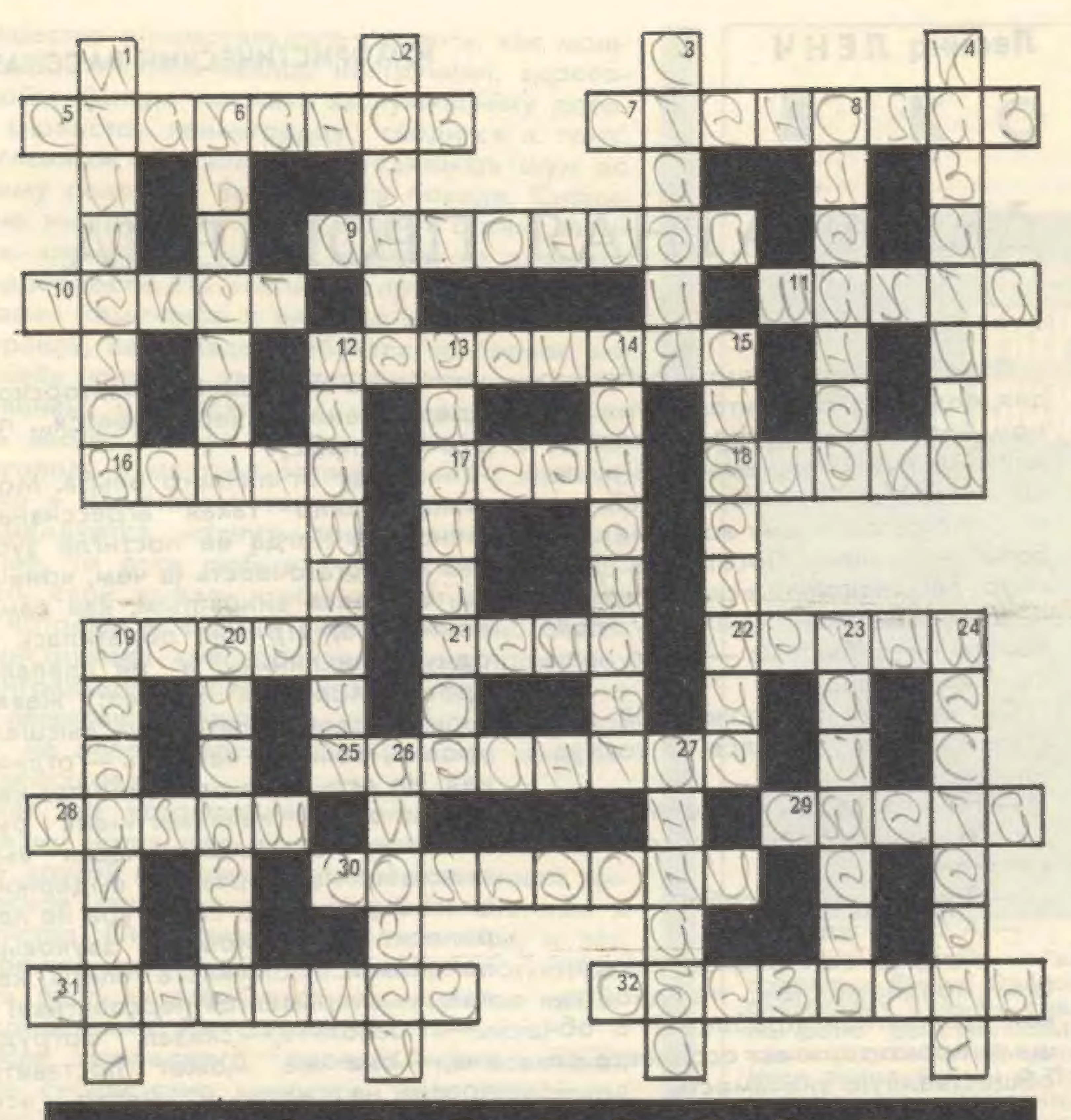
— Теоретически может, но она воспринимает это выскакивание как некий психологический сигнал и приходит в норму!

— Какое же у вас рационализаторское предложение?

— Я предлагаю обязать все зубные поликлиники и амбулатории делать для женщин повышенной агрессивности только вот такие протезы... с автоматическим выскакиванием. Заказчица должна представлять в амбулаторию справку от мужа (или от домоуправления), что она не агрессивна, — тогда, пожалуйста, ей сделают обычный зубной протез, справки нет — получай, матушка, с выскакиванием. Но это все уже вопросы техники, детали. Тут (он нежно погладил ладонью свою бумагу) у меня все написано... Вы обещаете мне внимательно изучить мое предложение и дать ему ход? Очень вас прошу!

Сотрудник обещал и... передал его рационализаторское предложение мне, а я, как видите, дал ему ход!

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Зачинатель массового движения новаторов, Герой Социалистического Труда. 7. Птица, обитающая в горах. 9. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». 10. Слова к музыкальному сочинению. 11. Горнопромышленное предприятие. 12. Соревнование в русском народном танце. 16. Снасть судна. 17. Заросший травой верхний слой почвы. 18. Дощечка с надписью на товаре, багаже. 19. Место пересечения двух плоскостей. 21. Предмет изображения, повествования. 22. Приток Оби. 25. Четырехколесный экипаж. 28. Советское издательство, выпускающее книжки для детей. 29. Исчисление предстоящих расходов и доходов. 30. Итальянский драматург XVIII века. 31. Озеро в Канаде. 32. Басня И. А. Крылова.

По вертикали: 1. Картина В. Г. Перова. 2. Небесное светило. 3. Этап, период в развитии. 4. Небольшая лирическая ария. 6. Город на юге США. 8. Декоративный вечнозеленый южный кустарник. 12. Несамоходное грузовое судно. 13. Нагревательный прибор в системе отопления. 14. Изображение местности в искусстве. 15. Финский композитор. 19. Коллектив, ведущий периодический орган печати. 20. Зачинатель стахановского движения в автомобильной промышленности. 23. Лососевая рыба. 24. Зубчатое колесо. 26. Наиболее удаленная от Земли точка орбиты Луны. 27. Порт в Алжире.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали: 1. Автопилот. 5. Флагман. 6. Егорлык. 8. Корнет. 9. Ботва. 10. Санаев. 12. Клодт. 14. Браслет. 17. Старт. 18. Архангельский. 21. «Арион». 22. Суматра. 25. Тюбик. 28. Иволга. 29. Оникс. 30. Кедрин. 31. Афалина. 32. Сарафан. 33. Аквамарин.

По вертикали: 1. Алиготе. 2. Одинцова. 3. Интервал. 4. Терраса. 5. Фарфор. 7. Клапан. 8. Коккинаки. 11. Ветчинкин. 13. Турин. 14. Брасс. 15. Среда. 16. «Тоска». 17. Свифт. 19. Витоша. 20. Оберон. 23. Мансарда. 24. Токусима. 26. Таблица. 27. Экзамен.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кремль. Вид на Большой Кремлевский дворец и соборы.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кремль со стороны Большого каменного моста. (См. в номере материал «Стены Кремля»).

Фото Н. РАХМАНОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 05.08.85. Подписано к печати 20.08.85. А 00384. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 2158. Заказ № 1188.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

П О Б Е Д А !

См. II обл. и стр. 1.

В. ВИКТОРОВ,
Фото А. БОЧИНИНА

36 стартов в течение двух дней. Финал Кубка Европы по легкой атлетике. Десятая встреча самых именитых бегунов, прыгунов и метателей, представляющих восемь стран. Как и во всех девяти предыдущих встречах, спор за главную, командную, победу ведут легкоатлеты ГДР и СССР...

Эти несколько строк, в сущности, исчерпывающе точно объясняют причину огромного внимания к этим соревнованиям не только в Европе, но и на всех других континентах, приезд в Москву многочисленных журналистов, интерес поистине футбольного накала к происходящим событиям на центральном стадионе нашей страны.

Да, это была поистине счастливая идея спрессовать огромную толщу двадцати номеров мужской программы и шестнадцати — женской, занимающей на Олимпийских играх чуть ли не целую неделю, всего в два дня: каждый старт — финальный, сумма очков определяет победителей.

И как же трудно в течение 20 лет складывалась для наших команд борьба за Кубок! Всего три раза удавалось нам побеждать мужской командой и 2 раза женской. За последние 12 лет ни разу не выигрывала мужская команда СССР и восемнадцать лет не побеждала женская. И вот теперь двойной успех: наши мужчины обогнали легкоатлетов ГДР на 12 очков, а женщины — на 7 очков.

Впервые с тех далеких времен, когда сборной командой страны руководил Гавриил Коробков, мы видим такую слаженную, сильную почти во всех своих звеньях сборную. Это большой успех ученика Коробкова — Игоря Тер-Ованесяна, которому удалось собрать равноценный состав. Достаточно отметить, что советские спортсмены почти всегда были среди призеров, а это значит, что меньше шести очков никто в общую копилку команды не вносил (по условиям соревнований победитель получал 8 очков, а каждый следующий — на очко меньше).

Говорят, что победителей не судят, но в спорте этот закон не действует. В спорте судят и победителей, и побежденных. И если исходить из этого принципа, нельзя не отметить, что единственным слабым местом в сборной были ее бегуны на средние и длинные дистанции. Так, всего три очка принес своей команде участник бега на 10 000 метров — он финишировал шестым. Плохо показали себя советские бегуны и на дистанциях 1500 и 5000 метров.

Почему мы плохо бегаем? Этот сакраментальный вопрос мы задаем уже многие годы. Почему утрачены традиции Куца? Ответа нет.

Не получили мы ответа и на финале Кубка, но, к счастью, не стайеры и не бегуны на средние дистанции решали судьбу Кубка, их неудачи с лихвой перекрыли прыгуны, метатели, спринтеры и барьеристы, а также прекрасно проявившие себя бегуньи на самых разных дистанциях, начиная со ста метров и кончая десятью тысячами.

Вот о них, обеспечивших своей команде славную победу, и хочется сказать в заключение несколько слов.

Первые 7 очков в копилку сборной внесла М. Степанова, участница бега на 400 метров с барьерами, ветеран нашей легкой атлетики (ей 35 лет). Она уступила лишь сильнейшей барьеристке мира С. Буш (ГДР). Такого же прекрасного результата смогли добиться на дистанции 100 метров одна из самых молодых участниц — М. Жирова, и опытный В. Муравьев, а в мужской эстафете 4×100 метров наша команда завоевала первое место, оставив команду ГДР на втором месте. И, конечно, одной из героинь соревнований стала О. Владыкина, победившая в забеге на 400 метров сильнейшую бегунью в мире К. Эммельман (ГДР), да еще при этом установившая новый всесоюзный рекорд (48,60 секунды). А как уверенно выступили и молодой толкатель ядра С. Смирнов и опытная наша дискоболка Г. Савинкова, завоевавшие первые места с отличными результатами (Смирнов установил новый всесоюзный рекорд — 22 метра 5 сантиметров). И, конечно же, украшением соревнований стали выступления прыгунов. Две фамилии в течение двух дней звучали на трибунах и в пресс-центре, хотя их выступления ожидались лишь под самый занавес. Бубка и Быкова — вот эти фамилии. И ожидания стадиона оправдались. Сергей Бубка начал прыжки на высоте 5.60, взял 5.80, заказал 6.02 — новый мировой рекорд, и был близок к тому, чтобы взять эту высоту, а Тамара Быкова хотя и уступила С. Костадиновой, но в какой борьбе! Болгарская спортсменка преодолела 2 метра 6 сантиметров, а Быкова — 2 метра 2 сантиметра.

Прекрасно выступили на Кубке итальянский стайер А. Кова, опередивший в беге и на 10 000 и на 5000 метров; Херберт, победивший в тройном прыжке, замечательный английский бегун на 800 метров Т. Маккин, мировой рекордсмен в метании копья У. Хон (ГДР) и многие его товарищи по команде.

На этот раз легкоатлеты ГДР уступили почетные призы спортсменам СССР, но они по-прежнему остаются лидерами не только в Европе, но и во всем мире и вместе с победителями завоевали право двумя командами — и мужской и женской — участвовать в финале Кубка мира, который будет осенью разыгрываться в Австралии.

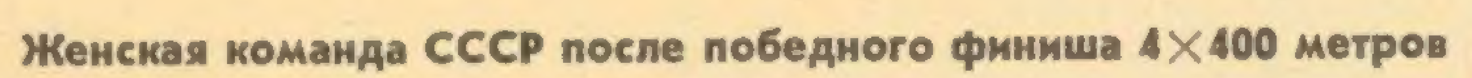

Петра Фельке (ГДР) победила в метании копья

Харальд Шмид (ФРГ) завоевал первенство в беге на 400 метров с барьерами

Женская команда СССР после победного финиша 4×400 метров

Итальянец Альберто Кова победитель бега на 5 и 10 тысяч метров

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

